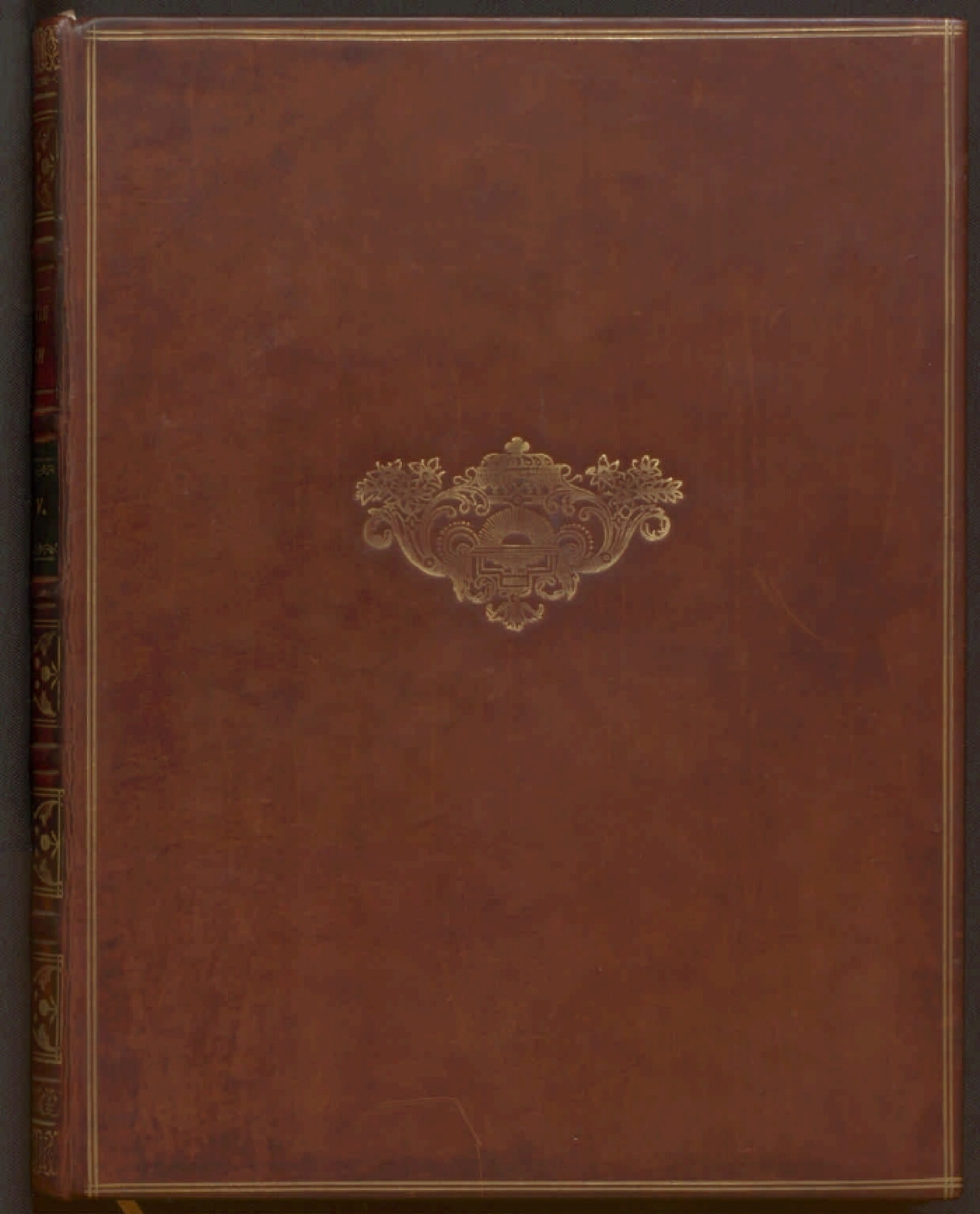
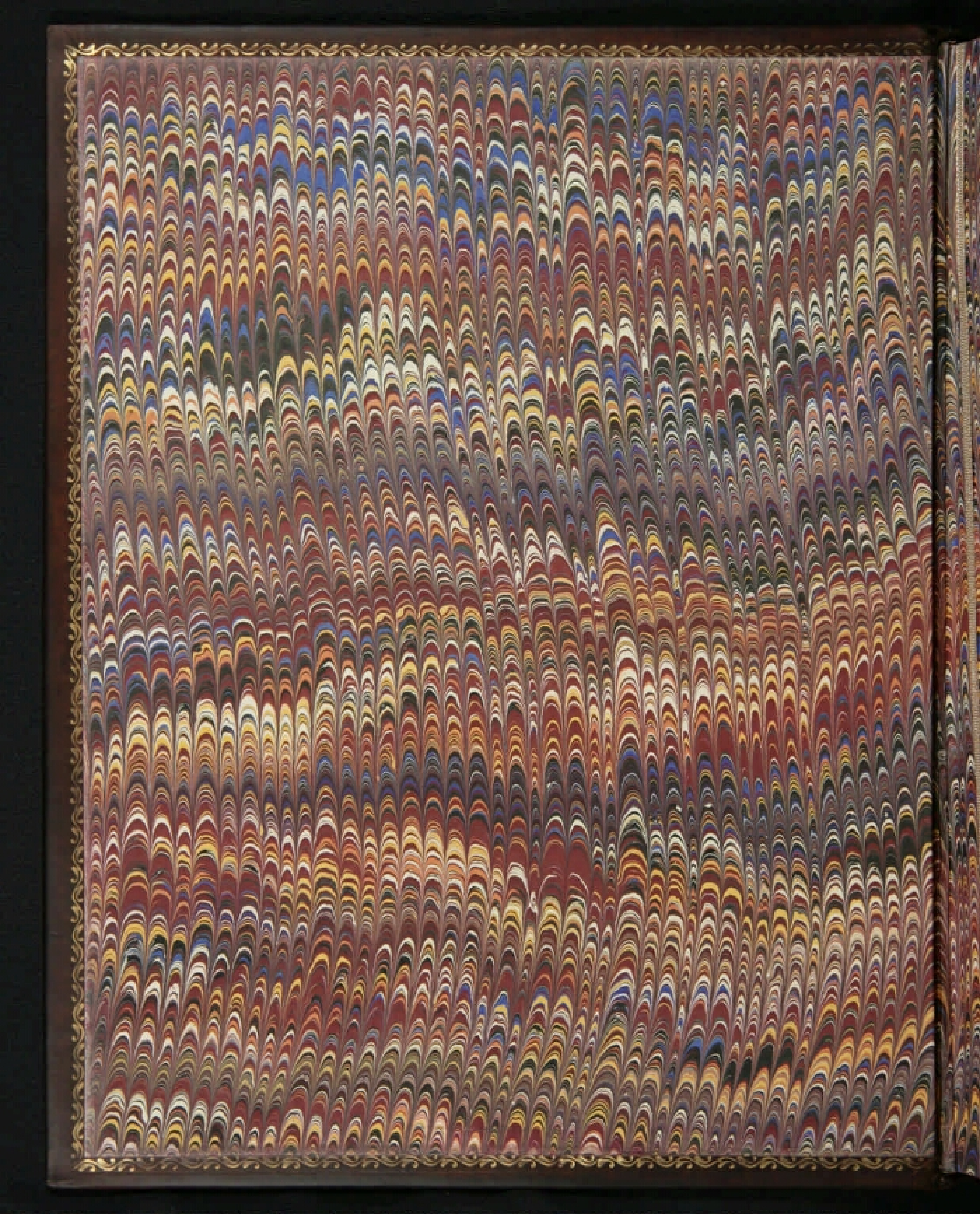
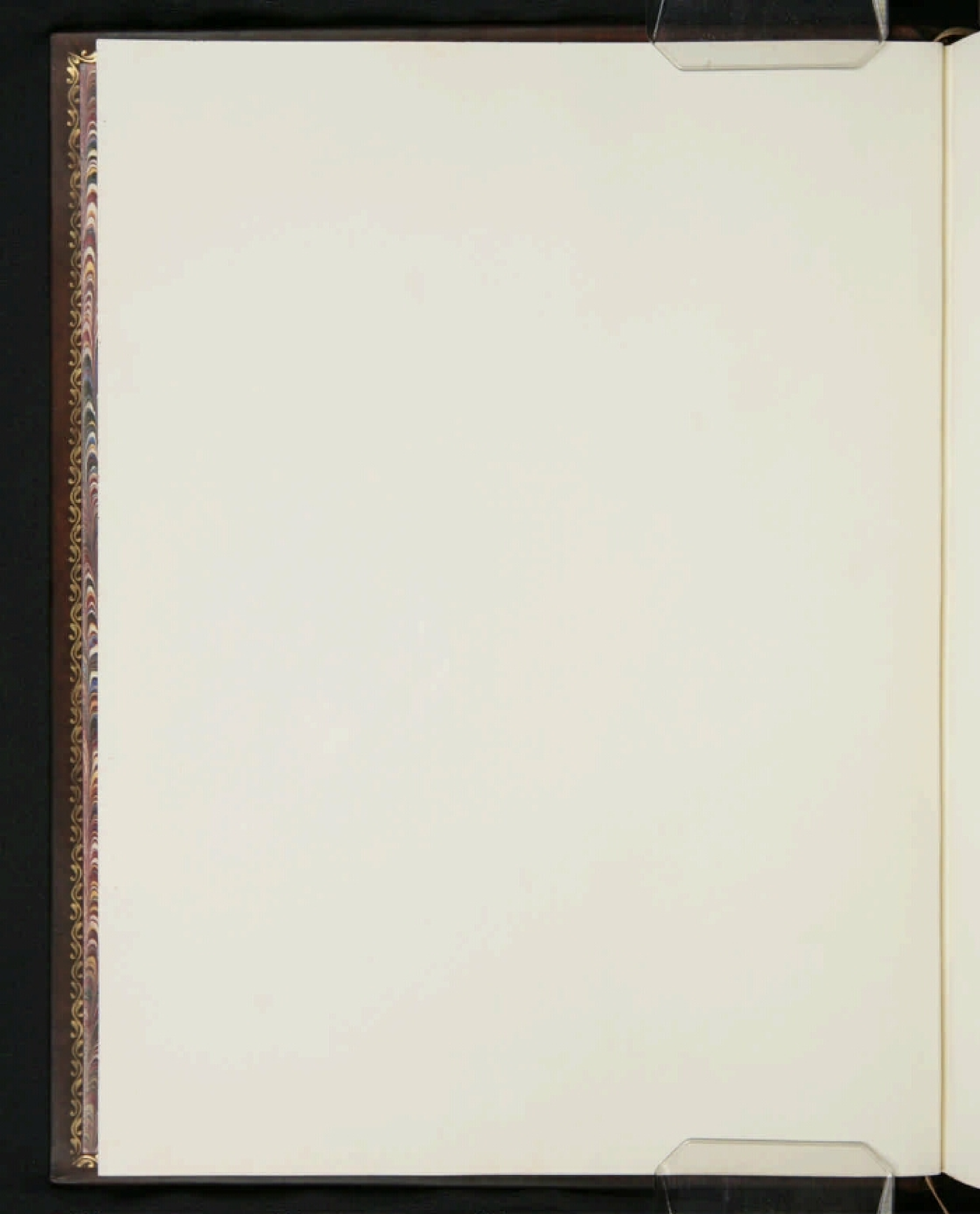
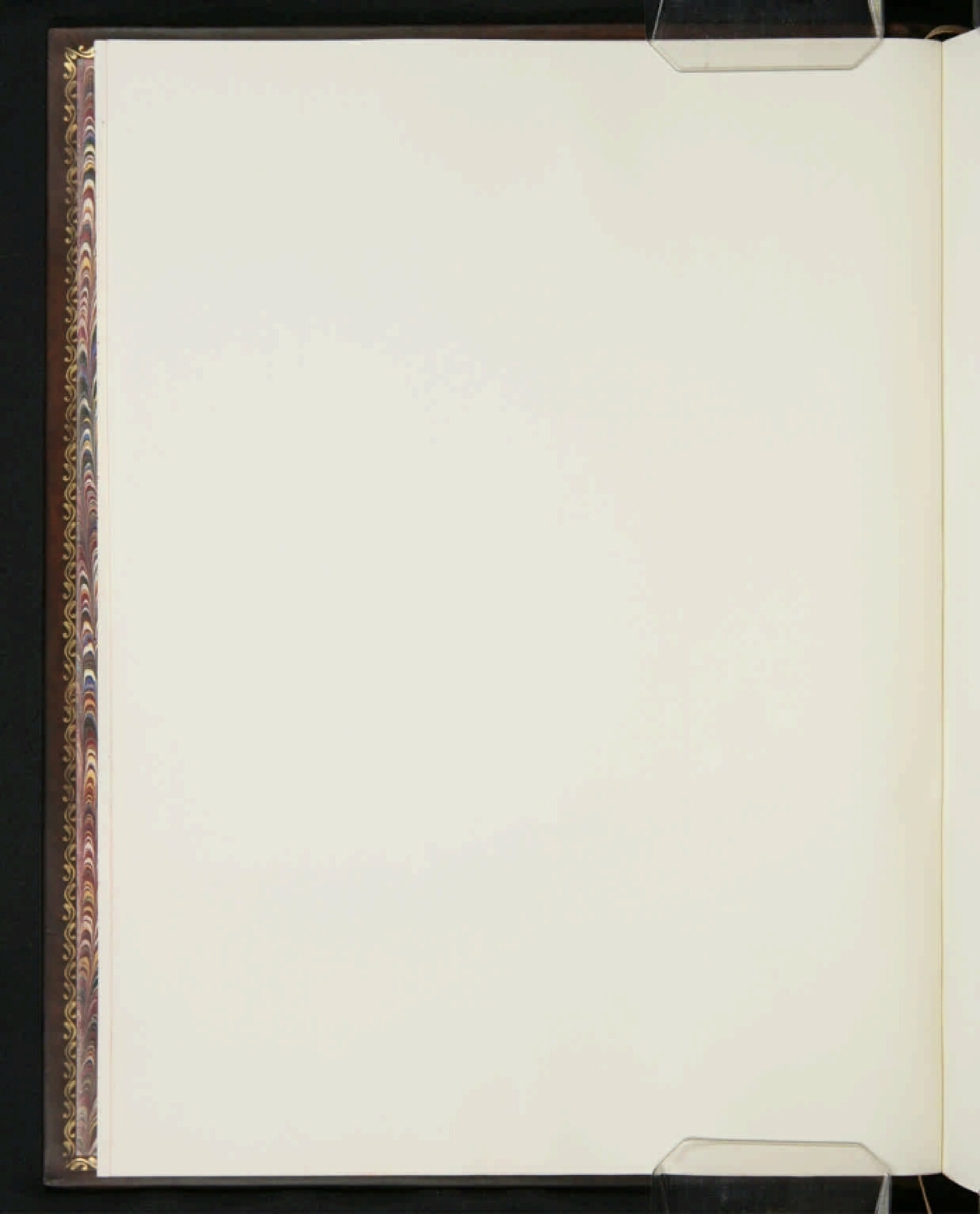

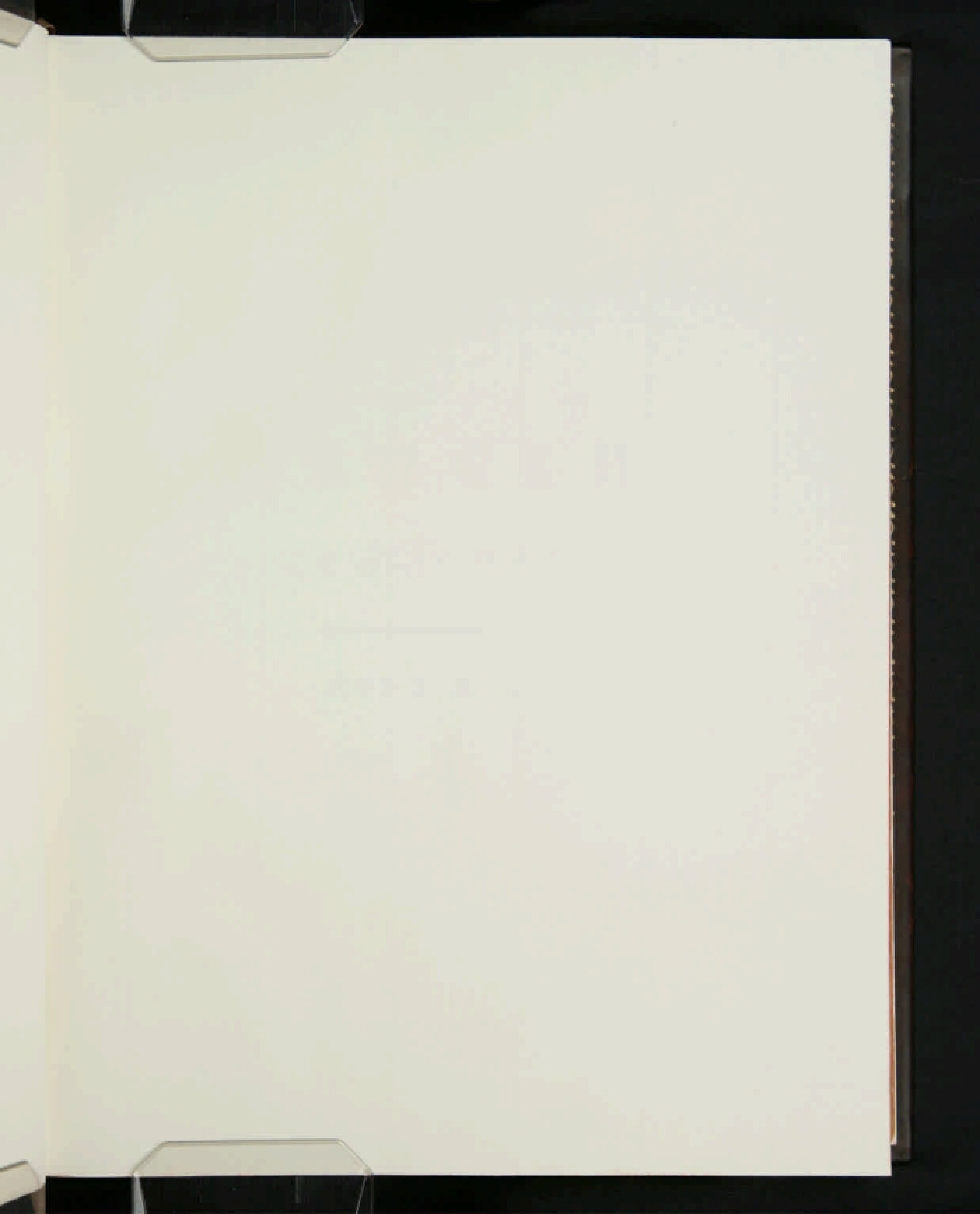

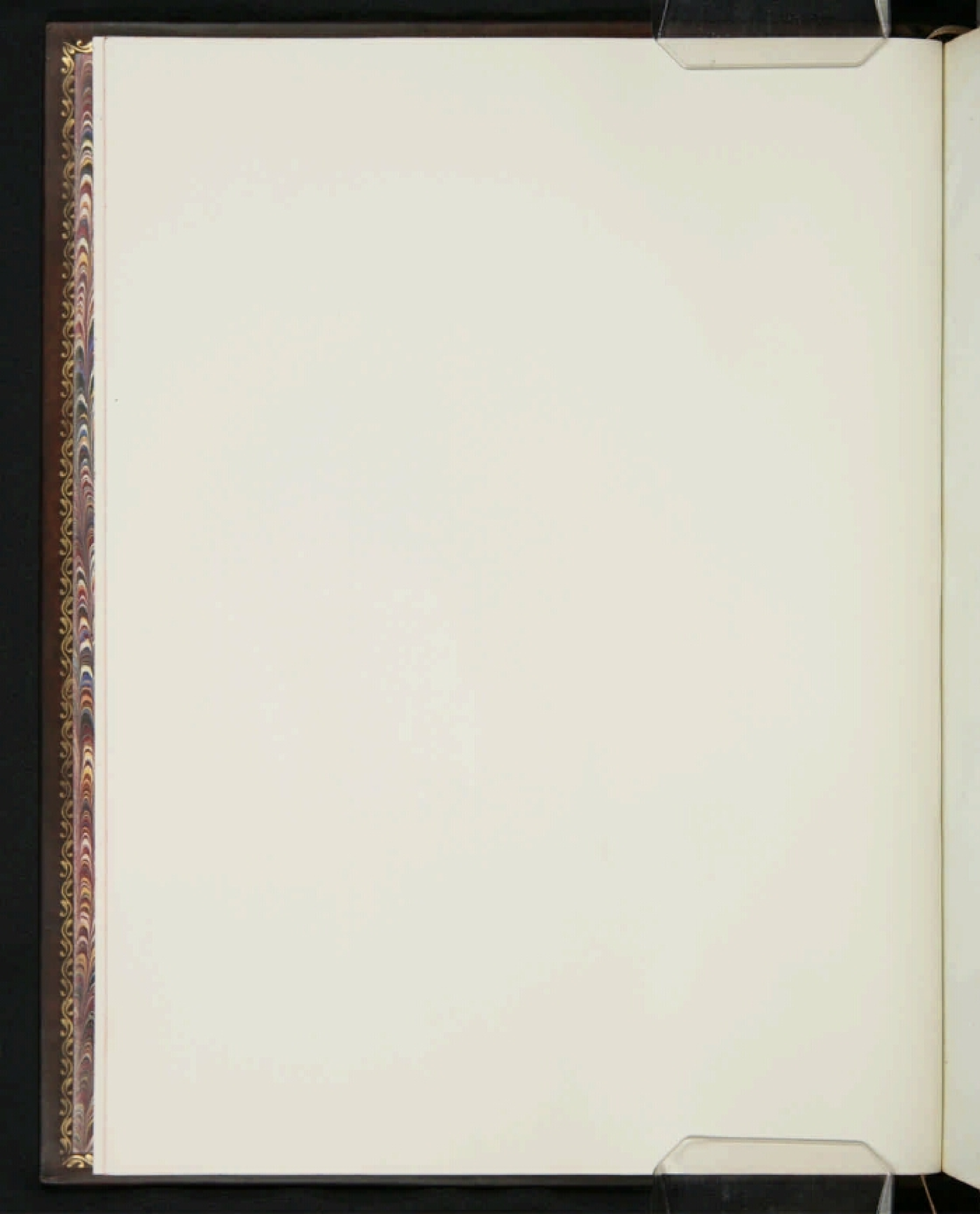

ЗАПИСКИ

КИТАЙСКІЯ.

ТОМЪ V.

Изъ книгъ Ѳедора Мартынова

ЗАПИСКИ,

надлежащія

до

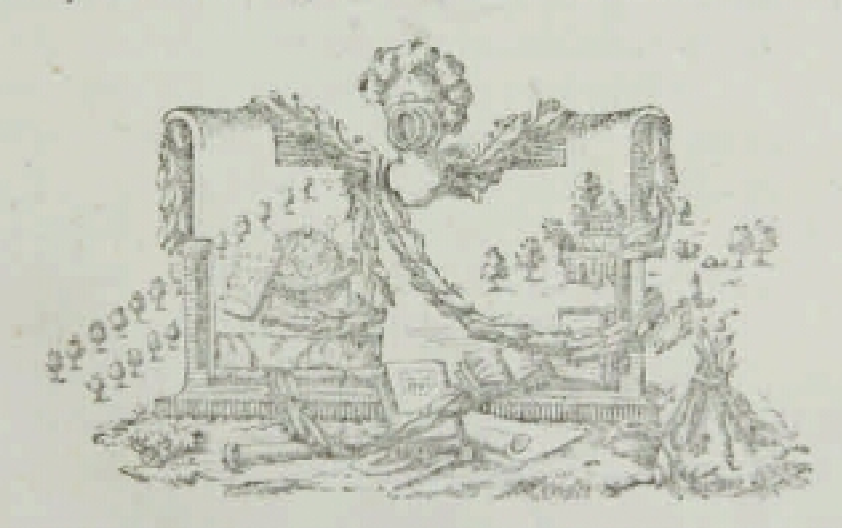
исторіи, наукъ, художествъ, нравовъ, обычаевъ и проч.

КИТАЙЦЕВЪ,

сочиненныя проповѣдниками вѣры христіанской въ Пекинѣ.

ТОМЪ V.

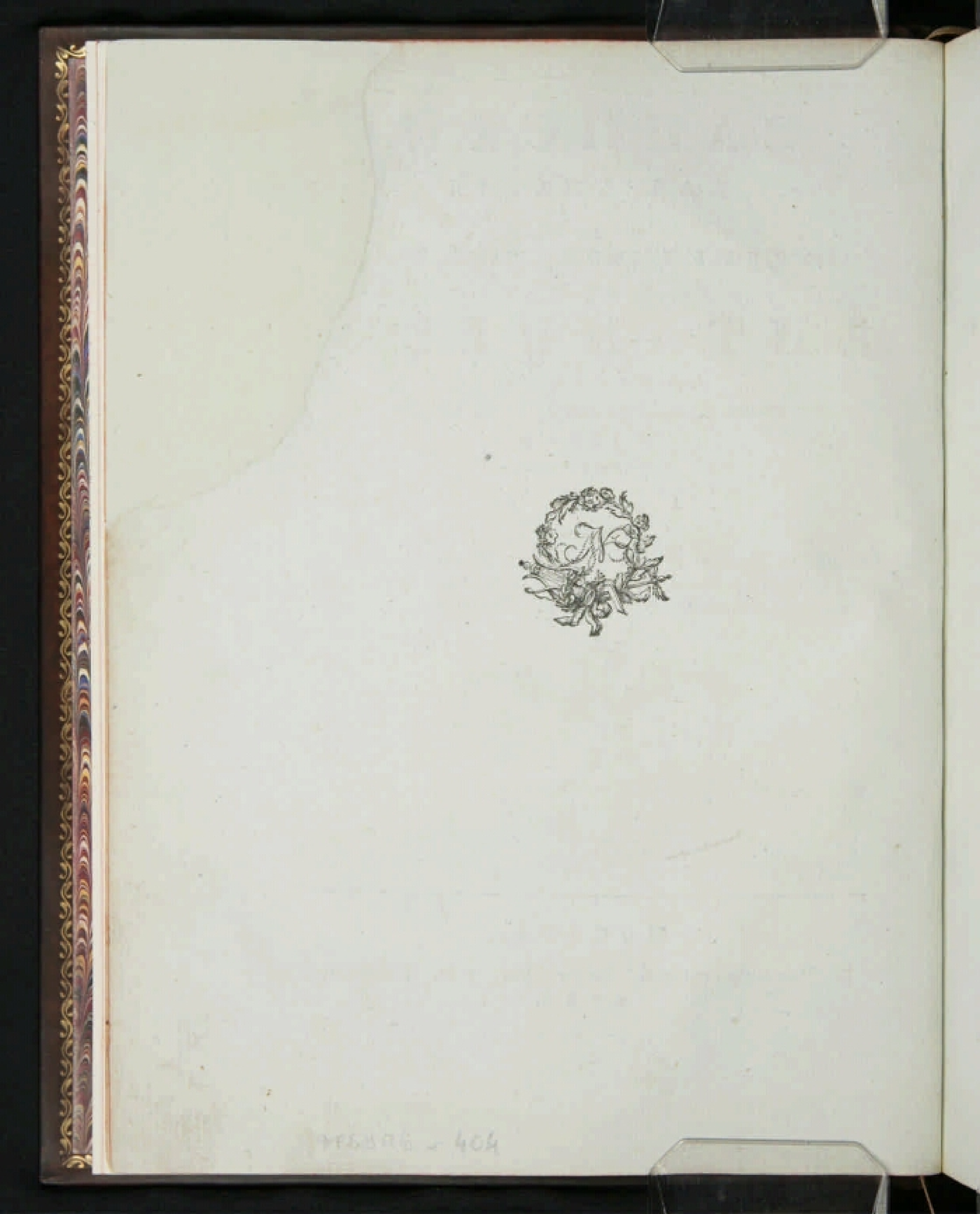
Изданы въ Парижѣ съ воли и одобренія Короля въ 1778, на Россійской же языкъ переложены въ 1787 году, Губерніи Московской, Клинской округи, въ сельцѣ Михалевѣ.

МОСКВА,

Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова,

1788.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ пятой сей, а потомъ и шестой Части Записокъ Китайскихъ обрящутъ Читатели черты, составляющія образа пятидесяти двухъ славныхъ мужей у Китайцевъ, и еще многимъ другимъ таковымъ же дадимъ мѣсто въ Частяхъ Сочиненія сего, слѣдующихъ за оными, дабы токъ содержанія не былъ всегда единообразенъ. Въ рукописи, присланной къ намъ изъ Пекина, размѣщены подобія лицъ помянутыхъ мужей, по снятіи съ подлинниковъ тамошними живописцами; но какъ по большой части не предполагаютъ зрѣнію примѣтныя разности между собою, то довольны мы были тисненными на рѣзныхъ доскахъ.

Образа, о коихъ здѣсь слово, начертаны въ старинномъ Китайскомъ вкусѣ; не имѣютъ ничего пріятнаго для глазъ, ниже выработаннаго съ особымъ искусствомъ, однако же Китайцами предпочитаются всему уважаемому впрочемъ ими. Таковая пища самолюбія сего народа не можетъ и инаковою быть, какъ нарочито непріятною, естьли не будетъ, такъ сказать, приправлена, или уздоблена. Въ томъ-то самомъ и состояло стараніе Сочинителя. Рылся онъ какъ во всеобщей, такъ и частныхъ Исторіяхъ; прибѣгалъ къ замѣчательнымъ приключеніямъ личнымъ дабы дать ему спознать намъ въ возможной точности чужестранцевъ, которые громкими своими именами наслушили углы страны, въ коей обитали.

По сему, относительно къ нравственности, найдемъ, что человѣки взаимно сходствуютъ между собою во всѣхъ странахъ; во всѣ времена почти бы-

ли одинаковы. Много пороковЪ, мало добродѣтелей, сЪ нѣсколькими изящными качествами, сЪ безчисленными недостатками: вотЪ что всегда видимо было! вотЪ что правдѣ подобно же и увидимЪ всегда по всему лицу земному вЪ родѣ человѣческомЪ!

За рядомЪ описаній, каковы были помянутые пятьдесятЪ два Китайца, предположимЪ сказаніе о побѣдѣ Міао-ТсеевЪ, которая возпріяла конецЪ свой вЪ тысяча семь сотЪ семдесятЪ пятомЪ году, сЪ подробностями, означающими нынѣшнее качество Китайскаго народа вообще, нынѣшнія онаго нравы, коренныя правила и прочая. СверьхЪ того можемЪ получить понятіе о могуществѣ онаго, чиноположеніяхЪ и обрядникахЪ при случаяхЪ торжественныхЪ, какЪ управляется нынѣ великая сія Имперія. и проч.

БудетЪ же замыкаться все сіе примѣчаніями на садовыя и дикія растенія, земледѣльство, свойственное Китаю, для пользы любопытныхЪ вЪ разсужденіи таковыхЪ хозяйствЪ; напослѣдокЪ дадимЪ мѣсто провозглашенію вЪ народЪ, вЪ который день самаго Императора увидѣть могутЪ сЪ плугомЪ, рѣжуща земное нѣдро.

ВЪ седьмой Части обнаружится благоговѣніе дѣтское кЪ родителямЪ у КитайцевЪ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Сочинитель, Китаецъ, трудившійся въ собираніи портретовъ славныхъ мужей отечества своего, въ заглавіи полагаетъ слѣдующія слова: . . . „Въ „первые дни первыянадесять луны, двадцать четвертаго лѣта Канг-Гіева (сирѣчь предъ исходомъ „тысяча шесть сотъ восемдесятъ пятаго года), я „По-Кіэ, по прозванію Тшанг-Сіэу, собравъ подобія лицъ, болѣе нежели ста мужей знаменитыхъ, „сохраняемыя у насъ въ храмѣ, гдѣ безпристрастно „цѣнятъ достоинство простиравшихся въ добродѣтели (Гинг-Те Сеэ-Тао-Гунг-Кунг), должностію моею судилъ упомянуть нѣчто о каждомъ, „дабы по меньшей мѣрѣ можно было составить объ „нихъ въ мысляхъ нѣкоторое понятіе и напоминаніе.

„Существо Всевышнее, корень и начало трехъ „основаній дѣятельныхъ Сан-Тсан (сирѣчь неба, „земли и человѣка)! благослови трудъ, предпріятый „ко благоугожденію и наставленію потомства.„

Однако же не все обѣщанное выполняетъ; меньше иногда даже и одной строки пишетъ достойнаго замѣчанія объ особѣ, упоминаемой имъ. Для Китайцевъ можетъ быть сего довольно; ибо могутъ доставляться свѣденіями точнѣе на мѣстахъ, вникая

кая въ исторію свою и другія книги, которыя входятъ въ подробности обо всемъ, надлежащемъ до великихъ мужей.

Но не довольно сего для Европейцовъ, живущихъ въ Пекинѣ, недостаточествующихъ во всякихъ къ тому пособіяхъ. По сей-то причинѣ пріобщилъ я нѣчто къ чертамъ несовершеннымъ По-Кіэ-Тшанг-Сіэуіевымъ.

Совокупляя во едино нѣкоторыя изъ славнѣйшихъ таковыхъ чертъ, ознаменующихъ великихъ мужей, которые съ самаго начала бытствованія сей Монархіи прославилися участіями въ народоправительствѣ, наукахъ и ремесломъ воинскимъ, нечувствительно изражу я качество народа сего имени по разнымъ времячисленнымъ замѣтамъ. Подобія лицъ частныхъ учинятся таковымъ же точно изображеніемъ и цѣлаго народа сего преданія, носящіяся между чернью; ничтожныя побаски, иногда срѣтаемыя, не будутъ не къ мѣсту и обратятся въ доказательство, какъ и все прочее. Учености Французской недоставало отрывка сего рода; съ радостію доставляю я ей оный. Впрочемъ, выдаю не инако, какъ за слабую попытку: иные послѣ меня довершить то могутъ. Посреди великихъ мужей, которые подъ перомъ моимъ появляться будутъ одинъ за другимъ, найдутся и такіе, коихъ достоинства цѣнить удобны только ихъ соотечники; ибо на мѣстахъ токмо въ точности опознаваются свойственныя странѣ вещи и дѣла, и уважаемы бываютъ отличающіеся оными въ нѣкоторой извѣстной степени. И такъ Читатель долженствуетъ мысленно перенестися въ Китай, дабы вразумить ему себя, что тамъ

дѣ-

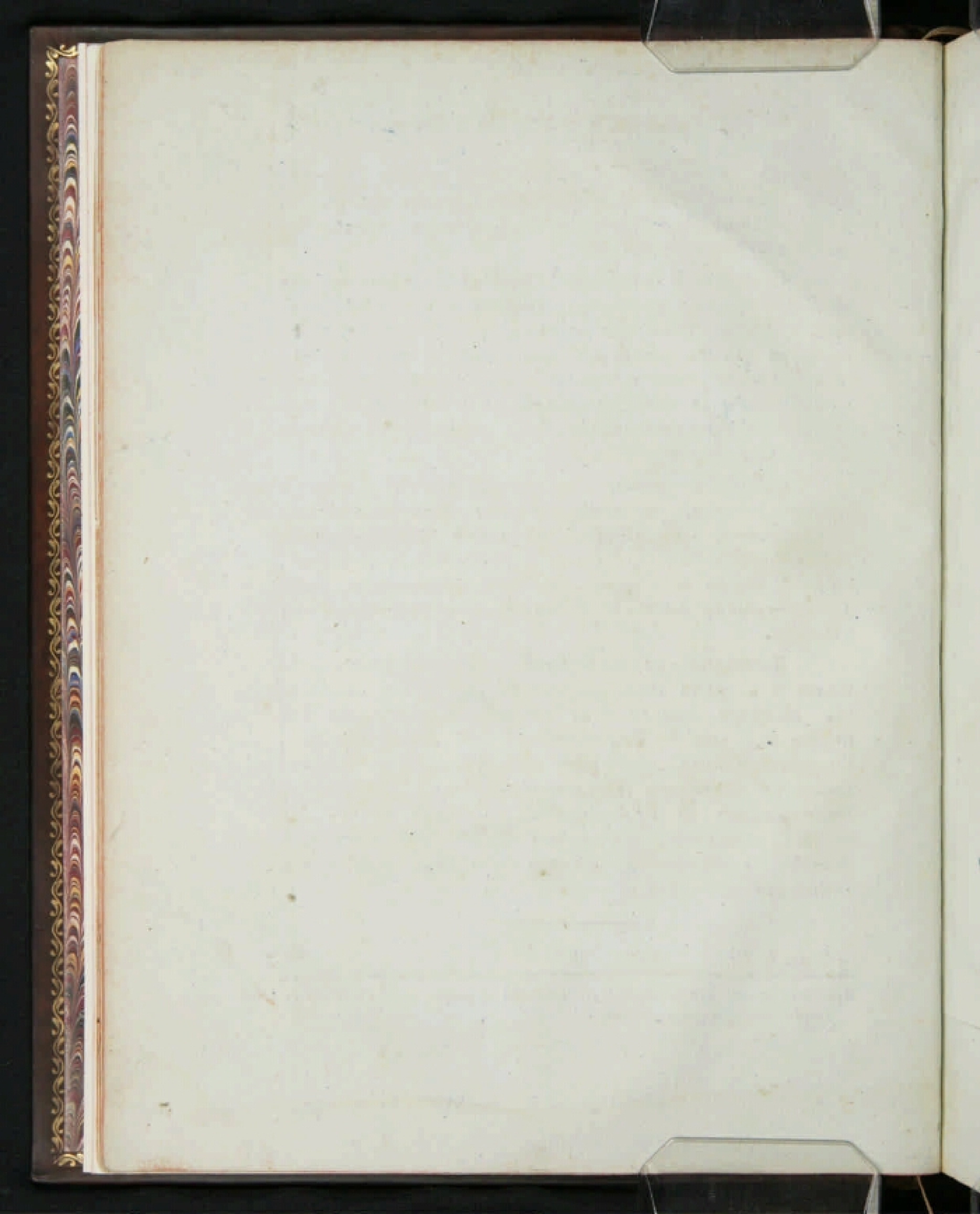
дѣлается, и увидѣть, естьли то можно, Китайцевъ, каковы суть въ самой вещи: инако же не можетъ судить справедливо и безъ предразсудковъ собственныя своея отчизны.

Сокращенія Китайской Исторіи, напечатанныя въ Европѣ, уже довольно, какъ мнится, обнаруживаютъ оное; однако же не нахожу излишностію повторять содержащееся въ нихъ по моему. Кисть, такъ сказать, моя придастъ изображеніямъ великихъ мужей болѣе съ ними сходства, да и возвратитъ ихъ въ первобытное положеніе, изъ коего Европейскими Сочинителями извлечены.

Сыщутся между прочими, коихъ назову я только имянемъ по тому единому, что потомство удостоиваетъ ихъ мѣстомъ въ храмѣ Конфуціевомъ; но не оставлю въ свое время освѣдомить Читателей, пиша Исторію Философа сего, безъ увѣдомленія о мудрыхъ мужахъ разныхъ времянъ, кои прославили его училище.

Касательно до размѣщенія сихъ портретовъ, держался я порядка лѣточисленнаго, яко наипростѣйшаго. Могутъ, естьли кому угодно, и премѣнить сей порядокъ, ставя Императоровъ съ Императорами, Государственныхъ Дѣловцевъ и Судей съ Государственными же Дѣловцами и Судьями, Ученыхъ съ Учеными, Полководцевъ съ Полководцами, и такъ далѣе. Не спорю; порядокъ, избранный мною, показался мнѣ ловчѣе: да избираетъ каждый инакій, подобно же ловчайшій для себя.

Примѣч. Печатая сіе Сочиненіе, держалися порядка ссылокъ и выносокъ трудившагося въ немъ.

Тай-хао-фу-хи-дзе, Основатель Монархіи.

ЗАПИСКИ,

НАДЛЕЖАЩІЯ

ДО

КИТАЙЦЕВЪ.

I.

Таи-Гао-Фу-Ги-Ше, основатель Монархіи (*).

Таи-Гао, свойственно нарицавшійся Фу-Ги, по прозванью же Сунгъ, имѣлъ пребываніе Двора своего въ Уан-Кіэу, городѣ, нынѣ слывущемъ Тшен-Тшеу въ области Го-Нанъ; царствовалъ сто пятнадцать лѣтъ. Таинственнымъ знакомъ имѣлъ для себя лѣвъ.

(*) Нѣкоторые ученые Китайцы не углубляются далѣе въ древность времянъ Яоевыхъ, сопричисляя къ сказаніямъ басногловнымъ и сомнительнымъ все надлежащее до Фу-Гіа, Шен-Нунга, Гоанг-Тіа и прочихъ. Смотри Томъ I листъ 141 и 149 до 242.

Объ отцѣ его Писатели Китайскіе молчатъ, матери же даютъ имя Гоа-Сіу; нѣкоторые разумѣютъ его преемникомъ Сун-Іня, которому присвояютъ изобрѣтеніе огня. Повѣствуютъ, что имѣлъ голову человѣческую, прочія же части тѣла, какъ у змѣи. Сіе не должно принимать въ смыслѣ словъ; ибо описывая его съ тѣломъ змѣинымъ, изображаютъ на картинахъ, какъ человѣка съ головы до ногъ.

Фу-Ги вымыслилъ рыболовныя сѣти; научилъ современниковъ варить мяса и приправливать оныя въ снѣдяхъ: чего ради прозванъ Пао-Ги-Ше. Пишется объ немъ, что добродѣтелію своею уподоблялся небу и землѣ; что небо проявило въ царствованіе его птицу феникса (Фунг-Гоангъ) и дракона (Лунгъ). Увидѣли также въ его время крылатаго коня со знаками на кожѣ, коихъ расположеніе подало случай Фу-Гію начертать восемь Коаевъ. Коаи имѣли силу свыше; ничего не существуетъ по вселенной, чего бы въ себѣ не замыкали (сказуетъ Сочинитель). Читай Томъ II страницу 11 и слѣдующія.

Нѣсколько узловъ на верьви, былъ единый образъ писанія до Фу-Гіа. При немъ выдуманы буквы, наложено каждой особое названіе, дабы всѣ и каждый могъ изучать ихъ наизусть, удерживать въ памяти и пользоваться въ нужныхъ случаяхъ. Ничего не забыто съ его стороны ко утвержденію обычая таковаго. Искусство писанія основалось на шести правилахъ.

До него не было брачныхъ союзовъ; установилъ онъ обряды, доказующіе оныхъ дѣйствительность. Мужу и женѣ, сочетавшимся, изложилъ особенныя для каждаго лица должности: и такимъ образомъ

ввелъ

ввелъ правила пристойности и благонравія. Онъ же вымыслилъ Музыку стройными напѣвами, когда торжествована была побѣда его надъ невѣжествомъ и дикостію общенародными. За изобрѣтеніемъ голосной Музыки послѣдовало же двухъ музыкальныхъ орудій струнныхъ, Кинъ и Хе.

Человѣки уже собралися въ общежитіе, уже возникъ составъ народа: нужны стали старѣйшины къ удерживанію всѣхъ въ порядкѣ и къ заставленію хранить оный. Фу-Ги учредилъ Судей подъ имянемъ Драконовъ.

Трудился пятьдесятъ лѣтъ, смягчая нравы людей дикихъ, покорившихся власти его; старался чрезъ все сіе время научить ихъ доставлять себя выгодами жизненными.

Не льзя точно означить время вѣка его; извѣстно только съ достовѣрностію, что жилъ въ Китаѣ, далъ странѣ сей законы, и тамъ умеръ. Показываютъ и поднесь гробницу его, чтя оную, яко нѣкоторый родъ святыни.

II.

Ен - Ти - Шен - Нунг - Ше, Императоръ.

Обладатель сей Китая равно имянуется и Шен-Нунгомъ и Ен-Тіемъ и Кіангомъ. Имѣлъ дворъ свой въ Ку-Фу-Гіенѣ, въ области Шанг-Тонской. Матери его имя было Ен-Сеэ, или Нган-Тенгъ. Таинственнымъ для себя знакомъ имѣлъ огнь; ибо былъ сей Государь скоро исполнителенъ въ своихъ дѣлахъ, точенъ въ произведеніи оныхъ.

Вымыслилъ земледѣльческія орудія; научилъ человѣковъ различнымъ образомъ обработыванію полей. Извѣстны ему были ядовитыя и цѣлительныя растенія, да и вымыслилъ Науку врачебную. Врачи и Земледѣльцы разумѣютъ его своею главою; всѣ же прочіе Катайцы благотворителемъ своимъ. Учредилъ торжищи для размѣна хлѣбныхъ зеренъ, установилъ мѣры къ предотвращенію обмановъ въ таковыхъ мѣнахъ.

Ему же присвояютъ сочиненія нѣсколькихъ земледѣльческихъ книгъ и одной врачебной, которая поднесь служитъ общимъ наставленіемъ для всѣхъ и каждаго: заключаетъ въ себѣ наияснѣйшимъ образомъ, какъ опознавать болѣзни, чемъ и какъ врачевать ихъ. Естьли не онъ подлинно сочинилъ книгу сію, но то не сомнительно, что жившій въ первыя столѣтія Китайской Монархіи.

Тамошніе Историки полагаютъ, что Шен-Нунгъ наслѣдовалъ по Фу-Гіѣ и царствовалъ чрезъ сто сорокъ пять лѣтъ. Не можно пріурочить замѣты во времянчи-

числіи, когда онъ жилъ. Однѣ остаются о томъ догадки только, которыя здѣсь не къ мѣсту.

Потомство, изъ благодарности за полученныя отъ него благодѣянія, воздвигло ему храмы, въ которыхъ повсягодно приносятся въ честь ему жертвы.

III.

Гоанг - Ти - Ђу - Гіунг-Ше, Императоръ, Законодавецъ.

Императоръ сей, окромѣ имянъ своихъ: Гоангъ-Ти, и Ђу - Гіунг - Ше, назывался также Кунг - Сүномъ и Гіуэн - Юэнъ. Мать у него была Фу - Пао.

Какъ скоро воспріялъ въ одержаніе Имперію, по смерти Тше - Ђуа, низложивъ его съ воинствомъ на равнинахъ Тшо - Лускихъ, обратилъ всѣ свои попеченія на то, дабы добрѣ царствовать. Война не занимала уже его, то и приступилъ къ законодательству, которое замышлялъ исполнить самою вещію. Избралъ шестерыхъ искуснѣйшихъ мужей, коихъ бы свѣденіями способствоваться могъ въ преважномъ таковомъ предначинаніи. То были Фунг - Геу, Ли Му, Тан-Шангъ, Ки - Тшангъ, Сіэнъ - Та, Та Гунгъ. Сверьхъ оныхъ установилъ степень знатности подъ имянемъ Мандариновъ; далъ имъ въ знаки таинственныя облака. Въ таковый же знакъ царствованія своего принялъ землю.

Та - Наоу повелѣлъ сочинить шестьдесятъ круголѣтій, выводя изъ соединенія десяти Кановъ, или древесныхъ стеблей съ двѣнатцатью Тшеями, или вѣтвями. Имъ же заставленъ былъ Юнг-Тшенгъ упражняться въ Астрономіи, и издалъ въ свѣтъ вселенскую Сферу. Линг - Люнъ трудился надъ Музыкою; раздѣлилъ звуки на пять частей, сдѣлалъ многія музыкальные инструменты, къ которымъ время отъ времяни и иные таковые же присовокупляемы были вновь. Гоанг - Ти послѣ того учинилъ распоряженіе главныхъ обрядовъ общенародныхъ; означилъ, какой имѣлъ

имѣть видъ и какимъ быть покроемъ шапкамъ и одеждамъ Китайцевъ; построилъ Дворецъ, предписалъ правила строевой Науки; съ помощію Ки-Пея, написалъ книгу, содержащую въ себѣ наинужнѣйшее къ знанію для человѣка. Книга сія существуетъ и поднесь, какъ увѣряютъ, подъ заглавіемъ Гоангъ-Ти-Су-Уэнъ.

Супруга его Си-Линг-Ше развела шелковичныхъ червей; придумала способъ и научила, какъ насаждать, сберегать и размножать шелковицу. Наконецъ Науки и Художества почти стали извѣстны при Императорѣ семъ, и при немъ также проявилися Фунг-Гоангъ и Ки-Линъ.

Познавъ приближеніе смерти, прибылъ въ Кинг-Шанъ, повелѣлъ при подошвѣ горы сей вылить изъ металла три сосуда, извѣстные подъ имянемъ Тинговъ. Скончался въ пятыйнадесять день осьмыя луны на сотомъ году владѣнія своего, жилъ на свѣтѣ сто дватцать одинъ годъ, за двѣ тысячи пять сотъ девяносто восемь лѣтъ до Рождества Христова; тѣло его погребено въ Кіао-Шанѣ.

IV.

Тсанг-Кіэ, Государственный Дѣловецъ.

Обычайно вѣрятъ, что Тсангъ-Кіэ жилъ во времяна Шен-Нунга, и что былъ однимъ изъ Государственныхъ его Дѣловцевъ; другіе же дни вѣка его полагаютъ при Гоанг-Кіэ: но всѣ единогласно разумѣютъ его первымъ вымыслителемъ буквъ. Исторія такъ гласитъ объ немъ: ....„Увидѣвъ слѣды „птичьи на пескѣ, получилъ мысль, что подобныя „же изображенія могутъ составить родъ письма, и „выдумалъ буквы.„ Гоан-Нан-Тсеэ говоритъ: „Когда „Тсанг-Кіэ сочинялъ буквы, небеса пролили обиль„ный дождь, вмѣсто водяныхъ капель, хлѣбными „сѣмянами; въ горнемъ воздухѣ обитающіе духи про„лили слезы. По изобрѣтеніи буквъ, простота нра„вовъ исчезла въ родѣ человѣческомъ; обманы и двое„душія заступили мѣста оныхъ; должности сущес„твенныя презрѣны; начали всего болѣе заниматься „трудами или опасными, или ничтожными; земле„дѣльство оставлено въ небреженіи; всѣ и каждый „обратили старанія свои къ усовершенствованію „буквъ, къ вырѣзыванію, или высѣканію оныхъ на „камняхъ и металлахъ. Небеса, предвидя грядущій го„лодъ для земнородныхъ, ниспустили ливный дождь „хлѣбными зернами. Духи поднебесные предвидѣвъ же, „что человѣки нелегковѣрные и краснословесные бу„дутъ писать противу установленнаго обряда по„клоненія имъ въ послѣдующія столѣтія, не могли „удержать слезъ.„

V.

V.

Хао-Гао-Кин-Тіэн-Ше, Императоръ,

Сынъ Гоанг-Тіа и преемникъ престола его. Прежнее имя его было Тше, прозваніе Ки; мѣстомъ пребыванія своего имѣлъ Кю-Фу-Гіэнъ. Владычествовалъ восемьдесятъ четыре года, начавъ оное за двѣ тысячи пять сотъ девяносто семь лѣтъ, по двѣ тысячи пять сотъ четвертый надесять годъ до Воплощенія Христова.

Сначала явился подражателемъ великаго Таи-Гаоа, отца своего. Таинственнымъ знакомъ его были металлы. Къ изобрѣтеніямъ отческимъ нѣчто присовокупилъ. Все необходимо потребное для жизни человѣческой или вымышлено, или усовершенствовано въ его время. Сочинилъ Музыку, наимянованную Та-Юэнъ-Ю; но конецъ его жизни не соотвѣтствовалъ столь достохвальнымъ начаткамъ. Льстецы и вѣроломныя внушенія Кіэу-Лія, чародѣя, развратили его. Народъ по примѣру Самодержца не замедлилъ растлиться же во нравахъ; небеса уже не устрашаютъ человѣковъ, а только трепещутъ гнѣва духовъ злыхъ, коимъ единымъ приносятъ жертвы. Не осталось ниже единаго семейства, которое бы не учредило особеннаго нѣкоего обряда поклоненія невидимымъ симъ существамъ къ снисканію ихъ покровительства, въ нихъ токмо вѣруя, отъ нихъ токмо ожидая благотворительствъ и злоключеній.

Толикая премѣна во нравахъ и Богочтеніи произвела подобную же и въ самомъ Естествѣ. Болѣзни

распространились по всему лицу земному, укращена жизнь человѣческая, безмятежіе изчезло: всѣ таковыя злы были слѣдами погрѣшенія единаго человѣка; ибо былъ онъ во главу всѣмъ прочимъ.

VI.

Тхоанг - Гiу - Као - Янг - Ше, Императоръ.

Внукъ Гоанг - Тiа, сынъ Тшанг - Iа. Имя матери его Тшо - Шан - Ше, инако же Тшанг - Пу.

Десяти лѣтъ отъ рожденiя началъ заниматься Государственными дѣлами подъ Шао - Гаоемъ, послѣ котораго чрезъ десять лѣтъ наслѣдовалъ престоломъ, вошедъ на оный двадесяти лѣтъ, за двѣ тысячи пять сотъ тринатцать лѣтъ до Рождества Христова, на одиннатцатомъ годѣ вѣка праотца Авраама. Пребыванiе его Двора было въ Ти - Кiэуѣ, что нынѣ зовется Пу - Янгъ, въ области Шан - Тонгской; царствовалъ семьдесятъ восемъ лѣтъ. Воду избралъ таинственнымъ знакомъ себѣ.

Былъ Государь ученый и добродѣтельный между отличившимися знаменитыми мужами времяни его. Исторiя упоминаетъ о Тшен-Тшунгѣ, страноначальникѣ Южныхъ областей. При немъ же начали прилѣжать къ Астрономiи. Еще не молчитъ Исторiя о нѣкоемъ Тшонг - Лiѣ, страноначальникѣ же областей Сѣверныхъ и верьховномъ Надзирателѣ надъ всѣми Государственными дѣлами.

Все преуспѣвало во дни владычества столь великаго Императора подъ Дѣловцами толико достойными. Казнилъ онъ смертiю нечестиваго Кiэу - Лiя, винотворца золъ царствованiя предшественника его. Уничтожилъ обоженiе духовъ, возвратилъ человѣковъ на путь должности. Судилище Астрономическое, имъ же самимъ учрежденное, воздолженствовало издавать еже-

 годно

годно Календари. Установилъ, которое луновращеніе считать первымъ въ годѣ, которому дню быть первымъ же первыя таковыя луны; сирѣчь исправилъ древній Календарь. По его же велѣнію вычислено мгновеніе, когда стоятъ въ соединеніи пять планетъ, дабы то было въ замѣту времячисленную и навсегда твердую для всякихъ вычетовъ Астрономическихъ. По сему-то и былъ онъ прозванъ отцомъ Астрономіи. Сочинилъ впрочемъ Музыку Тшенг-Юнъ на случай жертвоприношенія Небу. Напослѣдокъ препроводилъ дни вѣка своего въ стараніяхъ учинить человѣковъ благими и добродѣтельными. Скончался въ девяносто седьмое лѣто отъ рожденія, на четвертомъ надесять званія Авраамля, за двѣ тысячи четыре ста тритцать шесть лѣтъ до Воплощенія Христова.

VII.

VII.

Ти - Ку - Као - Син - Ше, ИмператорЪ.

Свойственно нарицался Государь сей ТсунЪ, прозванье же его было Ки, сынЪ Кiао - Кiа, внукЪ Шао-Гаоа; Тшоан - ГiуэмЪ на пятнатцатомЪ году возраста употребленЪ вЪ Государственныя дѣла; далЪ онЪ ему вЪ удѣлЪ область Синскую: почему и проимянованЪ Геу - Син - Ше. СтавЪ ИмператоромЪ, жилЪ вЪ По, или - По - Тшеу, нынѣшнемЪ Iен - Хе - ГiэнѢ, вЪ области Го-Нанской. ТаинственнымЪ его знакомЪ былЪ лѣсЪ. ИмѣлЪ разумЪ острый и проницательный; былЪ строгiй надзиратель надЪ самимЪ собою; не излетало слово изЪ устЪ его, не примѣчалось ниже тѣлодвиженiе, неприличное его сану. ЩедрЪ, благотворителенЪ, не мыслилЪ никогда и ни о чемЪ, окромѣ какЪ только о благѣ Народа, коего былЪ отецЪ, толико же какЪ и обладатель.

ИмѣлЪ четыре жены, каждая заслуживала себѣ почтенiе всеобщее. Кiанг - IуэнЪ, первая его супруга, видя себя неплодною, убѣждаетЪ Ти - Куа чрезЪ жертвоприношенiе обще сЪ нею просить сына у НебесЪ. Умилостивленные онымЪ благословляютЪ чрево ея, и раждаетЪ Кiа, родоначальника Тшеускаго, третьяго поколѣнiя КитайскихЪ Государей. Кин - Ту вторая, дщерь Тшен - Фунг - Хея, мать премудраго Яоа, при которомЪ насталЪ всемiрный потопЪ.

Кiэн - Ти третiя, дщерь Бу - Нго - Хея, мать Сiэева, родоначальника втораго поколѣнiя КитайскихЪ ИмператоровЪ. ТотЪ же самый Сiэ извѣстенЪ подЪ имянемЪ Ки.

Тше, или Тен, четвертая, прежде имяновалась Тшанг, и дщерь Тсеу - Тен - *Хаева*.

Ти-Ку сочинилъ Музыку Кіэу - Хао. Царствовалъ шестьдесятъ девять лѣтъ; скончался на сто пятомъ году вѣка своего, за двѣ тысячи три ста шестьдесятъ седьмь лѣтъ до Воплощенія Христова, за три года предъ рожденіемъ праотцевъ Исава и Іакова. Погребенъ въ области Гіо; преемникомъ ему учинился сынъ его Тше, но яко неспособный правительствовать Народомъ, сверженъ съ престола; на мѣсто же его возведенъ Великій Яо, братъ его.

VIII.

Ти - Яо, Тао - Танг - Ше, Императоръ.

Яо, (*) сынъ Ти-Куа и Кин-Туи, вторыя супруги перваго. Было ему тритцать лѣтъ, какъ братъ его Тше возшелъ на престолъ. Сначала дана ему въ удѣлъ область Тао, по томъ же Тангская. По случаю сему пріобщено къ имяни его Яо почтенное прозваніе, Тао-Танг-Ше. Въ юности нарицался И-Ки. За неспособностію братнею царствовать, вельможами и народомъ избранъ на мѣсто его; жилищемъ для Двора своего назначилъ Пинг-Янгъ, таинственнымъ же знакомъ принялъ огнь. Астрономамъ Гіу и Гоу повелѣлъ сочинить Календарь, по которому бы располагалися годовыя времяна для народа; знали бы они, когда настаютъ луновращенія высокосныя и когда точно начинаются зима, весна, лѣто и осень, дабы все происходило въ порядкѣ.

Исторія повѣствуетъ, что Яо любилъ человѣковъ не меньше, какъ любитъ ихъ и самое Небо; имѣлъ умъ просвѣщенный, яко безплотныя существа; въ добродѣтели уподоблялся солнцу, освѣщающему и согрѣвающему совокупно; народы столько же полагалися на его благотворенія, какъ на низпосылаемыя отъ Всевышняго. Не помышлялъ никогда о красивыхъ Дворцахъ, о домашнихъ утваряхъ драгоцѣнныхъ, о лакомыхъ снѣдяхъ для стола своего, о велелѣпныхъ повозкахъ для путешествія съ мѣста на другое. Не было ничего простѣе его чертоговъ; не было ничего умѣреннѣе, какъ его обѣды. Одежды его отличнаго

(*) Первый Императоръ, о которомъ упоминаетъ Шу-Кингъ.

отЪ прочихЪ не имѣли на себѣ. Долженствуя править человѣками, занимался только средствами кЪ ощастливленію ихЪ; подавалЪ имЪ собою примѣрЪ жизни трудолюбной и смиренной; пищу употреблялЪ грубую и малаго стоющую: подавали ее вЪ глинянной посудѣ. Одежды носилЪ изЪ холстины, премѣнялЪ ихЪ не прежде, какЪ обветшаютЪ; по зимамЪ не было у него иныхЪ шубЪ, кромѣ какЪ изЪ оленьей кожи. Что успѣлЪ и могЪ сдѣлать самЪ, не заставлялЪ никогда другаго; словомЪ, всю тягость скиптроношенія всячески старался носить на себѣ ни сЪ кѣмЪ не раздѣльно. При семЪ-то мудромЪ и человѣколюбномЪ Государѣ испытали земнородные наидостопамятнѣйшее наказаніе свыше, хощу сказать, о потопѣ. Воды покрыли почти всю страну Китайскую и произвели опустошенія, трудныя кЪ возстановленію. Смотри ТомЪ I страницу 157. Сочетался бракомЪ со дщерію Сан-И-Хеевою, которая родила ему сына Тан-Тшуа. Но какЪ судилЪ его недостойнымЪ царствовать по себѣ, просилЪ подданныхЪ, чтобЪ нашли ему достойнаго кЪ тому человѣка. НародЪ наимяновалЪ Шуна, и совоцарилЪ сЪ собою, женя его на двухЪ своихЪ дщеряхЪ. ГодЪ усовоцаренія Шунова былЪ семьдесятЪ третій владычества Яоева, двѣ тысячи двѣсти восемьдесятЪ пятый до Христіанскаго лѣтоисчисленія. ДобрѢ правительствовавЪ народомЪ еще и по томЪ двадесять восемЪ лѣтЪ, скончался во сто шестоенадесять лѣто отЪ рожденія, за двѣ тысячи двѣсти пятьдесятЪ восемь лѣтЪ до Христа. СочинилЪ Музыку Та-ТшанЪ, на случай жертвоприношенія и прославленія вЪ пѣсняхЪ достоинствЪ великихЪ мужей. СверьхЪ того установилЪ и другія многія преполезныя заведенія, коихЪ подробности явствуютЪ вЪ Шу-Кингѣ и вЪ Исторіи Китайской.

Яо

Яо есть единъ изъ таковыхъ, которые служатъ образцемъ поведенія въ Китаѣ. Имя его безъ прекословія вѣчно останется обожаемымъ тамо.

IX.

Ти-Шунъ, Ђу-Ю-Хе, Императоръ.

Свойственнэ нарицался Яо, пишемыми различно буквами съ послѣднимъ предъ симъ; потомокъ Гоанг-Тіа въ осьмомъ колѣнѣ. По кончинѣ великаго Яоа вельможи и народъ единогласно избрали законнымъ Императоромъ Шуна, и дали ему таинственнымъ знакомъ лѣсъ.

Шунъ съ придворными своими жилъ въ Пу-Панѣ. На Юн-Кіа и Ю-Гена возложилъ все надлежащее до Астрономіи. . . Юа-Геу-Кіа, Кіа, Као-Таоа, Тсуіа, Іа, Паи Ія, Куія, и Лунга, поставилъ наиглавнѣйшими себѣ помощниками въ правосудіи по всѣмъ Государственнымъ дѣламъ; но предпочтительно полагался на Геу-Кіа. Съ первыхъ лѣтъ житія своего прилѣжалъ къ земледѣльству, да и до конца имѣлъ званіе сіе въ почтеніи; сочинилъ книгу о различныхъ образахъ работать землю. Подобно же трудился въ усовершенствованіи Наукъ и Художествъ, паче же въ окорененіи добродѣтели въ народѣ.

Облегчая подданнымъ свободные къ себѣ доступы, дабы каждый могъ увѣдомлять его о погрѣшеніяхъ, примѣчаемыхъ въ поступкахъ его, имѣлъ предъ вратами Дворца бубенъ и Кингъ. Всякой пришлецъ ударялъ въ первый, и тотчасъ его представляли Императору. Сверьхъ того позади повозки его, иные же утверждаютъ, что у вратъ Дворца, была прибита дска, на которой никому не возбранялось писать проступки его, коихъ исправленія желалъ.

Самъ

Самъ собою, не ожидая докладовъ отъ Мандариновъ, поспѣшалъ на дѣла, могущія быть полезными народу. Уважалъ мужей мудрыхъ и престарѣлыхъ, неимущимъ изъ нихъ доставлялъ спокойствіе жизни и пристойныя жилищи.

Сказываютъ, что зарылъ онъ золото въ землю, въ знакъ презрѣнія своего къ металлу сему, что по отвращенію своему къ роскоши и расточительнымъ издержкамъ, запретилъ всѣмъ и каждому носить жемчугъ и драгоцѣнные камни. Льстецы никогда не смѣли приближаться къ нему, но охотно выслушивалъ рѣчи мужей благоразумныхъ, и слѣдовалъ совѣтамъ ихъ.

Вымыслилъ Кинъ о пяти струнахъ, сочинилъ пѣснь, которая начинается такъ: . . „Полуденный „вѣтръ приноситъ тепло и разгоняетъ унылость: „Шунъ подобно да разсѣваетъ отраду и утѣшеніе въ „народѣ и проч.„ Его также сочиненія Музыка, Кіэу Шао-Ю: тоны тихіе, вливающіе въ душу дружество и безмятежіе. Любилъ народъ, вѣщаетъ Исторія, какъ человѣколюбивый отецъ отъ него рожденныхъ. По сему-то самому подвигу отеческія горячности, избралъ Юа предпочтительно Шанг-Кіуну, сыну своему, въ наслѣдованіи престоломъ. Путешествуя къ южнымъ горамъ для жертвоприношенія Небу, каковыя совершалъ обычайно въ нѣкоторыя извѣстныя времяна года, заболѣлъ и скончался въ Тсанг-Уѣ ста десяти лѣтъ, въ шестьдесятъ первое лѣто царствованія, за двѣ тысячи двѣсти восемь до Воплощенія Христова, по осьми лѣтѣхъ отъ умертвія праотца Іакова.

X.

Као-Тао, Государственный Дѣловецъ.

Тшоан-Гіу, Као Янг-Хе, третій Императоръ по Гоанг-Тіѣ, имѣлъ при себѣ восемь знаменитыхъ мужей, называнныхъ общимъ имянемъ Па-Каи, сирѣчь восемь Каіевъ. Као-Тао, инако же Тинг-Тіэнъ, былъ изъ нихъ шестый по порядку. Шунъ, котораго въ царствованіе уже извѣстенъ онъ былъ, яко послужившій Тшоанг-Гіуу и Яоу, съ отличностію поставилъ его во главу правосудія. Као-Тао установилъ пять родовъ казней преступникамъ по важности вины; однако же ни единожды не имѣлъ случая производить то самымъ дѣломъ. Народъ, наученный отъ него вѣдать пять должностей человѣческихъ, столь всецѣло наблюдалъ оныя, что казни вышли изъ употребленія. Каждый самъ по себѣ стремился ко благу и хранилъ во всемъ точную средину.

XI.

XI.

Геу - Тси, Государственный Дѣловецъ.

Свойственно имяновался Ки, прозваніе ему было Тси, сынъ Кіанг - Юэны, старѣйшія супруги Ти - Куа. Едва только рожденный отнесенъ матерію въ пустыню, дикіе звѣри, хищныя птицы не прикоснулися къ нему. Кіанг - Юэна поняла чрезъ то, что возненавидѣнный ею плодъ чрева своего былъ младенецъ, покровительствуемый самимъ Небомъ, принесла его обратно въ домъ свой и воспитала со тщаніемъ, назвавъ его Ки, сирѣчь брошенный младенецъ. Возмужавъ, сталъ земледѣльцемъ; друзей и знакомыхъ убѣдилъ слѣдовать примѣру своему. Наставилъ ихъ, какъ прибыточнѣе пользоваться нѣдромъ земли; какъ, повѣряя оному пять родовъ хлѣбныхъ зеренъ, доставляться плодоносіемъ. Вотъ чемъ прославилися онъ и подражатели его во всемъ Китаѣ! Яо пріобщилъ къ имяни Кіа прозваніе Сеэ - Нунгъ, или верьховнаго Надзирателя надъ земледѣліемъ вообще. Основатель третіей династіи, или поколѣнія Китайскихъ Государей Тшеускаго, пріемлетъ сего Кіа родоначальникомъ онаго, и при восшествіи своемъ на престолъ удостоилъ имя его придаткомъ Геу; отъ того времяни и нарицается Геу-Тси.

XII.

Та-Ю, Императоръ.

Свойственно имя его Сеэ, потомокъ Гоанг-Тіа, сынъ Пе-Куэна. Прежде нежели началъ правительствовать народомъ, былъ горестный зритель смерти отца своего, за небреженіе въ препорученномъ ему дѣлѣ отъ Яоа возстановлять состояніе разоренныхъ разлитіемъ водъ. На самаго его возложено было то же самое служеніе, которое и исполнилъ удачнѣе Пе-Куэна. Чрезъ тринадесять лѣтъ безпрерывно истощалъ всѣ свои силы, терпѣливно преодолѣвалъ всякія препятствія, достигая желаемаго въ томъ конца; ни единожды чрезъ все сіе время не была его нога въ собственномъ его домѣ, хотя троекратно случалось ему проходить мимо вратъ онаго.

По водамъ путешествовалъ на ладьяхъ, устроенныхъ имъ нарочно; по сушѣ на повозкахъ, разставленныхъ въ нѣкоторомъ извѣстномъ разстояніи, дабы готовы были на нужный случай. Его же вымысла родъ саней, внутри плоскихъ и гладкихъ, возимыхъ лошадьми; съ запятокъ же помогали руки человѣческія; употреблялися на мѣстахъ мокрыхъ и болотныхъ. На горы вскарапкивался, имѣя на ногахъ обувь и на реслахъ одежду съ нашитыми желѣзными спицами.

Подъ его же присмотромъ прорыты водоводы для сообщенія жителей девяти областей, въ коихъ можно было обитать по потопѣ. Водоводы сіи со временемъ превратилися въ рѣки. Имъ же устроены были большія дороги между девятью знаменитѣйшими горами.

Во-

Воцаряся, всѣ часы жизни своея посвятилъ многотрудному званію правительствовать народомъ, дабы вѣдать ему все происходящее въ Государствѣ; были у него четыре рода музыкальныхъ инструментовъ повѣшены на вратахъ Дворца. Какъ скоро услышитъ когда либо звукъ коснувшійся до нихъ руки, въ тоже самое мгновеніе призывалъ къ себѣ пришельца, или выходилъ къ нему самъ.

Жилъ съ придворными своими въ Нган-Іѣ, созывалъ Государственные Чины въ собраніе въ Ту-Шанъ, и принималъ тамъ засвидѣтельствованія зависимости и дары Князей данниковъ Имперіи. Повелѣлъ вылить изъ металла девять сосудовъ, или Танговъ, на которыхъ вырѣзаны были девять областей, изъ коихъ состоялъ тогдашній Китай; запретилъ онъ употребленіе вина, говоря: „напитокъ сей приводитъ людей, не„знающихъ умѣренности, во всекрайніе излишки.„

Выслушивалъ съ великимъ вниманіемъ и съ почтеніемъ подающихъ ему совѣты. Сочинилъ Музыку Та-Гіа. Владычествовалъ дватцать семь лѣтъ, скончался ста лѣтъ отъ рожденія, и былъ оплакиваемъ всѣми подданными. Изъ сыновей, имянемъ Ки, наслѣдовалъ по немъ, за двѣ тысячи сто девяносто седьмь лѣтъ до Христа, во времяна, когда Ниніасъ, сынъ Нинуса и Семирамиды, возведенъ былъ на престолъ Ассирійскій. Китайская Имперія до того имѣвъ Императоровъ избираемыхъ, начала управляема быть Государями наслѣдственными. Ю былъ основатель первыя династіи, рекомой Гіаевой.

XIII.

Тшенг - Тангъ, Императоръ.

Тшенг - Тангъ родоначальникъ династіи вторыя, или Шанговы, потомокъ въ третьемънадесять колѣнѣ одного изъ Государственныхъ Дѣловцевъ Шуновыхъ, имянемъ Сіэ. Въ награду достоинствъ и заслугъ Сіэевыхъ Шунъ округу Шангскую въ области Гонанской наимяновалъ Княжествомъ, и ею пожаловалъ его. Потомки Сіэевы наслѣдственно владѣли небольшею сею страною даже до Тшенгъ - Танга, единогласно и вельможами и народомъ возведеннаго на Императорскій престолъ.

Назывался также сей Государь, сверьхъ имяни своего, Тшенг-Танга, Тіэн-Іэмъ, Ліемъ, и Танг-Уангомъ; до Императорства же нарицался Сеэмъ. Ставъ Государемъ, первое его попеченіе было возстановить древніе законы, возвратить человѣковъ на путь добродѣтели. Повѣствуютъ объ немъ, что нѣкогда прогуливаясь, увидѣлъ птицелова: идетъ къ нему прямо, разсматриваетъ его сѣть, которая была велика и четвероторонна, обрѣзываетъ три стороны, оставляетъ въ рукахъ у птицелова только одну, и обратяся лицемъ къ полю, спиною же къ нему, вѣщаетъ: какъ бы могли разумѣть его воздушные жители. . „Днесь можете летать, куда хощете, прямо напра„во и налѣво; но естьли явитеся вредны человѣкамъ, „остается еще одна сторона сѣти къ переловленію „васъ.„

Слова, будто бы ко птицамъ изреченныя, могли новые его подданные относить къ самимъ себѣ; да

да и отнесли дѣйствительно. Нѣкто изъ сосѣдственныхъ Державцевъ услышавъ о томъ, возопилъ: . . . . О великій и мудрый Мужъ! о Тангъ! достоинъ ты управлять вселенною. Но не одинъ сей Державецъ удивлялся добродѣтелямъ Тшенг-Танга; жители четырехъ царствъ, тогда извѣстныхъ, имѣли къ нему благоговѣніе.

Въ его времяна, то есть между тысяча семь сотъ шестьдесятъ шестымъ и тысяча семь сотъ пятьдесятъ четвертымъ до Воплощенія Христова, Китай бѣдствовалъ отъ бездождія, седмь лѣтъ продолжавшагося. Судилище чиноположеній отозвалося: . . „надобно молиться, надобно приносить жертвы къ „умилостивленію разгнѣванныхъ Небесъ.„ Тангъ отвѣчаетъ: . . . „Пролію молитвы, принесу всесожженія, дабы преклонить Всевышняго въ пользу народа моего; „самъ буду и жрецъ и жертва; я одинъ виновенъ, „на мнѣ единомъ должно совершить заколеніе.„ Остригъ власы и ногти; тѣло покрылъ бѣлыми перьями отъ птицъ, и шерстью четвероногихъ; возсѣлъ на колесницу, которая ничемъ не отличилась отъ колесницъ подданныхъ его, даже и не была выкрашена; запрегъ въ нее бѣлыхъ коней, велѣлъ себя везти на мѣсто, имянуемое Санг-Линъ. Достигнувъ подошвы горы сей, сходитъ съ колесницы, падаетъ ницъ на землю, и по томъ возставъ, всенародно кается въ слѣдующихъ согрѣшеніяхъ:

1) Въ небреженіи научать подданныхъ.

2) Въ необращеніи ихъ на путь должности, когда отъ онаго удалились.

3) Что построилъ Дворцы паче, нежели приличествовало, великолѣпные; что поступалъ на иныя подобныя же издержки ко украшенію сихъ самыхъ Дворцовъ.

4) Что имѣлъ не одну, а многихъ женъ; и болѣе, нежели довлѣло, любилъ ихъ.

5) Что слишкомъ былъ лакомъ и разборчивъ въ разсужденіи снѣдей.

6) Что не отвращалъ слуха отъ улещенія любимцевъ своихъ и нѣкоторыхъ Вельможей.

Едва окончалъ столь униженное признаніе во грѣхахъ своихъ, Небеса внезапу покрываются облаками, зашумѣлъ густый дождь, нѣдро земное, до избытка упившееся, начинаетъ производить плодоносіе.

Тшенг-Тангъ повелѣваетъ разработывать мѣдный рудникъ при подошвѣ горы Тшуанг-Шанъ, дѣлать деньги и раздѣлять по народу.

Онъ же сочинилъ Музыку Та-Гу. Къ сожалѣнію всеобщему подданныхъ прекратилась его жизнь. Преемникомъ ему сталъ внукъ его Таи-Кіа, въ тысяча семь сотъ пятьдесятъ третьемъ до рождества Христова, чрезъ три года по вторичномъ порабощеніи Израильтянъ.

XIV.

И-Инъ, Государственный Дѣловецъ.

Свойственно нарицался Тси, потомокъ Ли-Муэвъ. Былъ Государственный Дѣловецъ при Гоанг-Тіѣ. Мѣсто рожденія его было Кунгъ-Санъ-Тшенгъ. Приспѣвъ въ юношескій возрастъ, преселился къ берегамъ рѣки Я-Шуіи, отъ коей заимствовалъ названіе свое, и прозванъ по томъ былъ Тшенгомъ, что значитъ: имѣяй правоту, праведный и искренній. Земледѣльствовалъ на поляхъ И-Эу-Гингскихъ. Когда отъ Тшенг-Танга предстали къ нему Послы съ дарами и прошеніемъ, дабы учинился ему помощникомъ въ управленіи народа и въ приведеніи областей его во благоустройство, И-Инъ повиновался Тшенг-Тангу, и возъимѣлъ великое участіе въ Государственныхъ дѣлахъ. Тшен-Тангъ былъ тогда владѣльцемъ Шангскимъ. Оплакивая злощастный жребій подданныхъ Имперіи подъ мучителемъ Кіэ-Куіемъ, всеусильно убѣждалъ онъ И-Ина не щадить трудовъ къ обращенію Императора на путь, проложенный ему его предками; отправилъ его Посломъ къ нему, но ожесточеніе въ порокахъ и злодѣйствахъ Кіэ-Куна не допустило внимать ему гласу добродѣтели и начать жизнь сообвѣтственную оной. И-Инъ принужденъ былъ оставить Дворъ Императорскій и продолжать прежнее званіе свое при Тшенг-Тангѣ.

Въ сіе же время Ко-Пе, державецъ Тшускій, небрегъ должностьми своими, паче же жертвоприношеніями. Тшенг-Тангъ совокупно со И-Иномъ идутъ на него вооруженно и одерживаютъ побѣду.

Скоро послѣ того подданные Кіэ-Куіа, не возмогши далѣе сносить безчеловѣчій его, свергаютъ его съ престола, призываютъ на оный мудраго Тшенг-Танга. Настаетъ необходимость сражаться паки: Кіэ-Куи низложенъ. Тшенг-Тангъ, ставъ владыкою Китая, возхотѣлъ имѣть при себѣ И-Ина Государственнымъ Дѣловцемъ.

XV.

Фу - Юэ, Государственный Дѣловецъ.

У - Тингъ, вторый Императоръ вторыя династіи, видѣлъ во снѣ мудраго мужа, предуставляемаго Небесами помогать ему въ правленіи Государствомъ, съ помощію коего можетъ возстановить всеобщее благоустройство времянъ Яоевыхъ, Шуновыхъ и Тшенг-Танговыхъ. Пробудяся, велѣлъ списать образъ мечтавшагося ему, разсказавъ живописцамъ черты лица его. Посланы нарочные по всей Имперіи искать человѣка, который бы сходствовалъ съ изображеніемъ таковымъ; нашли между роботниками, упражненными починкою плотины Фу - Іэнскія. Препровожденъ онъ былъ ко Двору. У - Тингъ, воззрѣвъ на него, произнесъ: . . . „Тотъ самый, тотъ самый, который явился мнѣ въ видѣніи сонномъ!„ Фу - Юэя не уразило величіе престола, казался рожденнымъ занимать мѣсто близъ онаго. По отвѣтамъ его на всякіе вопросы наиважнѣйшіе, обнаружились глубокія его свѣденія. Признанъ былъ первымъ Государственнымъ дѣловцемъ. Императоръ клянется ему уважать его совѣты, не поступать ни на что безъ его согласія.

И такъ Фу - Юэ возложилъ на себя тогостный яремъ дѣловства Государственнаго. Всѣ силы свои, всѣ минуты жизни, посвятилъ трудамъ во славу Имперіи, во благоденствіе народовъ; всѣ и каждый не замедлили опознать, что на престолѣ Императорскомъ и вокругъ онаго помѣщаются особы, достойные сопричтенія къ великимъ мужамъ отдаленныя древности.

Сначала имяновался онъ первымъ Юэмъ, потомъ съ придаткомъ слова Фу; что значитъ помощникъ Царя, и который исправляетъ званіе учителя чадъ его.

XVI.

XVI.

Тшеу, Уэн-Уангъ, Царь Си-Пейскій.

Свойственно имяновался сей Государь Тшанг-Пе, прозваньеже ему было Ки; потомокъ Гоанг-Тіа чрезъ Геу-Кіа; отца имѣлъ Ки-Ліа, мать Таи-Зину, которыя, воспитывая его, утвердили въ добродѣтеляхъ. Успѣхи въ томъ превзошли надежду ихъ: Уэнъ-Уангъ безъ всякаго прекословія есть наипремудрѣйшій посреди Царей Китая.

Владычествовалъ небольшею областію наслѣдственно къ отрадѣ не только собственныхъ своихъ подданныхъ, но и жителей Державъ сосѣднихъ. Сорокъ царствъ ему покорилися, сорокъ Государей съ радостію приняли отъ него законы, какъ править добрѣ народами. Сами подданные Тшеуа, послѣдняго Императора, вторыя династіи, возненавидѣвъ онаго за мучительство, оставили мѣста рожденія своего и стекалися отвсюду къ нему, говоря другъ другу:. „Пойдемъ искать премудрости, правосудія и добродѣтелей у Уэн-Уанга„ Тшеуэмъ взятъ подъ стражу за то, что посмѣлъ совершать надгробныя чиноположенія надъ могилою нѣкоего достославнаго Государственнаго Дѣловца, казненнаго смертію симъ Императоромъ. Въ темницѣ своей сочинилъ толкованія на Коа-Фу-Ги, которыя сподобилися почтенія и самаго Конфуція, удивленія потомства.

По освобожденіи отъ узъ, примирилъ распри между Царей Юскихъ и Нэскихъ. Велѣніемъ мучителя Тшеу воздвигнутъ былъ мѣдный столпъ со внутреннею пустотою, которую наполняли раскаленными

углями. Тшеу вмѣнялъ въ забаву видѣть обѣемлющими сей столпъ всѣхъ тѣхъ, которые подпадали гнѣву его. Уэн-Уангъ уступилъ въ даръ сему Императору земли Си-Тоскія, собственность свою, за разрушеніе сего столпа. Тшеу сверьхъ того далъ ему право носить лукъ со стрѣлами и топоръ. (Въ тогдашнее время значило сіе правомъ же вести войну и заключать миръ, не докладываяся Императору.)

Уэнъ-Уангъ удалился въ предѣлы владѣнія своего и остатокъ вѣка проводилъ въ добродѣтеляхъ; наконецъ по пятидесятилѣтнемъ царствованіи скончался на девяносто седьмомъ году отъ рожденія. Онъ-то былъ отецъ знаменитаго У-Уанга, основателя третіей династіи Китайскихъ Государей, или инако Тшеускія.

Уэнъ-Уангу современникъ Самуилъ Пророкъ, Судія и Правитель Израильтянъ.

XVII.

Таи-Кунгъ, Государственный Дѣловецъ.

Родовое прозваніе его Кіангъ, свойственно же имяновался Шангъ, и также Тси-Я.

Въ единъ отъ дней, забавляяся онъ ловлею рыбы, не подалеку отъ верьховъ рѣки Тси, нашелъ по случаю отломокъ камня временъ Юэвыхъ, на которомъ изсѣчены были слова: . . „Тшеу получитъ велѣ„ніе съ небесъ; Лю будетъ при немъ Государствен„нымъ Дѣловцемъ., . . Получить велѣніе съ небесъ, въ Китайскомъ слогѣ знаменуетъ учиниться Императоромъ. Лю есть единое изъ именъ Таи-Кунговыхъ. Послѣ того Уэнъ-Уангъ, предначичая ловитву звѣрей, возхотѣлъ провидѣть удачу оныя посредствомъ Куаэвъ, и чрезъ чарованіе таковое познаяъ, что не повстрѣчается ни съ дракономъ, ни съ леопардомъ, ни съ тигромъ, ниже съ медвѣдемъ, но съ мужемъ мудрымъ, достойнымъ быть въ главу Дѣловцевъ Государственныхъ. Уэнъ-Уангъ съ такимъ напутствованіемъ близь рѣки Куи-Шуии видитъ почтеннаго старца, и говоритъ самъ себѣ: . . . „Сей-то можетъ быть самой тотъ мужъ, коего предуставляютъ мнѣ Небеса.„ Остановляется предъ незнакомцемъ симъ, кланяется ему, узнаетъ, что имя ему Тси-Я. „Человѣче! вѣщаетъ ему, какое есть удовольствіе въ ловлѣ рыбы? . . . Государь, мудрый мужъ, доволенъ „всемъ; ибо имѣетъ все, чего желать можетъ: но „простецъ тогда только доволенъ, когда получаетъ „мзду трудовъ своихъ.„

По многихъ иныхъ еще вопросахъ и подобныхъ же острыхъ отвѣтахъ, Уэн-Уангъ напослѣдокъ про-

износитъ: . . . . „Тебя ищу я, тебя всеконечно, да „и не упущу изъ рукъ моихъ. Возсяди со мною на „колесницу мою, гряди занять первое по мнѣ мѣ- „сто. . . . Не довлѣетъ мнѣ отрицатися и не по- „слѣдовать за тобою.„

И такъ достигаютъ столицы. Тси-Я провозглашенъ первымъ Государственнымъ Дѣловцемъ. Дана ему во владѣніе область Люская; почему и началъ иногда писат[illegible]ся Лю-Шангомъ. Послѣ возведенъ былъ въ достоинство Кунга и проимянованъ Таи-Кунгомъ, то есть какъ бы первымъ страноначальникомъ, отличнымъ отъ прочихъ. Съ помощію премудраго сего мужа, при Государяхъ поколѣнія Тшеускаго процвѣли Науки, изданы полезные Законы, и его-то помощію учинилися они сами владыками всего Китая.

Книга о ремеслѣ воинскомъ, подъ заглавіемъ Лу-Тао, есть пера Таи-Кунгова, или по крайней мѣрѣ кого либо изъ современниковъ его, собравшихъ во едино правила о войнѣ великаго сего мужа. Не можно сомнѣваться, чтобъ Лу-Тао не были предревнія Записки Китайскихъ Ратниковъ; существуютъ еще и подесь во всеобщемъ почтеніи. . . . Таи-Кунгъ жилъ во времяна Пророка Самуила.

XVIII.

Тшеу У-Уангъ, Императоръ.

У-Уангъ, родоначальникъ Тшеускія, или третіей по порядку династіи, былъ въ шестомъ надесять колѣнѣ потомокъ славнаго Геу-Кіа, или Геу-Тсіа; мать его имяновалась Кіанг-Юэнъ, старѣйшая изъ супругъ Ти-Куэвыхъ, которая повергла его скоро по рожденіи на распутіи. Былъ онъ вторый сынъ Уэнъ-Уанга, свойственно нарицался Ки-Фа; наслѣдовалъ по отцѣ престоломъ и царствовалъ тринадесять лѣтъ надъ областію Си-Пенскою. Вельможи Китайскіе, избиравшіе убѣжищемъ для себя Дворъ его противу бѣшенствѣ Тшеу-Сина, убѣдили его принять оружіе къ истребленію сего чудовища, позора человѣчества. У-Уангъ мѣстомъ собранія для войска назначилъ Мен-Тсингъ: тамо нашлося до осьми сотъ владѣтельныхъ особъ. Императоръ двигнулся на возстающихъ на него въ седми стахъ тысячахъ ратниковъ[1], но сіе столь страшное ополченіе сдалося У-Уангу. Мучитель, увидѣвъ себя оставленнымъ, бѣжитъ къ столицѣ, запираетъ себя во Дворцѣ своемъ, и зажегши оный, гибнетъ со всѣми при немъ бывшими. У-Уангъ провозглашенъ Императоромъ.

По смерти Тшеу-Сина выступилъ въ походъ къ По-Тшеуу, что въ области Тангской, или какъ нынѣ слыветъ, Го-Нанской. Тотчасъ по достиженіи туда, не сходя съ колесницы, жалуетъ потомство Гоанг-Тіэво округою Кіэскою въ той же самой области; единому отъ крови Яоа страну Тшускую, въ области Гу-Коангской, и единой также отрасли поколѣнія Шунова предѣлы Тшенскіе, что составляло

въ тогдашнее время часть нынѣшнія Го-Нанскія области. Сошедъ съ колесницы, подобно же узаконилъ, чтобъ Княжество Киское было навсегда удѣломъ, происшедшимъ отъ крови великаго Юа; Княжество же Сунгское таковымъ же отраслямъ Тшенг-Танговымъ. За симъ, подступя къ гробницѣ знаменитаго Пи-Кана, у коего велѣніемъ безчеловѣчнаго Тшеу-Сина вырвано было сердце за полезные отечеству совѣты, каковые онъ подавать ему дерзалъ; здѣсь совершаетъ надгробное чиноположеніе предъ лицемъ всѣхъ придворныхъ своихъ. Китседа, достойнѣйшаго же Государственнаго Дѣловца, заключеннаго Тшеу-Синомъ въ темницу, изъ оныя выводитъ самъ, удостоиваетъ его наизнатнѣйшихъ по себѣ чиновъ въ Имперіи, проситъ пещися о благѣ общемъ и явиться подражателемъ предкамъ его подъ Императорами поколѣнія Тшен-Тангскаго.

Съ нѣкотораго возвышенія У-Уангъ говоритъ къ народу слѣдующее: . . . . „Днесь вы, подданные „мои, не взыскую, чтобъ вели вы себя такъ, яко „при жизни Тшеу-Сина, коего держалися вы примѣ„ровъ; меня имѣйте образцомъ, ибо отъ меня дол„женствуете принимать законы. Вы, Мандарины и „чиновники разныхъ степеней! наблюдайте во всей „строгости то, къ чему обязываетеся званіями ва„шими; отъ сего мгновенія усугубляю получаемое ва„ми жалованье изъ казны Государственной.„

Разпорядивъ все, всему даровалъ устройство. Снабдивъ велѣніями По-Тшеуа, путешествуетъ въ Гоанг-Го съ западныя стороны. Коней, безъ коихъ обойтися могъ, отсылаетъ на гору Гоа-Шанъ, къ сѣверу отъ рѣки. Волы и всякій иный возовый скотъ

для

для воинскихъ повозокъ подобно же отосланы въ Тао-Линъ для откормленія по претерпѣнныхъ трудахъ. Всякіе ратные доспѣхи и вооруженныя колесницы помѣщены въ Государственныхъ кладовыхъ на сохраненіе; копья и щиты обвернуты тигровыми кожами. . . . Для чего же все сіе было? . . . Дабы отнять у народа недовѣрчивость къ себѣ; дабы вразумить оный, что У-Уангъ хощетъ наслаждаться неоцѣненными благами мира и всеобщаго спокойствія.

Военачальники, отличившіеся храбростію и приверженіемъ къ отечеству, учинены владѣльцами самодержавными, подъ названіемъ Кіэн-Као; что значитъ, отмѣнно храбрый. Вотчины братьевъ своихъ наименовалъ Княжествами, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, которые прославилися достохвальнымъ въ оныхъ хозяйствомъ. Распустилъ воинство, обязавъ однако же, чтобъ упражнялися въ воинскихъ обращеніяхъ въ нѣкоторые предписанные имъ дни года и попадали копьями въ цѣль; мечи, торжественныя одежды и булавы судей, дабы также положены были по удобнымъ мѣстамъ на сохраненіе. Установилъ новые обряды, новые знаки личныхъ украшеній. Благоговѣніе его и точность при совершеніи обрядовъ въ честь памяти предковъ, вперяли народу любовь и почтеніе къ праотцамъ каждаго и всѣхъ. Подвластныхъ себѣ Князей нарекъ Князьями данниками; каждаго наставилъ, чемъ долженъ онъ подначальнымъ себѣ. Возхотѣлъ самъ собою показать примѣръ земледѣлія; словомъ, заставилъ любить и чтить себя по всѣмъ концамъ Имперіи.

Избралъ особое мѣсто для прокормленія и успокоенія стариковъ, добродѣтельныхъ, ученыхъ, непорочнаго поведенія. Единожды въ году присутствовалъ

на пиршествѣ, учрежденномъ для нихъ; засучивалъ рукава одежды, и помогалъ служить имъ при столѣ. Самъ начиналъ розрѣзывать снѣди, каждому старику клалъ во участокъ его приправы для лучшаго вкуса; самъ подносилъ имъ пить самъ не вмѣняя въ уничиженіе сану своему, начиналъ предъ ними пляску, держа въ рукѣ Канъ. Все таковое произходило предъ глазами Царей данниковъ и вельможей, дабы научилися подражать ему.

Подаемыя правила У-Уангомъ разлилися по четыремъ частямъ вселенныя (то есть по всему Китаю). Вѣрный онъ былъ подражатель добродѣтелей родителя своего, чтилъ Лю-Шанга, яко подчиненный начальникъ; съ братомъ своимъ Тшеу-Кунгомъ обходился какъ съ равнымъ. Отъ установленныхъ имъ обрядовъ просіяло величіе престола. Сочинилъ новую Музыку, премѣнилъ порядокъ Календаря, да и такъ, что луна, считаемая первоюнадесять, учинилась первою во круголѣтіи.

По седмилѣтнемъ царствованіи скончался на девяносто второмъ году вѣка своего, за тысячу сто шестнатцать лѣтъ до Рождества Христова, по пяти годахъ послѣ начатковъ царствованія Саулова общее съ Самуиломъ надъ Израильтянами. Тѣло его погребено въ области Пи.

XIX.

Тшеу - Кунгъ, Государственный Дѣловецъ.

Тшеу Кунгъ свойственно имяновался Ки - Танъ, сынъ Уэн - Уанга, младшій братъ У - Уанга, родоначальникъ династіи Тшеускія; еще въ юности оказалъ рѣдкія добродѣтели. Уроки Таи - Кунга обращая себѣ въ пользу, учинился премудрѣйшій и превосходнѣйшій въ знаніи правительствовать народомъ Государь. У - Уангъ, братъ его, при возшествіи своемъ на Императорскій престолъ, избралъ его первымъ Дѣловцемъ и всегда поступалъ съ нимъ какъ съ равнымъ. Тшеу - Кунгъ силу свою при семъ Императорѣ обратилъ на процвѣтаніе Наукъ. Возстановилъ и усовершенствовалъ обряды и Музыку, пришедшіе въ упадокъ при послѣднихъ Государяхъ минувшія династіи. Его пера были новое уложеніе, новые обрядники. Трудился въ смягченіи нравовъ народныхъ, ничего не забывая къ доставленію онаго обиліемъ и благоденствіемъ. Ему должно поколѣніе Тшеуское всею своею знаменитостію; ибо установилъ правило, дабы всѣ поступки и дѣла Императоровъ имѣли основаніемъ добродѣтель, разпоряжалися любовію къ подданнымъ.

Тшеу - Кунгъ имѣлъ при себѣ нѣкоего имянемъ Пе - Кина, равнолѣтнаго рожденному отъ У - Уанга; обоихъ ихъ равно исправлялъ погрѣшности молодыхъ лѣтъ. У - Уангъ на смертномъ одрѣ нарекъ преемникомъ себѣ сына своего Тшенг - Уанга, а Тшеу - Кунга воспитателемъ его и Правителемъ Государства, доколѣ не приспѣетъ въ совершенный возрастъ.

Поведеніе Тшеу-Кунга соотвѣтствовало началамъ онаго: былъ неусыпенъ въ наставленіи племянника своего, и какъ скоро нашелъ его способнымъ царствовать, здалъ ему ввѣренную до того себѣ власть, предоставя только право говорить ему правду вглаза, когда возтребуется то славою отечества и благомъ народнымъ. Во время правительства Тшеу-Кунга введено въ обычай выслушивать и допускать къ престолу Князей данниковъ со всевозможнымъ велелѣпіемъ.

Благоразуміе, вѣрность, безкорыстіе, любовь къ общему благу и иныя изящныя качества Тшеу-Кунга, учиняютъ житіе его и поднесь образцомъ къ подражанію и для Государей и для ихъ Дѣловцевъ. Не престаетъ потомство превозносить похвалами достопамятное его дѣйствіе, когда собственною своею жизнію искупилъ жизнь же брата своего У-Уанга, лежавшаго уже на смертномъ одрѣ. Не менѣе того напоминаютъ наставленія его сыну своему Пе-Кину, когда отпускалъ его владѣть Княжествомъ Лускимъ по пожаловании ему онаго Императоромъ: . . . „Гряди, „сынъ мой! говорилъ ему, гряди утвердить пребываніе твое посреди народа, который благоугодно было „Сыну Неба ввѣрить твоимъ попеченіямъ; будь паче „другомъ ему, нежели Державцемъ; будь для всѣхъ „и каждаго паче отецъ, нежели Владыка. Научай, люби, облегчай ихъ тягости, утѣшай въ печаляхъ. „Пользы ихъ да будутъ твоими собственными; твое „удовольствіе да будетъ удовольствіемъ же и для „нихъ. Во всякое время будь доступенъ: ни подъ „какимъ прикровеніемъ, ни для какихъ недосуговъ, „не отвращай слуха твоего отъ ихъ словесъ. Наи„главнѣйшая твоя должность, или, точнѣе назвать,

„еди-

„единая есть для тебя, являть прибѣгающимъ къ „тебѣ судъ правый, да имѣютъ завсегда отверзтую „къ тебѣ стезю. Могу поставить я самаго меня въ „примѣръ тебѣ: отецъ я твой, ты сынъ мой лю„безнѣйшій. Коликократно видѣлъ ты меня, какъ „прерывалъ я наиважнѣйшія упражненія, дабы вы„слушать имѣвшихъ до меня нужду? Коликократно „пробуждался я ранѣе, возлегалъ на одръ позднѣе, „нежели хотѣлъ? Коликократно сокращалъ минуты „обѣдовъ моихъ, дабы приступить скорѣе къ нуж„ному дѣлу, съ малымъ только безпокойствомъ для „меня? Поступай подобно же, сынъ мой, и подвла„стные тебѣ возблагоденствуютъ, благоденствіе ихъ „учинитъ и собственное твое„ и прочая. Мудрымъ учрежденіямъ Государя сего, когда былъ еще онъ Дѣловецъ при У-Уангѣ братѣ своемъ, чрезъ время правительства Имперіею Тшенг-Уанга, своего же племянника, Лѣтописатели относятъ устояніе Тшеускія династіи чрезъ восемь сотъ шестьдесятъ седмь лѣтъ. Тшеу Кунгъ жилъ цѣлое столѣтіе. Тшенгъ-Уангъ воздвигнулъ надъ нимъ великолѣпную гробницу, погребъ его подлѣ У-Уанга, и установилъ воздаваніе почестей памяти его, яко памяти самихъ Императоровъ. Весь Китай облекся въ одежды сѣтованія; повсюду и каждый оплакивалъ его, яко сынъ родителя своего, даже и чужестранцы свидѣтельствовали примѣтные знаки скорбенія.

Да и должно признаться: Тшеу-Кунгъ былъ изъ самыхъ величайшихъ мужей, когда либо жившихъ въ Китаѣ. Преславный Полководецъ, глубокій Политикъ, вѣрный подданный, Законодавецъ просвѣщенный; Землемѣры и Астрономы вѣка его разумѣли его себѣ главою. Имѣлъ достоинства высокоцѣнимыя, все-

обще славимыя Однако же упадали и на него ядовитыя стрѣлы зависти: имѣлъ нещастія, имѣлъ превратности въ жизни своей. Тшенг-Уангъ, его племянникъ, попустилъ увѣрить себя, будто бы замышлялъ онъ похитить престолъ; лишилъ его чиновъ, удалилъ отъ Двора.

Величіе души Тшеу-Кунговой не измѣнялось въ скользкихъ таковыхъ обстоятельствахъ. Естьли бы замышлялъ подлинно заступить мѣсто племянника своего, не стоило бы то ему ниже малѣйшаго затрудненія. Начальствовалъ ратниками, былъ обожаемъ народомъ и всѣми Государственными степеньми; былъ родный братъ великаго У-Уанга, вѣрный и неразлучный содѣйственникъ преславныхъ его подвиговъ: оставалося ему только пожелать того; но былъ доволенъ, что одобряется поведеніе его собственною совѣстію; что располагалъ поступки свои безкорыстно, безъ любочестія; что имѣлъ единою непремѣнною цѣлію славу Государя, благо отечества. Мщеніе, негодованіе, разумѣлъ чувствіями себя недостойными. Готовился уже остатки дней своихъ проводить въ нѣдрахъ любомудрія, когда Тшенг-Уангъ, стыдяся внутренно, что могъ подозрѣвать въ измѣнѣ и неприверженіи къ особѣ своей вѣрнѣйшаго усерднѣйшаго изъ подданныхъ, призываетъ его ко Двору съ великими почестьми, возвращаетъ прежнюю его знаменитость, ввѣряетъ всѣ части Государственнаго правительства. О паденіи своемъ въ немилость его услышалъ равнодушно; равнодушно же принялъ и благодѣянія, истощеваемыя на себя отъ него. По первомъ велѣніи не ожидаетъ повторительнаго, предстаетъ Императору и начинаетъ многотрудное званіе Государственнаго Дѣловца, какъ по возвращеніи изъ загороднаго дома, или по соверше-

ніи

нiи краткаго какого либо путешествiя, предпрiятаго для забавЪ и удовольствiя. Великимъ только мужамЪ приличествуетЪ полагать цѣну поступкѣ сего рода. Не дивлюся, что Китайцы и поднесь говорятЪ о Тшеу-Кунгѣ сЪ восторгами.

XX.

Лао-Тсеэ, Философъ.

Хотя Философа сего разумѣютъ ученые Китайцы раскольникомъ, развратившимъ истинное ученіе Кинговъ, однако же помѣщается онъ въ числѣ великихъ мужей; ибо есть между ими правило, что возмогшіе овладѣть умами человѣковъ и дать имъ законы, суть люди великіе. Родился Лао-Тсеэ въ Царствѣ Тшускомъ, или нѣкоторой части нынѣшней области Гу-Коангской, въ четвертойнадесять день девятыя луны, въ третіе лѣто царствованія Тинг-Уанга, двадесять перваго Императора Тшеускія династіи, за шесть сотъ четыре года до Рождества Христова, около времяни возшествія на престолъ Вавилонскій великаго Навуходоносора, по кончинѣ отца его Салманасара. Родовое прозваніе ему было Ли, свойственно же нарицался Эульгъ, съ придаткомъ Пе-Янгъ. Тсеэ, Танъ, Ян-Кіунъ и проч. суть имяна, подъ коими извѣстенъ сталъ по смерти своей. Китайскіе Писатели мало освѣдомлены о надлежащемъ до житія его; ибо дни свои провождалъ скрываяся и почти завсегда отшельнически. Проповѣдуемое объ немъ его учениками и приверженцами является вымышленнымъ, весьма уже послѣ, въ славу мужа, коего память неоцѣненна для нихъ и коего усилились и усиливаются равнять Конфуціусу, единогласно всѣми Китайцами признанному первѣйшимъ изъ Философовъ. Исторія упоминаетъ о Лао-Тсеэ кратко: .. Лао-Тсеэ былъ ревностный наблюдатель обычаевъ династіи Тшеускія.

Старѣе онъ Конфуціуса пятидесятью четырьмя годами; слава имяни его уже утвердилась, когда сей родился-

дился. Описатели жизни и того и другаго повѣствуютъ, что единожды видѣлися и разговаривали они. Перескажемъ слова сихъ Писателей.

Конфуціусъ, наслушавшись о похвалахъ, коими превозносимъ былъ *Лао - Тсеэ*, возхотѣлъ узнать его лично. Прибылъ къ нему на мѣсто его пребыванія; бесѣдовалъ съ нимъ о преподаемомъ отъ него ученіи. Лао - Тсеэ отвѣтствовалъ только укоризнами, чего ради Конфуціусъ ведетъ жизнь разсѣянную; чего ради въ поступкахъ его обнаруживается пышность и тщеславіе? что отъ великаго числа учениковъ его питается только гордыня сердца, которому должно быть вмѣстилищемъ единыя любви къ премудрости. . . . „Мужъ мудрый (продолжалъ *Лао-Тсеэ*) хощетъ „уединенія, бѣжитъ отъ общественныхъ званій; „увѣренъ онъ, что по смерти каждаго человѣка „остаются только къ существованію благія правила, „преподаванныя имъ въ жизни способнымъ людямъ „помнить и пользоваться ими. Не всякаго безъ раз„бору удостоиваетъ онъ тѣмъ; но соображаетъ вре„мяна и обстоятельства, къ мѣсту и кстати го„воритъ: инако же молчитъ. Владѣяй сокровищемъ, „тщательно прячетъ его, дабы не похитилося; осте„регается сказывать, гдѣ оное положено имъ. Мужъ „добродѣтельный по справедливости не выставляетъ, „такъ сказать, добродѣтелей своихъ на показъ, не „всякому встрѣчающемуся выдаетъ себя добродѣтель„нымъ. Вотъ все, что я сказать тебѣ имѣю; поль„зуйся.„

Лао - Тсеэ имѣлъ причину не разпространяться болѣе; ибо ученіе его въ томъ только и состояло. Остается къ желанію, чтобъ и Конфуціусъ объясни-

яснился лучше, нежели каковыми находимъ его отзывы о своемъ ученіи послѣ помянутаго свиданія, относительно къ правиламъ, коихъ истина и ложь, сливаемая совокупно, не можетъ инаго вперять, какъ лжемудріе въ умы человѣковъ, безъ разбору разполагающихъ житіе свое, соотвѣтственно и тому и другому. Конфуціусъ вѣщаетъ о Лао-Тсеэ ученикамъ своимъ сіи только немногія слова: . . „Видѣлъ „я Лао-Тсеэя; подобенъ онъ дракону.„ Лао-Тсеэ прозумѣвъ упадокъ Имперіи, колеблющихся уже на престолѣхъ Государей поколѣнія Тшеускаго, рѣшился вести жизнь еще уединеннѣе прежняго. Избралъ страну Ган-Куанскую, и тамъ скрылся отъ всѣхъ. Страноначальникъ принялъ его дружелюбно: . . „Хощеши жити от„шельнически, сказалъ ему, не противлюся; но въ уе„диненіи твоемъ упражняйся въ полезномъ чемъ либо: „сочиняй книги, въ коихъ бы коренныя основанія „ученія твоего значилися во всей ихъ ясности.„ Лао-Тсеэ обѣщалъ ему и сочинилъ Тао-Те-Кингъ, сирѣчь, Книга Ученія и Добродѣтели (дошедшая до времянъ нашихъ не такова уже, какою вышла изъ подъ пера Лао-Тсеэва). Утверждаютъ, что его ученики и приверженцы внесли въ оную вредныя правила, коихъ не стояло въ подлинникѣ. Но какъ бы то ни было, Лао-Тсеэ, окончавъ сію книгу, оставилъ страну Ганг-Куанскую, и больше уже объ немъ никто не знаетъ, куда дѣвался и что съ нимъ сталось.

Великое нынѣ множество въ Китаѣ держащихся разкола Лао-Тсеэва: извѣстны они подъ названіемъ Тао-Сеэанъ. Ученіе ихъ не точно въ томъ состоитъ, какъ описуетъ монахъ Дю-Гальдъ.

о отзывы
е ошносе
омъ, сл-
мъ, какъ
ру разо-
шому и
В учень-
„Видѣлъ
Тосв пр-
е на пр-
вился в-
сшрану
оначаль-
ти от-
ъ ув-
ъ кибос,
основанія
ии,„ Ан-
сирѣчь,
до вр-
ихъ подъ
ученики і
ва, которі
ни быв;
рану Ген-
е внесъ;

держащи-
названіемъ
состоитъ

Кунг-дзее, или Конфуцій, Философъ

XXI.

Кунг-Тсеэ, Философъ.

Кунг-Тсеэ, коего угодно было Европейцамъ наимяновать Конфуціусомъ, свойственно нарицался Кіэу; прозваніе же имѣлъ Тшунг-Ни. Предки его были жители Княжества Сунгскаго, замыкавшагося между рубежами областей Го-Нанской и Кіянг-Нанской. Имя отца его Шу-Леанг-Ге; матери же Іен-Ше. Родился въ первуюнадесять луну, двадесять вторaго лѣта владѣнія Сіанг-Кунга, Царя Лускаго, сирѣчь въ мѣсяцѣ Декабрѣ, за пять сотъ пятьдесятъ одинъ годъ до воплощенія Христова. Чрезъ всю жизнь свою неутомленно старался о процвѣтаніи добродѣтели, чистаго ученія и благихъ нравовъ. Обтекъ большую часть малыхъ Царствъ, изъ которыхъ состояла тогда Имперія. Возъимѣлъ учениковъ даже до трехъ тысячь, однако же семьдесятъ только два могли толковать и совершенно разумѣть ученіе его: находилися же при немъ безотлучно не болѣе двѣнатцати. Они-то снискали по смерти его названіе мужей мудрыхъ.

Кунг-Тсеэ, по сложеніи съ себя въ разныя времяна разныхъ же общественныхъ должностей, удалился въ отчизну свою шестидесяти осьми лѣтъ отъ рожденія, и немалое число достальныхъ лѣтъ жизни употребилъ на истолкованія Ли-Кія, на очищеніе Ше-Кинга, отъ внесеній въ книгу сію посторонныхъ и противу благопристойности; на обьясненіи Фу-Гіевыхъ Куаевъ. Наживалъ спокойно близжащуюся къ нему смерть, бывъ увѣренъ въ душѣ своей, что не оставилъ ничего къ наученію человѣковъ

 добро-

добродѣтели, и какъ простираться въ оной. Скончался въ теченіи четвертыя луны, въ шестоенадесять лѣто владѣнія Нгаи - Кунга, Царя Лускаго, за четыреста семьдесятъ восемь лѣтъ до воплощенія Христова, семидесяти трехъ лѣтъ отъ рожденія.

Имѣлъ одного только сына, умершаго прежде его; имя ему было Кунгъ - Ли, инако же Пе - Ю. Отъ сего Пе - Юя произшелъ знаменитый мужъ Тсеэ - Сеэ, сочинитель на правилахъ предка своего Тшунг - Юнга (*), или точныя Средины.

Тсенг - Тсеэ на тѣхъ же самыхъ правилахъ и основаніяхъ издалъ въ свѣтъ Та - Гіо, или великое Ученіе (**). Прочіе ученики Конфуціевы, собравъ острыя реченія и дружественные съ ними разговоры наставника своего, составили книгу Люн - Ю. Самъ Конфуціусъ исправилъ Шу - Кингъ; сочинилъ лѣтописи Царства Лускаго подъ заглавіемъ Тшун - Тсіэу (***). Въ своемъ мѣстѣ помѣстимъ мы житіе мудраго мужа сего, и тамъ болѣе простремся объ немъ.

XXII.

(*) Переводъ сочиненія сего внесенъ во вторый Томъ сихъ Записокъ нашихъ.

(**) И сіе помѣщено тамъ же.

(***) Смотри о Шу - Кингѣ въ третіемъ томѣ на стран. 300 и 301.

XXII.

Кію-Пингъ, Государственный Дѣловецъ.

Родовое прозваніе было Кіу; собственное же имя Пингъ, послѣ сталъ нарицаться Юэнъ: почему и слыветъ безъ разбору, то Кіу-Пингъ, то Кіу-Юэнъ. Произшелъ отъ однихъ предковъ съ Царемъ Тшускимъ [Гоан-Уангомъ], при которомъ и учиненъ главнымъ Государственнымъ Дѣловцемъ. Во младыхъ еще лѣтахъ началъ прилѣжать къ Наукамъ, и толико успѣлъ въ оныхъ, что разумѣемъ сталъ изъ самыхъ первыхъ Философовъ вѣка своего. Природное его краснорѣчіе удивляло всѣхъ. Слогъ письма имѣлъ прекрасный и легкій. Должностію его между прочимъ было отвѣтствовать письменно Страноначальникамъ и инымъ чиновнымъ людямъ внѣ столицы, доставляя къ нимъ велѣнія Царя съ ясностію и благоразуміемъ, снискивавшимъ ему всеобщее почтеніе, всякаго рода почести и благодѣянія отъ послѣдняго.

Великія имѣя достоинства, всеконечно не могъ избавиться отъ завистниковъ. Вельможи затѣвали на него преступленія; доносили Царю, который столько былъ малодушенъ, что пожертвовалъ главнымъ Дѣловцемъ своимъ, ближайшимъ своимъ наперстникомъ, однимъ только подозрѣніямъ, и удалилъ его отъ Двора. Кіу-Юэна уразило паденіе таковое: оставилъ не только столицу, но и все царство Тшуское; не возхотѣлъ далѣе жить подъ владѣніемъ Государя, коего благоволеніе онъ толико заслужилъ, но который столь безчеловѣчно поступилъ съ нимъ: водворился въ предѣлахъ, принадлежащихъ Имперіи. Тамъ, освобожденный отъ всякихъ заботъ, возвращенный,

такъ сказать, самъ себѣ, далъ волю способностямъ своимъ и изливаться сердцу. Сочинилъ славную оную элегію Ли-Сао, извлекающую слезы у Читателей. Мнилъ огражденнымъ уже себя отъ устремленія клеветы, но обманулся: зависть гонитъ его и во уединеніи, начинаетъ злобою Мандарина мѣстоначальника, по томъ же и нѣсколькихъ Вельможей Императоровыхъ, такъ что сей принялъ его человѣкомъ опаснымъ для Государства; наказалъ его ссылкою внутрь блата Пинскаго, не подалеку отъ береговъ рѣки Кіанга.

Ку-Юэнъ написалъ въ заточеніи своемъ еще девять элегій. Неблагодарность человѣковъ вообще, для коихъ онъ толико трудился, производитъ въ немъ мрачную задумчивость, которую разогнать безсильна была вся его Философія. Жизнь учинилась ему бремянемъ; навязалъ на шею камень и бросился въ рѣку.

Народъ, лишась таковымъ образомъ мужа великаго, но смиренномудраго, изящнаго разума, но безъ гордыни, преискуснаго Государственнаго Дѣловца, судію праведнаго, гражданина добродѣтельнаго, пролилъ слезы. Отвсюду стекаются жители окрестныхъ странъ къ брегамъ рѣки искать тѣла его. Многіе дни проводятъ въ томъ; вотъ отъ чего возникъ нѣкій родъ торжества, совершаемаго и поднесь ежегодно въ честь памяти Кіу-Уэновой, въ пятый день пятыя же луны! Гребцы украшаютъ ладьи свои цвѣтами, разъѣзжаютъ по рѣкамъ, какъ бы ища тѣла Кіу-Уэнова, дабы доставить оное погребеніемъ.

XXIII.

XXIII.

Монг-Тсеэ, Философъ.

Монг-Тсеэ славнѣйшій изъ всѣхъ Китайскихъ Философовъ по Конфуціусѣ, собственное имя его Ко, прозваніе Тсеэ Ю, рода Мандаринскаго. Предки его были жители Царства Тшускаго; потомки Монг-Сюна, который во времяна Конфуціевы занималъ главнѣйшія гражданскія мѣста съ толикою пышностію, что заслужилъ чрезъ оное пререканіе послѣдняго. Отецъ его Ки-Кунгъ поселился въ области Тсеуской, подвластной Царю Тшенскому, нынѣ слывущей Тсеу-Гіенъ, въ округѣ Гэн-Тшеу-Фу, въ области Шан-Тонгской, гдѣ умеръ скоро по рожденіи сыновнемъ.

Тшанг-Ше, мать Монг-Тсеэва, не щадила ничего ко благоуспѣшному его воспитанію. Поднесь пріемлется она образцомъ для отцовъ и матерей. Въ подробности того, какъ сія женщина сыну своему отъ младыхъ его ногтей вперяла отвращеніе къ порокамъ, любовь къ добродѣтелямъ, входить не здѣсь приличествуетъ; однако же не могу умолчать единый изъ таковыхъ, по которому удобно Читателю судить и о прочихъ.

Домъ ея находился подлѣ дома же нѣкоего мясника. При всякомъ крикѣ умерщвляемаго сосѣдомъ животнаго младенчествующій еще ея сынъ бѣгалъ смотрѣть, чей то былъ голосъ, да и смотрѣлъ на всякое закланіе съ удовольствіемъ. Возвратившись же въ жилище свое, старался также точно издавать голосъ, какъ издавало умерщвляемое животное. . . „Подобное сосѣдство, говоритъ она родственникамъ, „не пристойно для сына моего. Поищемъ инаго, гдѣ

 „бы

„бы онъ не могъ видѣть предметовъ, ожесточающихъ „сердце, дѣлающихъ глаза привычными къ кроволи- „тію.„ Нашли ей домъ за стѣнами города посреди кладбищь. Но и тамо возъимѣла причину къ новымъ безпокойствамъ: младенцу начали представляться плачущіе надъ могилами, оказывающіе почести праху предковъ. Монг-Ко, какъ скоро заслушивалъ рыданіе, или вопль, мчался туда самовидствовать, и всякій разъ, приходя къ матери своей обратно, воздыхалъ, плакалъ, повергался на землю, дѣлалъ все то, что видѣлъ, пріобщая и отъ себя печаль изъявляющія тѣлодвиженія, какія по малолѣтству своему примыслить могъ. Тшанг-Ше за излишное разумѣла толковать ему по младенчеству его непонятное, а еще того менѣе чрезъ выговоры исправить привычку; ибо то было не легко. Еще премѣняетъ жилище, сказавъ ближнимъ своимъ: . . . „Не мѣсто намъ и здѣсь; „сынъ мой будетъ вмѣнять въ забаву самый степенный обрядъ въ жизни человѣческой; достойное наи- „болѣе всего вниманія и благоговѣнія учинится для „него шуткою. Постараемся найти мѣсто пристой- „нѣе для него.„ Нашли довольно спокойный домъ напротивъ школъ. Проживъ въ ономъ мѣсяцъ, или два, Шанг-Ше примѣтила, что сынъ ея началъ себя вести съ пристойностію, разхаживалъ взадъ и впередъ степенно; узналъ пору, когда ему останавливаться, когда кланяться учтиво, давать дорогу всякому встрѣчающемуся съ нимъ. . . . „Здѣсь, сказала Тшанг- „Ше сама себѣ, могу я прилѣжать съ пользою къ „воспитанію сына моего.„

Монг-Ко скоро сталъ человѣкомъ; вдался ученію шести художествъ, пяти Кинговъ и обрядникамъ. Перо его учинилось славно, а напослѣдокъ и поч-

почти равное Конфуціевому. Монг-Ко между прочими подкрѣпилъ древнее ученіе, преподанное Яеу и Шуну, жившими до нихъ мудрыми мужами, которое они преподали же потомству. Обычайно вѣрятъ, что Монг-Ко былъ ученикъ Тсеэ Сеэя, прославившагося во времяна Сіуэн-Уанга, Царя Тсискаго. Доказывается то сочиненіями Монг-Тсеэвыми, полными правилъ внука Конфуціева и множествомъ приключеній, надлежащихъ до Тсискаго Царства и самыя особы Сіуэн-Уанга. То несомнѣнно, что былъ сей ученый мужъ современникъ Платону, Аристотелю и Демосѳену.

Монг-Тсеэ, яко державшійся ученія древнихъ Философовъ, различается съ Конфуціемъ единымъ образомъ преподаванія онаго и толкованія того сочиненія послѣдняго, коимъ долженствуетъ стараніямъ Кунг-Суи-Тшеуа, и Уан-Тшанга, издателямъ онаго въ свѣтъ. Раздѣлено сіе сочиненіе на седьмь частей, содержаніе же вообще можно изразить немногими сими словами: . . „Человѣкъ естественно благъ отъ при-„роды: слѣдовательно способенъ имѣть всѣ доброде-„тели. Естественно благій, не долженъ развращать-„ся; могущій стать добродѣтельнымъ не долженъ „ничего оставлять въ небреженіи къ учиненію себя „таковымъ. Познаніе должностей своихъ, простира-„ніе въ оныхъ, яко человѣкъ, яко членъ общежитія, „поведетъ его прямо къ мѣтѣ его; спознаетъ свои „должности, естьли спознаетъ самъ себя и подоб-„ныхъ себѣ человѣковъ; не нарушитъ оныя ни въ „чемъ, естьли умѣетъ быть человѣколюбенъ и спра-„ведливъ.„

Вотъ въ чемъ состоитъ ученіе, толкуемое въ сочиненіи Монг-Тсеэя. Образъ толкованія таковаго; разсужденія, служащія спорами; примѣры, приводимые

мые въ доказательства; иносказанія тонкія, употребляемыя иногда нѣсколько чаще, нежели надобно; укоризны, нѣсколько чрезмѣрныя противу особъ въ чинахъ Государственныхъ, дѣлаютъ чтеніе книги сей пріятнымъ тѣмъ изъ ученыхъ Китайцевъ, коихъ стремительная ревность къ такъ называемому чистому, или здравому ученію, не сноситъ притворства и щаженія. Китайцы единогласно утверждаютъ, что Монг-Тсеэ достоинъ славы, коею превозносится память его. . . „Безъ него, говорятъ, не было бы чи„стой и здравой Философіи. Начинали уже мы за„бывать Конфуція и правила его. Раскольники, Янгъ „и Мо, къ бреднямъ Лао-Тсеэвымъ присовокупили „уже собственныя свои бредни и одержали было уже „верьхъ. Надлежало сражаться съ новымъ заблужде„ніемъ, надлежало предпоставить крѣпкій оплотъ „противу быстраго стремленія, которое въ силахъ „было повлечь все за собою. Сіе-то учинилъ Монг„Сеэ, съ духомъ мужественнымъ, достойнымъ боль„шихъ успѣховъ, нежели каковые возъимѣлъ онъ. „Заблужденіе, хотя ослабленное еще, не вонични„жилось; еще производило бѣдственныя слѣдствія. „Времяна настояли злыя. Имперія клонилась къ па„денію. Тсинскій Царь имѣлъ Дѣловцемъ у себя Шанг„Янга; Цари, Тшускій, Уэнскій, Тсискій, управлялися „У-Кіемъ, Сун-Пиномъ, и Тіэн-Кіэмъ, людьми не„спокойными, суетливыми алкавшими только войны, „благоугождавшимися только въ шумѣ оружія. Какъ „же мужъ мудрый, вѣщатель о миролюбныхъ добро„дѣтеляхъ Яоа, Шуна, Тшенг-Танга, Уэн-Уанга, „могъ быть услышанъ? Какъ могъ дѣйствовать на „мѣстахъ, гдѣ требовалися только военоносцы?

Монг-

„Монг-Тсеэ имѣлъ поступь и осанку степенныя, „вперялъ каждому взирающему на себя почтеніе и „страхъ: рѣдко мужъ таковый любимъ бываетъ отъ „всѣхъ . . . По большой части нравятся превосход„ные разумы, гибкіе, умѣющіе приноравливать ко „временамъ и обстоятельствамъ.„ Нѣкто вопросилъ Тшенг-Тсеэя: . . . Монг-Тсеэ совершенно ли былъ мужъ мудрый? . . „Не смѣю утверждать, а толь„ко вѣдаю, что сочиненіе, извѣстное подъ его имя„немъ, проявляетъ глубину премудрости, доброде„тель наичистѣйшую; вѣрю, что заслуживаетъ онъ „первое мѣсто по Конфуціусѣ; что заслуживаетъ „сопричисленіе къ наизнаменитѣйшимъ Философамъ.„

Тотъ же Тшенг-Тсеэ, уравнивая Монг-Тсеэя Конфуціусу, тако вѣщаетъ: . . „Конфуціусъ по бла„горазумію, или по смиренномудрію, не рѣдко при„творствуетъ, не всегда говоритъ, какъ бы говорить „могъ. Монг-Тсеэ не таковъ. Безсиленъ принуж„дать себя; обнажаетъ мысли, изражается смѣло, „идетъ прямо къ мѣтѣ своей. Подобенъ льду на во„дѣ наичистѣйшей, сквозь которой видно все, бли„стаетъ, повсюду гладокъ, не скрываетъ подъ собою „ни красотъ, ниже предметовъ непріятныхъ зрѣнію. „Конфуціусъ напротивъ, яко драгоцѣнный камень, „меньше сіяющій льда, но тверже онаго, прочнѣе,„ и прочая.

По всему сказанному здѣсь мною можно составить довольное понятіе, каковъ былъ Монг-Тсеэ. Жизнь его прекратилась на восемьдесятъ четвертомъ году отъ рожденія, не достигнувъ чрезъ все продолженіе оной до степеней, служа отечеству, соразмѣрныхъ породѣ его и достоинствамъ. Но естьли въ

жизни не былъ почтенъ по заслугамъ, то по смерти препрославился всесовершенно. Потомство, украсивъ память имяни его всевозможными почестьми и титлами знаменитости, отмстило за небреженіе къ нему его современниковъ. Память имяни его, повторяю, не меньше уважается памяти же имяни великаго Юа, Тшеу-Кунга и Конфуція. Воздвижены общенародные знаки незабвенія; образъ лица его поставленъ въ храмѣ Уэн-Міао, подлѣ образа же Гіен-Гозіа; возведенъ въ достоинство Княжеское; произшедшимъ отъ крови его даны преимущества великія, каковыми пользуются потомки Царей; даже жертвовано было жизнію за славу имяни его. Послѣднее заключитъ сказаніе мое о семъ Философѣ.

Родоначальникъ Мингской династіи, великій Као-Тсу, извѣстный подъ другимъ имянемъ Гунг-Уэ, читая нѣкогда сочиненія Монг-Тсеэя, остановился на строкахъ, тако гласящихъ: . . „Государь разумѣетъ подданныхъ своихъ, яко землю, попираемую но„гами, или яко зерны горушечныя, презираемыя отъ „всѣхъ. Подданные напротивъ разумѣютъ Государя „своего яко разбойника, яко врага себѣ.„ Возне годовавъ произнесъ: . . . „Не сице подобаетъ вѣщати о „Самодержцахъ. Подобно изражающійся объ нихъ „недостоинъ имѣть почести, воздаемыя памяти му„драго Конфуція. Да будетъ лишенъ славы, да изверзется образъ лица его изъ храма отца Китайскія „Философіи. Со всякимъ отважившимся ходатай„ствовать за него поступлю, яко съ оскорбителемъ „величества; всякъ представившійся мнѣ съ письменнымъ „прошеніемъ объ немъ будетъ пронзенъ стрѣлою.„

Велѣ-

Велѣніе Царя обнародовано; всѣ, упражнявшіеся въ Наукахъ, оскорбились. Единъ изъ оныхъ имянемъ Тсіен-Тангъ, уроженецъ города Гіанг-Шан-Гіэна, тогдашній Председатель въ нѣксемъ изъ Государственныхъ училищъ, возхотѣлъ пожертвовать жизнію въ честь имяни Монг-Тсеэя. Написалъ челобитную, въ которой изъяснилъ прежде помянутыя рѣченія Философа сего, и протолковалъ прямый смыслъ, замыкающійся въ оныхъ; приступилъ къ описанію же разныхъ мѣлкихъ владѣльцевъ по знаменитѣйшимъ областямъ Имперіи въ его время, подъ имянами Судей, и продолжалъ: . . „О таковыхъ-то Держанцахъ мыслилъ „Монг-Тсеэ, а не о законномъ Сынѣ Неба. Чего же „ради по истеченіи толикихъ столѣтій вмѣнять ему „въ преступленіе то, чего даже и поднесь никогда и ни„кому вмѣняемо не было? Умру; ибо таково есть велѣ„ніе твое, Государь! но умру съ радостію за честь имя„ни Монг-Тсеэя. Смерть моя явится славною предъ „очами потомства.„ Тсіэн-Тангъ, съ бумагою въ рукахъ, съ влачимымъ за собою гробомъ, идетъ прямо во Дворецъ. Достигнувъ первыя ограды, говоритъ стражу: . . „Се прошеніе за Монг-Тсеэя.„ По томъ разкрываетъ грудь, и говоритъ далѣе: . . „Извѣстно „мнѣ повелѣнное вамъ; пронзайте же сердце мое.„ Въ то же мгновеніе падаетъ отъ пущенной въ него стрѣлы, бумага вырывается изъ рукъ и подаютъ ее Императору съ донесеніемъ о случившемся. Сей со вниманіемъ прочитываетъ, хвалитъ величіе духа Тсіэн-Танга, оправдаетъ его, или по крайней мѣрѣ является оправдающимъ. Посылаетъ Врачей цѣлить рану Тсіэн-Танга; возвращаетъ торжественно похищенныя права и преимущества памяти Монг-Тсеэя.

XXIV.

Ган - Као - Тсу, ИмператорЪ.

По ГосударяхЪ мудрыхЪ отдаленнѣйшей древности, слѣдуетЪ основатель пятыя, или Ганскія династіи; родовое прозваніе его Ліэу, собственное же имя ПангЪ, сЪ придаткомЪ Ки. Родился вЪ области Пенской; возшествіемЪ на престолЪ долженЪ достоинствамЪ своимЪ. Родителями самаго низкаго семейства возпитанЪ, какЪ обычайно возпитываетЪ дѣтей простый народЪ. Со временемЪ успѣваетЪ составить воинство и начальствовать надЪ онымЪ. ВедетЪ войну на Царства, Тсинское и Тшуское, коихЪ Державцы оспоривали ему право кЪ престолу Императорскому. То и другое было имЪ побѣждено и разорено, остается единымЪ Владыкою Китая. Достигнувъ высочайшаго сана Сына Неба, избралЪ таинственнымЪ для себя знакомЪ огнь, городЪ же Тшанг-ГанЪ вмѣстилищемЪ Двора своего. Не просвѣщенЪ былЪ ученіемЪ; ибо всѣ книги вЪ Государствѣ сожжены не задолго предЪ нимЪ отЪ мучителя Тсин-Ше-Гоанга: однако же явился возстановителемЪ НаукЪ, оставителемЪ по себѣ великихЪ мужей, прославившихЪ Китай.

Не возмогши начитываться КинговЪ, не возмогЪ же располагать и поведенія своего вЪ соотвѣтственность правилЪ, преподаемыхЪ ими. Сего-то ради не уравниваютЪ царствованіе его сЪ царствованіемЪ древнихЪ ИмператоровЪ, хотя правилЪ добрѣ народомЪ, да и достоинЪ тѣмЪ, наипаче ублажанія, что самЪ себѣ открылЪ кЪ тому путь. ИмѣлЪ понятіе острое, разсужденіе безошибочное. Приступая кЪ дѣламЪ всякаго

- каго рода, тотчасъ опознавалъ, какъ ихъ начинать и довершать. Охотно выслушивалъ подаемые совѣты; при разборчивости превосходной склонностей и дарованій человѣковъ, умѣлъ пользоваться оными. Снизхожденіе къ воинству, милосердіе къ побѣжденнымъ, смиренномудріе посреди наипреславнѣйшихъ успѣховъ своихъ, мужество и твердость души въ злоключеніяхъ, глубокое почтеніе къ памяти Государей и Полководцевъ, павшихъ подъ оружіемъ его, доставленіе наслѣдствъ ихъ оставшимся по нихъ, надежныя имъ почести по знаменитости и состоянію каждаго: отверзали ему стезю къ престолу столько же, какъ и всѣ иныя военоносныя его качества. Владычествовалъ двадесять лѣтъ, скончался на 53 году отъ рожденія, за сто девяносто пять лѣтъ до воплощенія Христова. По смерти проимянованъ Као - Тсу, сирѣчь первый въ поколѣніи своемъ.

XXV.

Сіанг-Уангъ, Императоръ.

Родовое имя его Сіангъ, или Гіангъ, собственное же Ю; внукъ знаменитаго Гіанг-Леанга, Полководца Тшускаго; рожденъ въ Цанг-Тшенгѣ. Какъ не могли принудить его учители вытверживать уроки наизусть, и былъ врагъ всякаго принужденія, то опредѣлили его въ воинскую службу. Но и тамъ упорность его и нетерпѣніе никакого надъ собою начальства, заводятъ его въ нарушеніе должностей и сего званія, въ которомъ столь же малыя возъимѣлъ успѣхи, какъ прежде и въ Наукахъ.

Гіанг-Леангъ, дѣдъ его, часто приводимъ былъ имъ на гнѣвъ. Нѣкогда слышавъ отъ него строгіе выговоры, отвѣчаетъ: . . . „Когда бы я умѣлъ гра„мотѣ, служило бы мнѣ къ записыванію имянъ рат„никовъ, которыхъ имѣть буду подъ предводитель„ствомъ моимъ; естьли научуся владѣть оружіемъ, „то сіе обратилося бы къ пользѣ моей въ случаѣ „сраженія съ непріятелями: но къ чему все сіе, ко„гда я одинъ, ни кѣмъ не вспомоществуемъ, могу „противостоять цѣлому участку войска въ десяти „тысячахъ человѣковъ?„

Подобное хвастовство выслушано съ удовольствіемъ въ домѣ, обитаемомъ воинами. Престали принуждать юношу и дали ему волю слѣдовать врожденнымъ склонностямъ.

Во второе лѣто Зульг-Ше-Гоанг-Тіа, Императора династіи Тсинскія, за двѣсти восемь лѣтъ до ро-

рождества Христова, Гоанг-Ю, наждавши время, въ которое воспламенилася война по всѣмъ частямъ Имперіи, рѣшился предпріять дѣло ратное. Собралъ малолѣтныхъ бродягъ, составилъ ополченіе въ восьми тысячахъ человѣкахъ, нѣсколько престарѣлыхъ воиновъ, коими снабдѣнъ былъ дѣдомъ своимъ, помогли ему научить ихъ ремеслу сему. Предвождая смѣльчакамъ таковымъ, преходитъ великій Кіангъ, съ западныя страны Китая достигаетъ ополченія Императорскія. Не единожды сражается, и учиняетъ громкимъ имя свое. Воинство ежедневно множится, приводитъ его въ состояніе проявлять славные подвиги. Тшускій Царь, коего былъ подданный, жалуетъ его вождемъ войскъ своихъ. Такъ усилившись, истребляетъ силы Тсинскія въ западной странѣ; а *Ліэу*-Пангъ въ то же самое время низлагаетъ же оныя отъ стороны восточной. Невступно чрезъ три года, всѣ войски Императорскія низложены отъ двухъ сихъ Витязей, естьли можно имяновать бродягъ и мятежниковъ тако.

Предъ *Ліэу*-Пангомъ отверзаются врата столицы Государственной, которая и бываетъ разграблена. Однако же возбранено было ратникамъ подъ наилютѣйшими казньми оскорблять жителей лично. Императору, плѣннику своему, оказывалъ должное раболѣпство. Но не таковъ былъ Гіанг-Ю. Раздражася, что упрежденъ сталъ товарищемъ своимъ, подоспѣвъ туда же, началъ поступать напротивъ: поелику тотъ милосердъ былъ къ побѣжденнымъ, по стольку сей лютъ и безчеловѣченъ. Собственною своею рукою умертвилъ нещастнаго Императора, отослалъ подъ стражу семейство его подъ прикровомъ, будто бы

пред-

предотвращалъ чрезъ оное мятежи, будто бы устроевалъ чрезъ оное миръ въ Имперіи. Напослѣдокъ попустилъ воинству вновь разграбить столицу, зажегъ ее и двигнулся съ ополченіемъ своимъ къ странѣ Тшуской.

Царь края сего, желая воздать честь своему Полководцу, шествуетъ ему во срѣтеніе; но едва сближаются одинъ съ другимъ, первый наибезчеловѣчнѣйшимъ образомъ лишаемъ бываетъ жизни велѣніемъ послѣдняго. Ліэу-Пангъ поступилъ инако: свидѣтельствуетъ наичувствительнѣйшее прискорбіе о смерти Тшускаго Царя, облачается въ одежды сѣтованія, облачаетъ же въ оныя и всѣхъ подвластныхъ себѣ, учреждаетъ торжество погребательное со всевозможнымъ великолѣпіемъ, а чрезъ то уловляетъ еще наиболѣе сердца жителей страны.

Ліэу-Пангъ и Гіанг-Ю, равно имѣли цѣлію для себя престолъ Императорскій; слѣдовательно не могли оставаться долго друзьями. Истребивъ Тсиновъ, общихъ непріятелей своихъ, замышляютъ истреблять же другъ друга. Гіанг-Ю провозгласился Па-Уангомъ, сирѣчь первымъ изъ Царей, и повелѣлъ себя называть Тшу-Па-Уангомъ, то есть первымъ изъ Царей, дѣйствительно сѣдящихъ на престолѣ Тшускомъ; а Ліэу-Пангъ былъ доволенъ титломъ Царя Ганскаго.

Скоро за симъ открылась вражда между обоими Царями. Вели войну пять лѣтъ. Имѣли валовыхъ сраженій седьмьнадесять. Взаимно побѣждались, и оставалися побѣдителями. Послѣднее между ими побо-

побоище произходило въ окрестностяхъ У-Кіангскихъ, гдѣ Лiэу-Пангъ одержалъ верьхъ, Гiангъ же Ю изъ отчаянія перерѣзалъ самъ себѣ горло, дабы не впасть живу въ руки непріятеля своего, во вторуюнадесять луну, за двѣсти два года до воплощенія Христова. Царь Ганскій, увидѣвъ себя Владыкою всего Китая, принялъ титло Императорское, которое и было подтверждено всѣми Государственными Чинами, радующимися, что будутъ повиноваться побѣдителю, коего столь уже давно прославляли изящныя качества, составляющія великихъ Государей.

Лiэу-Пангъ отъискиваетъ тѣло Па-Уанга и погребаетъ съ честію, не яко врага собственно себѣ, но яко Царя и великаго Полководца. Въ самой вещи Гiанг-Ю былъ и то и другое; былъ бы и еще болѣе нѣчто, естьли бы умѣлъ обуздывать славолюбіе и укрощать врожденное звѣрство. Черты его лица ради странности пріобщаются здѣсь.

Гiанг-Ю, повѣствуютъ Историки, природную имѣлъ склонность къ войнѣ, и были ему случаи довлетворить оную. Мужественъ даже до неустрашимости; на самыхъ опасныхъ мѣстахъ видали его перваго. Почти завсегда торжествовалъ надъ врагами, сражаяся съ ними въ равенствѣ силъ. Неспособенъ былъ къ ухищреніямъ; почему и бывалъ иногда обманываемъ. Ростъ имѣлъ исполинободобный, невѣроятную тѣлесную силу; руки у него не гнулись; скорѣе можно было двигнуть гору съ мѣста, нежели принудить его уступить кому либо и что либо противу воли. Отъ пятъ до головы имѣлъ восемь футовъ (то есть около

шести футовЪ ЕвропейскихЪ). БезЪ труда подЪималЪ рукою тягость вЪ тысячу фунтовЪ. ГолосЪ имѣлЪ страшный. Судя по тѣлесной его силѣ и храбрости, вЪ состояніи былЪ противостоять множеству непріятелей.

XXVI.

Тшанг-Леантъ, Государственный Дѣловецъ.

Родовое прозванiе его Тшангъ, имя же собственное Леангъ; послѣ нареченъ былъ Тсеэ-Сангъ. Отецъ, дѣдъ, прадѣдъ и прапрадѣдъ его, были первыми Государственными Дѣловцами при Царяхъ Ганскихъ. Когда Царство сего имяни разорено отъ Тсиновъ, Тшанг-Леангъ былъ еще въ молодыхъ лѣтахъ: слѣдовательно не въ состоянiи предпрiять что либо къ защищенiю отечества; однако и тогда уже самъ въ себѣ положилъ отмстить оное.

Съ тремя стами домочадцевъ и преданныхъ дому своему удалился. Скоро послѣ того умеръ у него братъ; отказался отъ издержекъ для погребенiя его. Накоплялъ тщательно деньги, замышляя употребить ихъ, какъ настанетъ удобный случай, на войну противу Тсиновъ.

Чрезъ немногое время нашелся въ силахъ обѣщать немалое оныхъ количество тому, кто возметъ на себя умертвить разорителя Ганскаго Царства, коимъ управляли предки его въ званiи Государственныхъ Дѣловцевъ. Предсталъ къ нему нѣкто, сказывая, что одаренъ отъ природы мужествомъ и силою чрезвычайною. Тшанг-Леангъ вложилъ ему въ руки булаву во сто дватцать фунтовъ; ибо не требовалъ никакого другаго оружiя.

Тако вооруженный, идетъ къ мѣсту пребыванiя Тсинскаго Царя; видитъ его въ колесницѣ послѣдуемаго многолюднымъ сопутствiемъ, ближится съ неустра-

устрашимостію, ударяетъ по колесницѣ столь сильно, что всеконечно бы раздавленъ ею былъ сидѣвшій въ ней, но колесница на сей разъ была пустая.

Тшанг-Леангъ, обманувшійся такимъ образомъ въ надеждѣ, навлекшій на себя подозрѣніе, бѣгствуетъ, скрывается въ области Гіа-Пиской, и провождаетъ жизнь между самою презрѣнною чернью. Единожды прохаживаясь по берегу рѣки, срѣтаетъ старца, у котораго спала съ одной ноги обувь въ воду: кидается въ оную, подъемлетъ упавшее и возвращаетъ, кому принадлежало. Мужъ престарѣлый благодаритъ его, проситъ, дабы явился на томъ же самомъ мѣстѣ чрезъ пять дней. . . . ,,Тогда можетъ ,,быть дамъ я тебѣ нѣчто, могущее поспѣшествовать ,,вать твоимъ намѣреніямъ.,,

Тшанг-Леангъ смутился, думая, что его узнали; однако же оградивъ себя возможными предосторожностьми, прибылъ на мѣсто, ему назначенное. Старецъ уже былъ тамо и ожидалъ его нетерпѣливно. Говоритъ: . . . . ,, Долго ты себя ждать заставилъ, ,,а за то приди сюда еще чрезъ пять дней.,, Отсрочка таковая умножила любопытство Тшанг-Леанга. Еще на разсвѣтѣ дня находитъ старика, и паки ничего не получаетъ, а только слышитъ сіи слова: . . .,, Къ исполненію великихъ замысловъ твоихъ по- ,,требно болѣе прилѣжаніе, нежели оказываемое то- ,,бою; оставь меня, и чтобъ еще чрезъ пять дней ,,увидѣлъ я тебя на семъ самомъ мѣстѣ. . . .,, Что ,,же сіе значитъ, мыслитъ самъ въ себѣ Тшанг- ,,Леангъ; развѣ вѣдаетъ, что я хочу мстить Тси- ,,намъ, и что сіе не выходитъ никогда изъ голо- ,,вы моей? Естьли вѣдаетъ, то откуда и какъ могъ

,,про-

„проникнуть тайну мою? Надобно увидеться съ „нимъ.„ Въ полночь спѣшитъ къ рѣкѣ, хощетъ упредитъ престарѣлаго мужа. Солнце едва первые свои лучи проливать начало, созерцаетъ его идущаго къ себѣ, имѣя на лицѣ изображенное удовольствіе. Сближась съ нимъ, вѣщаетъ: . . .„ Послушность, „непреклонность въ намѣреніи, и прилѣжаніе, оказуе„мое днесь тобою, доказуетъ, что ты ко всему спо„собенъ. Возьми, сынъ мой, книгу сію, которую те„бѣ дарствую, читай ее со вниманіемъ, обмышляй „каждое слово; да будетъ пищею всегдашнихъ тво„ихъ размышленій: научитъ тебя великому оному „искусству, какъ вспомоществовать Государямъ, да„бы добрѣ правили подданными- какъ укрощать „враговъ.„

Тшанг-Леангъ пріемлетъ книгу отъ старца, становится она ему упражненіемъ безпрерывнымъ, и со времянемъ опознаетъ себя въ силахъ учиниться главнымъ содѣйственникомъ могущества Ган-Као-Тсуа. Его-то совѣтамъ, его-то храбрости, воздолженствовалъ частію Ліэу-Пангъ основаніемъ наипреславнѣйшія династіи Владыкъ Китая. Тшанг-Леангъ изъ за-письменнаго стола своего разпоряжалъ его поведеніемъ, предвождалъ войски, низлагалъ его непріятелей. Великій Государственный Дѣловецъ, великій Вождь ратниковъ. Почерпнулъ же все учинившее его таковымъ (повѣствуетъ Исторія) въ книгѣ, данной ему Гоанг-Ше-Кунгомъ (имя старика).

Со времянемъ созываетъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ Тсинами, всѣхъ оплакивающихъ злоключенія отчизны, и нажидаетъ только случая мстить; бываетъ имъ во главу; предстаетъ съ ними Ліэу-Пангу въ

воинскомъ станѣ его, предлагаетъ жизнь свою и жизни ихъ на положеніе въ пользу общаго дѣла. Снискиваетъ довѣренность Полководца сего. Естьли сей возшелъ наконецъ на престолъ Императорскій, всеконечно руководствовалъ ему въ томъ Тшанг-Леангъ. Слѣдующее докажетъ и вразумитъ, что онъ въ силахъ былъ произвести.

Ліэу-Пангъ, устрашенный толикократными низложеніями воинства своего отъ Гіанг-Юа, страшащійся утратить все, все стараяся пріобрѣсти, рѣшится убѣгать встрѣчи съ непріятелемъ, уступать ему мѣста, удалиться въ область Се-Тшуэскую и тамъ доканчивать дни свои въ званіи прошлаго Царя Ганскаго, распространивъ владѣніе свое округами, которыя покорить себѣ могъ. Но не тако мыслилъ Тшанг-Леангъ; по движеніямъ войска Гіанг-Юэва, ищущаго сраженія, и по расположенію обѣихъ ополченій понялъ, что выгодно все то было для Ліэу-Панга, онялъ во мгновеніе, что когда попуститъ Гіанг-Юу приближиться до нѣкотораго извѣстнаго урочища, погибнетъ онъ навсегда. Сообщаетъ мысли свои Ліэу-Пангу и всячески удерживаетъ его отъ бѣгства, но тщетно. . . „По крайней мѣрѣ, говоритъ ему, пошлемъ отрядъ предъ нами, дабы обезпечить путь для насъ, паче же близь горы и вдоль береговъ рѣки Гіанга; тогда уже двигнемся, естьли такъ ты хощеши.„ Ліэу-Пангъ соглашается; однако Тшанг-Леангъ вмѣсто отряженія ратниковъ занимаетъ пути, повелѣваетъ имъ учинить оные непроходимыми, сожещи бревны и древесныя вѣтьви, коими устлана была дорога по горѣ и по берегамъ Кіанга, на разстояніи четырехъ сотъ Лій (сорокъ Французскихъ миль). Пропустивъ два, или три дня, когда уже могъ

увѣ-

увѣриться, что велѣніе его исполнено, говоритъ Полководцу: . . . . . „ Шествуй днесь въ область Сеэ-„Тшу-Эскую, естьли можешь. Но какъ сіе не возможно, ибо нѣтъ уже пути по горѣ: то Имперія „принадлежитъ тебѣ. Тшанг Леангъ предвидѣлъ проступку, каковую учинить могъ Лізу-Пангъ, и пользуяся онымъ, опрокинулъ войски его. Гіанг-Ю изъ отчаянія самъ себя умертвилъ; Лізу-Пангъ остался Владыкою Китая.

Ставъ Императоромъ, не уменьшалъ почтенія и довѣренности къ возведшимъ его на престолъ, особенно же Тшанг-Леангу. Удостовѣренный о приверженности его къ себѣ, объ усердіи ко благу Имперіи и безкорыстіи, народолюбіи и дарованіяхъ его править Государствомъ, не поступалъ ни на что, не посовѣтовавъ съ нимъ. Единожды однако же возхотѣлъ отринуть представленія его; но твердость духа Тшанг-Леангова, сила, правосудіе, истинны и добродѣтели надъ душами великими, подклонили волю Самодержца волѣ Дѣловаго мужа вѣрнаго и безпристрастнаго.

Настояло слово о наслѣдникѣ Императорскаго престола, коего Лізу-Пангъ, лишая права сего, имѣлъ желаніе доставить онымъ рожденнаго отъ наложницы своей. Тшанг-Леангъ тщетно истощивъ старанія свои предъ Государемъ, навыкшимъ внимать его совѣты, примышляетъ способъ, который и удается ему. Скрытно призываетъ къ себѣ четырехъ наисильнѣйшихъ особъ Государства, отрекшихся занять первѣйшія мѣста при Дворѣ. Проситъ ихъ: . . „Вы „разумѣетеся премудрѣйшими изъ всѣхъ современныхъ „вамъ: явите же мнѣ опытъ, что вы таковы самою „вещію. Помогайте мнѣ услужить народу, просла-

„вить

„вить Самодержца нашего. Ліэу-Пангъ намѣревается „лишить законнаго своего наслѣдника права къ пре„столу по себѣ. Винотворица тому есть любовная „страсть къ одной изъ его наложницъ. . . И такъ „пріимите днесь служеніе дядекъ перваго; ежедневно „ходите въ его чертоги, научайте его, какъ добрѣ „царствовать; старайтеся, чтобъ видѣлъ васъ Импе„раторъ; достальное же пріемлю на себя.„ Мудрые мужи познали намѣреніе Дѣловца, и соотвѣтствуютъ волѣ его въ точности.

Не болѣе трехъ пріѣздовъ ихъ во Дворецъ, донесено было Императору, что четыре знаменитые сіи старцы, толико упорствовавшіе прежде, когда призывалъ онъ ихъ къ себѣ помогать ему свѣденіями и совѣтами своими, ежедневно проводятъ немалое время въ чертогахъ сына его.

Ліэу Пангъ возхотѣлъ видѣть мужей, коихъ разумѣли мудрыми уже и во времяна Тшеуевъ. Идетъ къ сыну, находитъ ихъ бесѣдующихъ съ нимъ, и говоритъ: . . „Когда вы не возхотѣли быть ко мнѣ, „то я самъ являюся предъ вами. . . . . Государь! „отвѣтствуетъ единъ отъ нихъ: вѣдая, что были „бы при тебѣ мы безполезны, за лишное приняли „предстать тебѣ. Ты возросъ въ шумѣ оружія; „слѣдовательно благоугождаешся только обхождені„емъ съ военоносцами; мы же не таковы. Сверьхъ то„го образъ правительства твоего и личное твое по„веденіе всеконечно непремѣнишь въ угодность намъ. „Къ чему же бы послужили мы тебѣ? Наносили бы „безпокойство; наскучили, безпрестанно повторяя „доклады наши, которые бы ты презиралъ. Въ раз„сужденіи же сына твоего, совсѣмъ не такъ: онъ

„младъ

„младъ; возпользуютъ ему наставленія наши, есть-
„ли правда, что сказывалъ намъ объ немъ Государ-
„ственный твой Дѣловецъ, какъ и не сомнѣваемся.
„Сынъ твой удобенъ возвратить намъ блаженныя
„времяна Яоа, Шуна, Юа, Тшенг-Танга, Уэн-Уанга.
„Какъ же не посвятить намъ малаго остатка дней
„нашихъ на способствованіе ему, сколько будетъ
„силъ нашихъ, учиниться таковымъ? . . . Щастливъ
„сынъ мой, отзывается Императоръ, когда мужи,
„каковы суть вы, научить его стараются. Продол-
„жайте начатое, не забывайте ничего, дабы явился
„достоинъ престола, который ожидаетъ его. Вамъ
„оное препоручаю.„ Сказавъ сіе, идетъ къ любимѣй-
шей своей наложницѣ; слышитъ она слова сіи: . . .
„Приношу тебѣ вѣсть непріятную. Не льстися
„быть матерію Императора. Наслѣдникъ мой уже
„имѣетъ крылья, уже окружается мудрыми мужами;
„они научаютъ его, онъ съ удовольствіемъ внемлетъ
„вѣщаемое ими. И такъ миновало уже время мыслить
„о загражденіи ему пути къ престолу: учинилось
„уже оное невозможнымъ. Не думай же и ты о
„томъ болѣе, наипаче же никогда мнѣ не говори.„

Тшанг-Леангъ, по прежнему остается въ силѣ при Дворѣ и не употребляетъ того во зло. Напротивъ покровительствуетъ достойныхъ людей, и по мѣрѣ способностей каждаго возводитъ въ чины. По убѣжденіямъ отъ него, возстановляетъ Императоръ образъ давняго ученія, отмѣненнаго Тсиномъ. Знаменитый Ган-Сичъ, которому преславные подвиги отверзали путь изъ простыхъ ратниковъ даже до верьховнаго начальничества надъ войсками, пожалованъ былъ саномъ Князя, подъ имянемъ Уанга. Юнг-Ше почтенъ титломъ Геу; шесть Царствъ, составлявшихъ Им-

перію и столь часто опустошавшихъ оную лютыми войнами, превращены въ простыя области; народъ облегченъ отъ податей чрезвычайныхъ, подъ бременемъ коихъ стеналъ со времянъ Тсиновъ, и началъ безмятежно наслаждаться трудами рукъ своихъ.

Въ награду за благо общее, доставленное имъ Государству, Императоръ далъ ему во владѣніе Ліаузкое Княжество; далъ ему право Самодержавное надъ тритцатью тысячами семействами. Но безкорыстіе Тшанг-Леанга не допустило его обратить въ пользу свою толикихъ благодѣяній; говоритъ: . . . „Награжденъ уже я довольно степенью Князя, на кото-„рую возвести тебѣ меня угодно было не по заслу-„гамъ моимъ. Правда, служилъ я тебѣ, сколько до-„ставало силъ и способностей моихъ, но служа те-„бѣ, служилъ же и отечеству; слѣдовательно испол-„нялъ должное. Могу пріобщить къ тому: по „склонности души привержен я къ тебѣ. Довѣрен-„ность, коею никогда не преставалъ ты меня удо-„стоивать поднесь, вотъ единое награжденіе, како-„ваго я желать дерзалъ и дерзаю; прочее же все или „выше, или ниже меня. Назначаемыя тобою мнѣ „милости обрати для старинныхъ твоихъ чиновни-„ковъ, столь часто отваживавшихъ жизнь свою за „тебя. Меня же оставь спокойно услаждаться дру-„жествомъ твоимъ; оно единое удовлетворяетъ мое „любочестіе.„

Словеса, происходившія отъ искренности сердца; ибо по смерти Ліау-Панга, Тшанг-Леангъ удалился отъ Двора въ самопроизвольную ссылку и не согласился уже никогда по томъ имѣть участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Въ новой такой жизни нужно

жно ему было упражненіе, достойное его. Свелъ тѣсное дружество съ Тше-Сунг-Тсеэмъ, мужемъ совершенно добродѣтельнымъ, совершенно мудрымъ. О Философѣ семъ повѣствуютъ, что зналъ онъ таинство жить, не употребляя пищи, которое по Китайски зовется Пи-Ку-Тао-Инъ, и будто бы состояло въ насыщеніи себя воздухомъ, нѣкіимъ особымъ образомъ переводя дыханіе. Тшанг-*Леанг*ъ, ставъ ученикомъ его, сталъ же столь легковѣренъ, что началъ пріучать себя ко мнимой пищѣ сего рода.

Во время первыхъ его попытокъ Императрица *Лу*-*Кеу*, царствовавшая тогда вмѣсто сына своего, узнала объ ономъ. Изъ уваженія къ человѣку, который былъ нѣкогда товарищъ, Дѣловецъ и другъ великаго Као-Тсуа, запретила ему исполнять безумное сіе намѣреніе, изъясняяся: . . . „Жизнь наша „преходитъ, яко тѣнь; чего же ради мучить намъ „себя, предписывая себѣ законы, противные естеству? Ты не возхотѣлъ быть при Дворѣ; не препятствовала я тебѣ въ томъ, давъ тебѣ свободу „слѣдовать твоей склонности; но когда ты хочеши не жить болѣе на свѣтѣ, употребляю власть „мою надъ тобою, и ты долженъ повиноваться мнѣ. „Живи, повелѣваю тебѣ; а чтобъ жить, надобна „пища; будь подобенъ прочимъ человѣкамъ; яждь.„

Тшанг-*Леанг*ъ повиновался, и прожилъ еще восемь лѣтъ. На одрѣ смертномъ завѣщаваетъ, чтобъ положили съ нимъ во гробъ книгу почтеннаго старца Гоанг-Ше-Кунга, которую чрезъ все время житія своего не показывалъ никому. Обрѣтена оная была уже по прошествіи пяти сотъ лѣтъ гробнымъ

тателемъ, искавшимъ въ могилѣ Тшанг-Леанга чего либо драгоцѣннаго.

Въ заглавіи стояли слѣдующія слова:.. „Есть„ли ты не Философъ первѣйшія степени; естьли ты „человѣкъ не духовный, а плотскій: берегися чи„тать меня съ тѣмъ, чтобъ меня узнали всѣ. Есть„ли же мужъ мудрый, читай меня смѣло, только „бы то не было безплодно. Вознебрежешь ли симъ „совѣтомъ, явишься винотворцемъ лютѣйшихъ скор„бей самому себѣ.„ Книга сія содержитъ тысячу три ста шесть буквъ, раздѣлена на шесть главъ.

Первая гласитъ: „Надобно восходить даже до „источниковъ истиннаго начала всего.„

Глава вторая: „Надобно держаться ученія, осно„ваннаго на истиннѣ и признаннаго таковымъ.„

Глава третія: „Надобно знать человѣка и умѣть „властвовать имъ.„

Глава четвертая: „Къ корню добродѣтели при„лѣпиться должно, наукъ же къ вершинѣ.„

Глава пятая: „Чтобъ справедливость была все„общимъ правиломъ всякихъ дѣяній.„

Глава шестая: „Спокойствіе общенародное, да„бы состояло въ исполненіи должностей взаимствен„ныхъ общежитія.„

Подъ таковыми заглавіями замыкается сокращеніе ученія Китайцевъ, относительно къ великому ис-

искусству править человѣку самимъ собою и другими. Не льзя высказать болѣе вещей въ немногихъ словахъ; ибо и подлинникъ и толкованіе онаго совокупно едва составляетъ печатную книгу въ седьмидесяти страницахъ. Кажется мнѣ, что сочинена была паче къ обмышленію, нежели къ прочитыванію сподвалъ. Кажется, что нѣкоторыя правила политическія, по мѣстамъ разсѣянныя, преподаны для малаго числа человѣковъ; инако же можетъ быть употребился бы во зло прямый оныхъ смыслъ: почему и выше изреченное заглавіе поставлено было не къ мѣсту. Естьли подлинно сочинителемъ оныя былъ Тшанг-Леангъ, какъ многіе увѣряютъ, то сего единаго довольно къ его славѣ. Тшанг-Леангъ, попремѣнно Философъ, отшельникъ, воинъ и Государственный Дѣловецъ, скончался на восьмомъ годѣ послѣ похищенія престола Императрицею Лу-Геуею, сирѣчь за сто восемьдесятъ лѣтъ до воплощенія Христова. По смерти былъ прозванъ Уэн-Тшенг-Геу, или Князь краснорѣчивый въ совершенствѣ.

Писатели укоряютъ его прилѣпленіемъ къ расколу Таоскому, и что изъ первыхъ былъ свергателей съ себя ига Тсиновъ. Порицаютъ же и малодушіемъ, для чего паче не погибъ, нежели допустилъ Лу-Геуу отнять престолъ у сына своего.

Таоскіе раскольники, причисляющіе его къ лику безсмертныхъ своихъ, легко опровергаютъ три таковыя обвиненія. Не трудно понять, что говорятъ они въ разсужденіи перваго; о второмъ же соглашаются, что Тсины еще были Владыки Имперіи, когда Тшанг-Леангъ пошелъ на нихъ вооруженно. Но самые сіи Тсины не имѣли права разорить царство Ганское; что

владѣвшій онымъ былъ непосредственный Государь Тшангъ-Леанга: слѣдовательно поступилъ, какъ должно подданному вѣрному, утѣсненному отъ хищниковъ неправедныхъ. О третіемъ, что боязнь, дабы не подать случай къ междоусобію, заставила Тшанг Леанга удалиться отъ Двора паче, нежели жить приономъ, яко единому изъ старайшихъ приверженцевъ Лу-Геуи, яко Государственному Дѣловцу при сей безпредѣльно высокомѣрной женщинѣ. Къ тому пріобщаютъ они, что поведеніе Тшангъ-Леанга въ толико скользскихъ обстоятельствахъ достойно наивеличайшихъ похвалъ и прочая.

По разсужденію же моему, естьли бы Тшангъ-Леангъ не унизилъ себя участіемъ въ разколѣ Таоскомъ, то ученые бы люди не столько строго впрочемъ судили объ немъ.

XXVII.

Ган-уэн-Ти, Императоръ.

Сынъ великаго Као-Тсуа, отъ наложницы, именемъ По-Ки. По возмужаніи своемъ пожалованъ отъ Императора, отца своего, Княземъ Таискимъ и посланъ правительствовать округою сего имяни; хотя еще во младости, но явился достоинъ того; внималъ совѣты мудрыхъ, и не поступалъ ни на что инако.

Гоэи Ти, братъ его, умеръ бездѣтенъ. По законамъ долженствовалъ стать ему преемникомъ; но мать обоихъ, Императрица Лу-Геу, похитила престолъ и самодержавствовала; по кончинѣ же ея нареченъ единогласно Императоромъ отъ Вельможей.

Возходя на оный, избралъ Дѣловцами Тшеу-Поа, Коан Ина и Тшенг-Пинга; на прочія же всѣ мѣста опредѣлилъ людей способныхъ и добродѣтельныхъ.

Естественно не любилъ роскошь, разумѣя источникомъ золъ Государству; издалъ законы во обузданіе оныхъ. Родился сострадателенъ; отмѣнилъ тѣлесныя наказанія, яко къ тому только служащія, чтобъ безполезно мучить преступниковъ. Всякія представленія охотно выслушивалъ, особенно же во благо и облегченіе народа. Былъ добродѣтеленъ на правилахъ, назиралъ самъ надъ собою; смиренномудръ въ обхожденіи со всякимъ подступающимъ къ нему. Одѣвался просто, воздерженъ былъ на слова.

Во времяна засухъ, наводненій и при всякихъ иныхъ общенародныхъ бѣдствіяхъ взыскивалъ, чтобъ

увѣ-

увѣдомляли его о проступкахъ его и погрѣшеніяхъ, какихъ бы то ни было, коимъ единымъ относилъ всякія злоключенія подданныхъ своихъ. Хотя не былъ военоносенъ и просвѣщенъ Науками, однако же послѣднія процвѣли въ царствованіе его, оружіе же восторжествовало надъ принуждавшими его дѣйствовать онымъ. Не единожды прогнаты были Татара далеко внутрь земель своихъ, уроны же послужили обузданіемъ мятежничества и дерзости ихъ.

Подъ мудрымъ симъ Императоромъ возстановленъ священный обрядъ земледѣлія. По многихъ столѣтіяхъ увидѣли напослѣдокъ Сына Неба за плугомъ, браздящаго нѣдро земное, сѣющаго пищу человѣковъ. При немъ же вымышлено дѣланіе бумаги. Мѣдныя деньги, прежде чеканенныя внутрь Дворцовыхъ оградъ, подъ присмотромъ нарочныхъ Государственныхъ чиновниковъ, стали выходить изъ многихъ монетныхъ дворовъ, повсемѣстно, и учинилися не рѣдки. Въ его время введено въ обычай налагать особое назвище годамъ царствованія Государей, существующее и поднесь. Первый такій годъ былъ шестыйнадесять владычества его прежде ста шестидесяти четырехъ лѣтъ до рождества Христова. Тако начали числить время не шестымъ надесять владычества Уэн-Тіа, но первымъ Геуа.

Порицаютъ Уэн-Тіа, что вѣрилъ предсказаніямъ нѣкоего, имянемъ Син-Уэн-Пинга, что по убѣжденію его воздвигнулъ храмъ въ честь пяти горнихъ Императоровъ и учредилъ имъ поклоненіе, подобное довлѣющему единому Шанг-Тію (то есть Вседержителю). Правда, погрѣшенія то его, но исправленныя по томъ по представленіямъ мудрыхъ мужей. Позволилъ

жилъ судить Син-Уэн-Пинга, и когда окажется виновнымъ въ развратахъ ученія Государственнаго, наказать его; что и было исполнено. Син-Уэн-Пингъ изобличенъ употребленіемъ во зло милости къ нему Государя, вперенiемъ ему мыслей недостойныхъ Сына Неба и казненъ смертiю.

Добродѣтельный сей Государь, пишутъ Историки, могъ бы быть уравниваемъ со Уэн-Уангомъ, естьли бы упражнялся въ Наукахъ, которыя однако же покровительствовалъ. Царствовалъ дватцать три года. Жилъ на свѣтѣ сорокъ шесть лѣтъ; скончался за сто пятьдесятъ седьмь лѣтъ до воплощенія Христова; погребенъ въ Па-Лингѣ.

XXVIII.

Ган-Кинг-Ти, Императоръ.

Кинг-Ти, четвертый Императоръ Ганскія династіи, возшелъ на престолъ прежде ста пятидесяти шести лѣтъ до воплощенія Христова; былъ сынъ Уэн-Тіа. Всего болѣе старался подражать во всемъ отцу своему. Подобно же ему, облегчилъ наказанія преступниковъ, отмѣнилъ битье палками, отзываяся, что оное можетъ быть смертоносно для истязуемыхъ такимъ образомъ. Подобно же ему, ненавидѣлъ роскошь, и былъ строгимъ оныя гонителемъ, даже возбранилъ всякаго рода рѣзьбу, какъ ремесло предосудительное земледѣлію; запретилъ вышиваніе шелками и золотомъ, какъ предосудительное же необходимымъ женскимъ сдѣліямъ домашнимъ. Яко отецъ, напослѣдокъ далъ полную свободу занимавшимъ Государственные чины сказывать себѣ, естьли примѣтятъ въ немъ какія либо погрѣшенія и проступки, увѣряя всѣхъ и каждаго, что всего болѣе лежало у него на сердцѣ, какъ бы исправлять ему самаго себя и становиться лучшимъ. Любилъ бесѣдовать о надлежащемъ до правительства; входилъ въ подробности, удивлявшія слушателей, такъ что не находилися иногда въ состояніи отвѣчать ему. Въ началѣ царствованія своего возстановилъ пошлину на хлѣбъ, частію отмѣненную отцемъ его. Народъ возроптал ъ; но скоро укротилися, похвалы заступили мѣсто укоризнъ, когда совершенно познали, что былъ онъ принужденъ къ тому необходимостію. Добраго Государя Ган-Кинг-Тіа прекратилася жизнь на сорокъ осьмомъ году вѣка

ка его, въ шестоенадесять лѣто его царствованія, за сто сорокъ одинъ годъ до Христа; погребено тѣло его въ Янг-Лингѣ.

XXIX.

Тунг-Фанг-Шуо, Государственный Дѣловецъ.

Родовое ему прозваніе Тунг-Фангъ, собственное же имя Шуо, съ придатиомъ Ман-Тсіэнъ.

Ган-У-Ти, воцаряся за сто сорокъ лѣтъ до Христа, ни къ чему столько не прилѣжалъ, какъ къ возстановленію Наукъ. Обнародовалъ указъ, коимъ созывалъ всѣхъ ученыхъ мужей къ себѣ въ столицу, дабы каждый по прибытіи своемъ туда являлся къ назначеннымъ отъ него чиновникамъ. Послѣднимъ было предписано представлять ихъ Императору, дабы самъ онъ судить могъ о достоинствѣ каждаго.

Тунг-Фанг-Шуо съ прочими избранъ къ тому; говорилъ рѣчь о качествахъ, необходимыхъ для великаго Мандарина. Между иными доводами означалъ, что Мандарину должно имѣть внѣшность отличную, поступки на правилахъ, кротку, величественнаго вида; что долженъ быть мужественъ, яко Монг-Пенъ; имѣть разумъ проницательный, яко Тсинг-Ки; безкорыстенъ, яко Пао-Шу; вѣренъ, яко Уэи-Шенгъ. Симъ-то немногимъ изреченіямъ возодолженствовалъ Тунг-Фанг-Шуо, первыми своими шагами къ возвышенію на вышнія степени знаменитости. Императоръ обласкалъ его, удержалъ при себѣ; получилъ отъ него, одинъ, за другимъ многіе Государственные чины, какъ-то: Таи-Тшаоа, Та-Тшунга, Та-Фуа, которые тогда были главнѣйшими въ Имперіи.

По

По должности чиновъ своихъ Тшунг-Фанг-Шуо имѣлъ случаи часто предстоять Государю, да и такіе иногда, въ которые забывалъ послѣднее величіе сана своего; въ которые позволялъ окружавшимъ себя забывать же внѣшнее оказаніе, должное ему. Откровеннымъ съ ними обхожденіемъ, замысловатыми шутками и сею удовольственною вольностію въ обхожденіи, которая завсегда нравится, естьли только не преступаетъ предѣловъ благопристойности, преклонилъ онъ къ себѣ сердце Ган-У-Тіа, и учинился сей наиближайшимъ наперстникомъ, любимцемъ, нужнымъ, человѣкомъ изящнаго разума, Вѣщателемъ Двора. Единаго изъ такихъ преимуществъ было довольно къ составленію толпы враговъ и завистниковъ. Однако же не имѣлъ онъ кромѣ доброжелателей и друзей; ибо не оскорбляли никого острыя слова его, силу же свою при Государѣ обращалъ на услуги всѣмъ и каждому. Слѣдующее даетъ спознать человѣка, можетъ быть безподобнаго въ своемъ родѣ. Дворъ Императорскій еще тогда не довольно благоустройствовалъ; безпорядки нѣдрилися даже и во внутреннихъ чертогахъ. Дщерь Ган-У-Тіа срамила себя непозволеннымъ обхожденіемъ съ юношею отъ подлыхъ родителей, имѣвшимъ прелестную наружность. Императору не единожды доносимо было о распутствѣ ея; но какъ не увѣрялся, то избрали часъ, когда сей дерзновенный былъ у любовницы своей, и возвѣстили о томъ Ган-У-Тію. Сей повелѣваетъ замкнуть всѣ двери, дабы преступникъ не избѣгнулъ. Спѣшитъ самъ застать его. Тунг-Фанг-Шуо и еще нѣкоторые придворные, послѣдуютъ за нимъ, ищутъ вездѣ, но не находятъ. Императоръ вопрошаетъ дочь свою кроткимъ гласомъ, дабы успо-

коить ее: . . . „Гдѣ любовникъ твой? Хочу видѣть
„ его, даю тебѣ слово не употребить во зло довѣ-
„ренности твоей: не только прощаю и тебѣ и ему,
„ но прибавлю къ тому и благодѣяніе. Ты вдова, по-
„ требенъ тебѣ мужъ: сочетаю тебя съ нимъ, когда
„ то тебѣ угодно; но хочу быть послушествуемъ.,

Дочь повергается предъ отцемъ, признаетъ слабость свою, проливаетъ слезы, біетъ челомъ подножіе его, востаетъ и приводитъ сокрытаго ею. Осанка, лице и станъ юноши нравятся Императору. Готовъ уже онъ изрещи исполненіе обѣщанія своего; но чтобъ то было съ нѣкоторою пристойностію, говоритъ юношѣ: . . . „Жалую тебя Мандариномъ
„ первыя степени, и да будетъ дочь моя твоею же-
„ ною.„ Тунг-Фанг-Шуо подступаетъ къ Императору сей слышитъ слѣдующія отъ него слова: . .
„ Изрекъ ты теперь, Государь, смертный приговоръ
„ тому, коему даруешь жизнь и безславишь себя су-
„ губо! Напомни, что поступка таковая повлечетъ
„ тысячи представленій отъ степенныхъ твоихъ Го-
„ сударственныхъ Чиновниковъ. Развѣ столь мало
„ знаешь себя и не проразумѣеши, что отъ самаго
„ сего мгновенія, утомяся ты отъ толикихъ ихъ со-
„ вѣтовъ и убѣжденій, согласишся напослѣдокъ ис-
„ полнить, чего отъ тебя потребуютъ они? Тотъ,
„ который вошелъ воровски во внутренность черто-
„ говъ твоихъ, вошелъ въ жилище женъ крови твоей
„ безъ точнаго отъ тебя повелѣнія, коснувшійся даже
„ одру твоея дочери, дабы ее обезчестить. Содѣлалъ
„ три преступленія, изъ коихъ наималѣйшее заслужи-
„ ваетъ смерть. . . . Прощаешь его? изрядно! одна-
„ ко же чтобъ не касался онъ болѣе прагу преддверія
Дво-

„Дворца твоего. Дай ему волю бѣгствовать; чемъ „далѣе, тѣмъ лучше. Да искупитъ сею токмо цѣ„ною жизнь свою. Ты Государь самодержавный, „однако же превыше силъ твоихъ, чтобъ остался „онъ живъ„. . . . Ган-У-Ти преклонилъ главу, уста его запечатлѣлись.

Еще повѣствуютъ, что кормилица Императорова учинилась достойною смертной казни, или по меньшей мѣрѣ ссылки. Прибѣгаетъ она съ прошенiемъ къ Тунг-Фанг Шуоу, дабы изходатайствовалъ ей прощенiе, когда на нее доносить будутъ. Отвѣчаетъ ей: . . . „Естьли еще не доносятъ на тебя, то все„конечно скоро оное послѣдуетъ; сношенiя твои съ „Императрицею и наслѣдникомъ престола подозри„тельны. Императоръ почти увѣренъ о сущности „заговора на себя, сыновнемъ, женниномъ и всѣхъ „прилѣпленцевъ ихъ. Слышалъ уже я, что хощетъ „самъ судить нѣкоторыхъ придворныхъ женщинъ, ко„ихъ еще не извѣстны мнѣ имяна. Естьли ты „въ томъ же числѣ, скажу въ пользу твою два сло„ва берегися токмо чрезмѣрно оправдывать себя. Го„вори мало, но рыдай и плачь. Когда будешь про„гнана отъ лица Государева и поведена на казнь, или „изгоняема въ ссылку: иди къ прагу чертоговъ его, „иди шагами медленными, безпрестанно останавли„вайся, возводи взоры на него умиленные, достальное „предоставь мнѣ.„

Женщина сiя въ самомъ дѣлѣ участвовала въ заговорѣ, да и была уличена. Представили ее Императору. Суждена имъ была, и осуждена. Исполнила въ точности велѣнiе Тунг-Фанг-Шуоа. Императоръ сто-

отозвался, что значитъ все сіе . . . Тунг-Фанг-Шуо говоритъ ей вслѣдъ: . . „Развѣ еще думаеши насыщати сосцами воздоеннаго тобою? давно уже миновали тѣ дни! Ты кормила его три года, довольно для тебя, нѣтъ уже ему болѣе въ тебѣ нужды. Наказуетъ тебя ссылкою, развѣ онъ не властенъ такъ поступить? Скройся же отъ глазъ его, и послушествуй.„

Слова Тунг-Фанг-Шуоа тронули сердце Ган-У-Тіа; возбудили чувствованія благодарности. . . Виновная получила полное прощеніе.

Находимыя по областямъ Государства всякаго рода рѣдкости брали къ себѣ мѣстоначальники и препровождали ко Двору. Привезли карла не выше одного фута ростомъ; но которой говорилъ красно, и былъ знающъ въ надлежащемъ до ученія Таоова. Императоръ возхотѣвъ, чтобъ бесѣдовалъ съ нимъ Тун-Фанг-Шуо о семъ расколѣ, что исполняется тако: . . . „Скажи мнѣ, малорослый друже! мать Кю-„Мингова возвратилася ли, или еще ее ожидаютъ?„ Карло, или оскорбясь вопросомъ, или для какой либо иной причины не удостоивъ его отвѣтомъ, обращается къ Императору, и говоритъ, указывая пальцомъ на Тунг-Фанг-Шуоа: . . . „Человѣкъ сей до тридесяти уже кратъ покушался красть плоды чуднаго дерева, насажденнаго Уанг-Муемъ, которое чрезъ три тысячи лѣтъ процвѣтаетъ, и по томъ чрезъ три же тысячи лѣтъ созрѣваютъ на немъ плоды.„ Всѣ предстоявшіе Императору засмѣялись, окромѣ Тунг-Фанг-Шуоа. Увидѣли его пришедша въ смятеніе и умолкша. Сему-то ничего не значущему приключе-

нію, долженъ онъ сталъ частію славы имяни своего, утвердившейся прежде въ столицѣ, а по томъ и по всѣмъ предѣламъ Имперіи. Выговоренное Карломъ промчалось изъ устъ во уста. Плоды чуднаго дерева толкуются Таоскими раскольниками таинственнымъ знакомъ безсмертія.

XXX.

Тунг-Тшунг-Шу, мужъ ученый и Государственный Дѣловецъ.

Родовое прозваніе его было Тунгъ, имя собственное Тшунг Шу; рожденъ въ Куанг-Тшуанѣ. Конфуціево сочиненіе Тшун-Тсіэу предпочиталъ въ юности своей предъ всѣми иными книгами. Прилѣжаніе его къ Наукамъ столь было необычайно, что цѣлые три года не выходилъ изъ комнаты своей ниже единожды. Чрезъ все сіе время смотрѣлъ въ окно; хотѣлъ обойтися безъ пищи и сна, дабы и сіи часы, необходимые для жизни человѣческой, обратить на ученіе.

Выдержавъ свидѣтельство успѣховъ своихъ въ онымъ, представился для опредѣленія къ какой либо общественной должности по способностямъ своимъ. Сначала пожаловали его Мандариномъ низшія степени, именуемой По Хс. Званіе сіе исправлялъ онъ столь превосходно предъ сотоварищами, что имѣвшіе надъ нимъ власть въ томъ же самомъ Судилищѣ представили Императору Ган У-тію, что онъ былъ единъ изъ свѣтилъ Имперіи, достойный занимать наипервѣйшіе чины въ Государствѣ. Императоръ пожелалъ видѣть его и удостовѣриться самимъ собою, праведно ли его такъ описуютъ. Вопрошалъ о многомъ, надлежащемъ до правительства народами, и толико удовольствованъ былъ отвѣтами его, что повелѣлъ ему оные подать себѣ на письмѣ въ собственное ему самому наставленіе ко благу подданныхъ.

Тунг-

Тунг-Тшунг Шу воспользовался случаемъ, и положилъ на бумагу ученіе древнихъ Императоровъ и Философовъ во всей ясности. Подъ руками имѣлъ у себя большую часть старинныхъ памятниковъ, которые любителями рѣдкостей могли укрыты быть отъ свѣденія безчеловѣчнаго Тсин-Ше Гоанга. Сняты были у него собственно для себя слѣпки съ вещей, заслуживавшихъ уцѣлѣвать въ потомствѣ. Рылся во всѣхъ книгохранилищахъ, во всѣхъ древнихъ Архивахъ, выписывая примѣчательныя изреченія, да и тако съ подробностьми, что могло то служить дополненіями самыхъ сихъ сочиненій. Основательно вразумяся о всемъ бывшемъ въ употребленіи въ минувшія времяна, составилъ о искуствѣ царствовать три разговора, которые признаются глубокою красотою Китайскія учености; по тому наипаче, что чужды суть навязательности, коею заражалися почти всѣ тогдашніе плоды пера ученыхъ мужей. Расколъ Таоскій владычествовалъ; Императоръ былъ оному явный покровитель; достойныя люди, проискивая опредѣленія въ какіе либо чины, выдавали себя держащимися толка сего и въ сочиненія свои вносили правила онаго.

Три разговора Тунг-Тшунг Шуа содержали наичистѣйшее ученіе древности слогомъ столь прекраснымъ, что Императоръ съ того самаго времяни принялъ его за человѣка достойнаго соучаствовать въ правленіи Государства. Прежде не помѣстилъ его подъ глазами своими; а чтобъ помощію опытностей снискалъ свѣденія, недоставашія ему, подчинилъ Князю Кіанг-Тускому. Тунг-Тшунг-Шу пріобрѣлъ дружество и довѣренность послѣдняго, заставилъ любить и чтить себя всѣхъ и каждаго. Малую область Кіанг-Тускую увидѣли тако управляемою, что послужила въ образецъ

вецъ прочимъ Страноначальникамъ Имперіи, ставъ перемѣщена въ Кіао-Сискую, и подобное же послѣдовало тамо благоустройство. Увѣряся, что дѣла общенародныя могутъ тещи въ желаемомъ порядкѣ и безъ его содѣйствія, слагаетъ съ себя званіе Министра, посвящаетъ всѣ часы жизни Наукамъ; написалъ множество изящныхъ сочиненій, которыя по томъ собраны во едино подъ заглавіемъ Фан-Лу, сирѣчь смѣсь ученостей. Толкованія его Тшун-Тсіеэуа, сопричисленныя къ тому, много поспособствовали къ возстановленію Наукъ; ибо облегчяютъ смыслы преславнаго труда сего Конфуціева.

Вообще Тунг-Тшунг-Шуа разумѣютъ ученые Китайцы единымъ изъ просвѣтительной династіи Гановъ. Не извѣстенъ почти годъ ни рожденія, ни кончины его; но какъ жилъ въ царствованіе Ган-У-Тіа, можно полагать, что то было между сто сороковаго и восемьдесятъ седьмаго года до воплощенія Христова.

XXXI.

Сеэ-Ма-Тсіэнъ, Отецъ Исторіи Китайцевъ.

Родовое прозваніе его было Сеэ-Ма, собственное же имя Тсіэнъ, съ придаткомъ Тсеэ-Шангъ; рожденъ въ Лунг-Менъ; воспитывался предъ глазами отца, мужа ученаго, паче обиловавшаго книгами, нежели златомъ и сребромъ. На десятомъ году возраста зналъ уже столько буквъ, что могъ бѣгло читать Ку-Уэнъ, сочиненіе, научающее краснорѣчію и почтенной красотѣ слога, освѣдомляющее съ точностію о нравахъ, обычаяхъ и народоправленіяхъ въ древнія времяна. Тогда уже проявилъ онъ наклонность свою къ роду упражненія въ Наукахъ, къ коему какъ бы предуставляло порожденіе его. Уже умѣлъ вопрошать къ мѣсту и кстатѣ; уже могъ объяснять читаемое имъ; сближать мѣста, надлежащія до одного какого-либо и того же предмета. Не нужны никогда для него были поощренія, угрозы и ласки, дабы заставить его быть прилѣжнѣе; прилѣжалъ къ Наукамъ самъ собою паче, нежели ожидать было можно отъ всякаго принужденія.

Тако трудился до двадесяти лѣтъ возраста своего. Увидѣли въ немъ цѣнителя сочиненій глубокомысленнаго и основательнаго. Многое изъ читаннаго имъ казалося ему неимовѣрно; искалъ источниковъ: нашелъ оные, и увѣрился собственными своими глазами. Отъискивалъ подобно же, не скрываются ли еще отъ свѣденія его какіе либо труды великаго Юэ. Путешествуетъ къ девяти главнѣйшимъ горамъ, сирѣчь къ краямъ древняго Китая, гдѣ приносилися жертвы въ честь Шанг-Тію. Навѣдывается о всѣхъ

 пре-

преданiяхъ, которыя могли еще сохранены быть народами неукротимыми, удалившимися при самыхъ началахъ Монархiи въ горы сiи и составившихъ орды особыя. Наконецъ тщательно осматриваетъ памятники, сколько нибудь уцѣлѣвшiе отъ ѣдкости времянъ.

Располагаетъ путь свой къ Полудню, достигаетъ Гун-Кiя, обтекаетъ всю область Гоан Шангскую, обозрѣваетъ всѣ мѣста, покрывавшiяся нѣкогда водами: осушенныя нѣкогда великимъ Юэмъ. Удовлетворивъ любопытство на сей части Имперiи, зовомой нынѣ областiю Кiанг-Нанскою, садится на ладью, мчится по всѣмъ излучинамъ и колѣнамъ рѣкъ Юэна и Гiанга; вездѣ и все замѣчаетъ: а чрезъ то или утверждается въ читаемомъ имъ, или поправляетъ понятiя свои.

Отъ Южнаго края Государства преносится къ Сѣверному. Останавляется на нѣсколько въ области Шан-Тонгской, обитанной людьми великорослыми, когда именовалася Царствомъ Лускимъ, когда была отечествомъ знаменитаго Конфуцiуса и большей части прославившихся его учениковъ. Съ благоговѣнiемъ взираетъ на землю, на которой печатлѣлися нѣкогда стопы философовъ сихъ. Собираетъ надписи и числа событiя произшествiй; роется даже подъ развалинами и въ самыхъ могилахъ. Послѣ шествуетъ вдоль береговъ Уэна и Сеэи.

Между тѣмъ извѣщается, что отецъ его заболѣлъ къ смерти. Сыновняя любовь, сильнѣе дѣйствуя въ сердцѣ его, нежели желанiе научиться, спѣшитъ возвратиться во своя. Прибылъ, но только для прiня-

нятія послѣднихъ отеческихъ наставленій, для созерцанія послѣднихъ его вздоховъ; успѣлъ однако же кратко разсказать ему о своихъ обрѣтеніяхъ. Кончающійся уже старецъ собираетъ остатки силъ, хватаетъ руку сыновнюю, сжимаетъ ее и говоритъ: . .
„Умираю довольнымъ, о сынъ мой! ибо вижу тебя „такимъ какимъ желалъ. Предки твои, начиная „династію Тшеуской даже до меня, усердствовали Судилищу Историческому. Выполнили должное „по званіямъ своимъ при онОмъ съ искренностію, „вѣрностію и безкорыстіемъ. Угодно ли будетъ Императору почтить тѣмъ же самымъ званіемъ тебя, „чего и надѣюсь: будь подражателемъ добродѣтелей „ихъ. Превзойди ихъ и меня. Подлая лесть, рабій „страхъ, да не вовлекаютъ тебя въ преступленія „должности. Люби Государя, служи ему, не щадя „силъ твоихъ; но да не исходитъ ложь изъ твоихъ „устенъ.

„Въ прародительскомъ домѣ нашемъ обрѣлъ я „немалое число изящныхъ запасовъ историческихъ, „привелъ ихъ въ порядокъ, къ тому еще пріобщилъ „нѣсколько вновь, которые предоставляю тебѣ подобно же; расположить. Все сіе оставляю тебѣ; прошу, не исключай ничего: не найдеши ничего ко извerженію. Остается только тебѣ пріобщать къ тому новые запасы. О сынъ мой! старайся всегда „удерживать славу праотцевъ твоихъ; всеобщее почтеніе есть наслѣдство, оставляемое ими тебѣ. Я „наслѣдовалъ онымъ по отцѣ моемъ; всопріими то „же отъ руки моей и да не расточится тобою.

„Исторія о Тшеуахъ даже до Іеу Уанга (между „тысяча сто двацать вторымъ и семь сотъ восемде-

„сятъ

„сятЪ первымЪ годовЪ до Христова рождества) по-
„кажетЪ тебѢ превосходные образцы всякаго рода
„добродѢтелей; пользуйся оными по всей твоей воз-
„можности. Начиная Іэу-УангомЪ, по воцареніе Га-
„новЪ (то есть по двѢсти шестой годЪ до Христа),
„найдеши чистое ученіе нечувствительно ослабѢваю-
„щимЪ: Музыка, общенародные обряды; нравы, поч-
„ти уже совсѢмЪ инакіе подЪ Государями слабыми,
„малодушными, порочными и лютыми. Увидиши
„Имперію полную замѢшательствЪ, становящеюся вЪ
„добычу мѢлкимЪ мучителямЪ; добродѢтель гониму,
„злодѢйство увѢнчаваемое. Какая ужасная картина!
„описывай все то со всевозможною ясностію, не
„прикрашивай гнусности каждаго произшествія, ка-
„ждаго случая, дѢянія; словомЪ, вѢщай достохваль-
„ное и достохульное равно, только бы единая исти-
„на водила перомЪ твоимЪ. Не мысли отличаться
„слогомЪ, но старайся не отступать отЪ Тшун-
„Тсіэуа Конфуціева; оный великимЪ тебѢ будешЪ
„помощникомЪ вЪ ИсторическомЪ твоемЪ простира-
„ніи, вЪ означеніи главнѢйшихЪ замѢтЪ времячислія
„чрезЪ двѢсти сорокЪ два года. То же самое сочине-
„ніе наставитЪ тебя держаться во всемЪ порядка,
„точности и приличія слога пишемаго тобою.„

„КакЪ послѢдовало явленіе Кин-Линя, чемЪ
„окончевается Тшун-Тсіэу, и замолчало уже навсегда
„перо Конфуціево, поднесь миновало болѢе четы-
„рехЪ сотЪ лѢтЪ. Мѣсто, вЪ Исторіи нашей труд-
„ное кЪ наполненію. Пристрастіе кЪ войнѢ овладѢ-
„вало умами, Науки презрѢны; повсюду побоища,
„вездѢ опустошенія городовЪ и селЪ; всѢ углы Ки-
„тая грабятся и разоряются. КЪ довершенію золЪ,
„уцѢлѢвшее отЪ неистовства ратниковЪ, во зло упо-
„тре-

„штребившихъ права побѣды своей, превращается въ „пепелъ Тсин - Ше - Гоангомъ. Оставляю о всемъ шомъ „записки достаточныя для тебя; но прилѣжи къ „размноженію числа подобныхъ, и не прежде упо„требляй въ дѣло, какъ по пріобрѣтеніи уже по„требныхъ для того свѣденій.

„Подъ владычествующимъ нынѣ поколѣніемъ „Государей нашихъ, все приходитъ въ порядокъ. „Возъимѣли мы Императоровъ, Науками просвѣщен„ныхъ, искусныхъ Писателей, преславныхъ Государ„ственныхъ Дѣловцевъ, великихъ Полководцевъ. „Легко тебѣ будетъ вносить дѣянія ихъ въ Исто„рію. Что будетъ произходить въ послѣдующее „время предъ твоими глазами, изображай въ наготѣ „истины, готовой на всякіе опыты. Лесть да „бѣжитъ отъ тебя далеко; страсть да не ослѣ„пляетъ тебя. Не вѣрь сердцу твоему, обуздывай „онаго порывы, пиши о произшествіяхъ настоящихъ, „яко о произшествіяхъ самой далекой древности. „Вотъ, сынъ мой, что я тебѣ сказать могу и дол„женъ. Употреби въ пользу твою; сего единаго зна„ка сыновнія любви взыскую.„

Сэ - Ма - Тсіэнъ повергается ницъ на землю, біетъ челомъ и произноситъ сіи слова, пресѣкаемыя рыданіемъ: . . . „Наималѣйшіе признаки изволенія „твоего, отче мой! завсегда были законами моими, „какъ же посмѣю не исполнять наставленія твои во „всей оныхъ цѣлости? Послѣднія твои словеса прон„зилы сердце мое, уже напечатлѣлися вѣчно въ па„мяти моей. Да услаждается душа твоя! имѣешь „сына, благоговѣющаго къ тебѣ, послушествующаго „тебѣ во всемъ. . . . До послѣдняго издыханія со„блюду твои заповѣди.„

Подробность сію изъ житія Сеэ-Ма-Тсіэнова имѣемъ описанную собственною его рукою: вношу ничего не убавляя; ибо можетъ дать намъ понятіе, въ какомъ состояніи была тогда Исторія Китая, а къ тому же и научаетъ узнавать достоинство и способности ученаго сего мужа.

По смерти отческой проводилъ онъ три года, сѣтуя по немъ и въ воздаваніи ему надгробныхъ почестей. Чрезъ все сіе время не вступалъ ни въ какое общественное служеніе, не выходилъ изъ дома своего, отрекся отъ забавъ всякаго рода. Единымъ упражненіемъ его было порядочное расположеніе на письмѣ путешествій своихъ, относительно къ областямъ Тсиской и Луской, почерпая все надлежащее до того изъ Исторіи и Кинговъ. Упражнялся же въ сочиненіяхъ нравоучительныхъ, о Музыкѣ и обрядахъ областей Тшеускія и Лускія, равно какъ и Царствъ Леангскаго, Ганскаго и Тшускаго.

Около ста третіяго года до Рождества Христова, Императоромъ Ган-У-Ти призванъ ко Двору; данъ ему былъ чинъ Тан-Ше-Линга, сирѣчь верьховнаго Государственнаго Лѣтописца. Съ того времяни началъ прилѣжать къ удовлетворенію соотечниковъ своихъ въ ожидаемомъ отъ него, которыя болѣе уже цѣлаго столѣтія ожидали, дабы возродилась Китайская Исторія. Обстоятельства посиѣшествовали; ученые мужи доставляли его потребными запасами. Императоръ властною своею рукою снабдѣвалъ его всѣми нужными записками и памятниками, взимая изъ Государственныхъ Архивъ; словомъ, увидѣлъ онъ себя спомоществуема, елико пожелать могъ,

могъ, да и пользовался тѣмъ десять лѣтъ безпрерывно.

Не замедлился бы со всякимъ правдѣподобіемъ удовольствовать ожиданіе всеобщее, естьли бы бѣдственное приключеніе, отъ коего едва не погибъ, не препятствовало ему.

Настояла тогда война съ Татарами, Гіунг-Нускими. Единъ изъ Полководцевъ Имперіи, имянемъ *Ли-Лингъ*, по низложеніи своемъ предался непріятелямъ съ воинствомъ, подъ властію его бывшимъ. Гоан-У-Тія поразило сіе; рѣшился поступить на истребленіе всего семейства измѣнника. Науки и путешествія не могли учинить Сеэ-Ма-Тсіэна человѣкомъ придворнымъ. Онъ одинъ изъ вельможей дерзаетъ ходатайствовать за него; дерзаетъ оправдывать его поведеніе; дерзаетъ просить пощады за вину, которая могла быть извиняема. Становится самъ преступникомъ, навлекаетъ на себя гнѣвъ Самодержца за невоздержныя израженія въ письмянномъ прошеніи за *Ли-Линга*.

„*Ли-Линг*, говоритъ славился до нынѣ по
„сущей справедливости всѣми добродѣтельми обще-
„жительными, всѣми превозходными качествами вое-
„носца. Всегда находили его послушнымъ сыномъ
„противъ родителей своихъ, мирнымъ въ семействѣ,
„достохвальнымъ гражданиномъ; былъ онъ Манда-
„ринъ изъ лучшихъ во всякихъ когда либо возло-
„женныхъ на него должностяхъ; храбрый ратникъ,
„военоначальникъ неустрашимый, Полководецъ изящ-
„ный, предъ непріятелемъ и по среди воинскаго ста-
„на. Удостой его, Государь! выслушать могущихъ

„ все оное тебѣ засвидѣтельствовать. Донесутъ они „ тебѣ, естьли страхъ прогнѣванія тебя не заставитъ отступить отъ истины, что Ли-Лингъ „ всегда далекъ былъ не покорствовать отцу своему, „ друзьямъ своимъ; завсегда упреждалъ ихъ желанія. „ Донесутъ тебѣ, что кротостію нравовъ, вѣжливостію въ обхожденіи, завсегда учинялъ сообщеніе „ съ нимъ пріятнымъ. Донесутъ тебѣ, что никогда „ не являлся онъ нарушителемъ законовъ и коренныхъ „ обычаевъ нашихъ; что былъ внимателенъ, точенъ, „ справедливъ, благотворителенъ. Донесутъ тебѣ, „ наконецъ, что раны, коими покрывается тѣло его, „ что самые высокіе воинскіе степени, на которые „ угодно тебѣ было возвести его, суть доказательства неопровергаемыя нещаженія его самаго себя, „ естьли наставала когда либо нужда противу враговъ твоихъ, да и одерживалъ завсегда верьхъ „ надъ ними.

„ Нынѣ, говорятъ, привергался онъ къ Татарамъ; преклонилъ воинство, служившее подъ нимъ, „ послѣдовать примѣру своему. Обмысли, Государь! „ въ каковыхъ обстоятельствахъ поступилъ онъ на „ сіе, и обрящеши, что инако поступить было ему „ не можно. Сражался онъ съ непріятелями, опрокинулъ ихъ и принудилъ бѣгствовать, гнался за ними „ далеко внутрь ихъ отчизны, дондеже не истощилися у него всѣ запасы; не осталося стрѣлъ: тогда-то уже оставилъ ихъ въ покоѣ.„

„ Возвращался уже дать тебѣ отчетъ въ превозможеніи своемъ надъ ними, новѣроломный предатель увѣдомляетъ Юнг-Нускихъ Татаръ о стѣсненномъ его состояніи. Сіи ободряются, собираютъ

„ раз-

„разсѣявшіеся участки войскъ своихъ, отряжаютъ конницу заградить ему путь къ тебѣ. Съ мечьми въ „рукахъ, *Ли-Лингъ* и его сорати еще защищаются. „Напослѣдокъ подавленный многочисленностію противниковъ, лишася надежды о помощи, здается; то ли „именуешь ты трусостію, измѣною, преступленіемъ? „Не паче ли сіе есть поступка благоразумная, сберегающая Имперію великаго Полководца и множество „храбрыхъ ратниковъ? *Ли-Лингъ* и его подчиненные „суть военоплѣнники; пошли, Государь, къ Татарамъ, „повели договариваться о размѣнѣ, или выкупить ихъ. „Явишь милость, достойную похвалѣ потомства. На„противъ карая семейство, не соучаствовавшее во „мнимомъ преступленіи, содѣлаеши неправосудіе, во„піющее на Небо, каковымъ порицать себя подданныхъ твоихъ никогда не долженъ ты заставить.„

Прогнѣвался Ган-У-Ти, призналъ Сеэ-Ма-Тсіэна сообщникомъ защищаемаго имъ, и осудилъ его на смерть.

Исполнилося бы то всеконечно, но всѣ безъ изключенія первѣйшія Особы въ государствѣ подступили ко Императору, представляли ему, что Сеэ Ма-Тсіэнъ человѣкъ нужной отечеству; естьли же его не будетъ, то Исторія на долгое время покроется мракомъ, изъ посреди коего уже истина ея возсіявать начинала. Прозьбами, убѣжденіями, наконецъ смягчаютъ Государя. Дэруетъ ему жизнь, но повелѣваетъ учинить его навсегда безчаднымъ. Сверьхъ того, когда изцѣлится, былъ бы засланъ на мѣсто уединенное, никто бы тамъ съ нимъ не дерзалъ видѣться, и которое бы ему никогда не оставлять; потребныя

же бы помощи къ продолженію трудовъ его были ему доставляемы.

Неосторожность, или по крайней мѣрѣ дерзновеніе человѣка, упражняющагося въ Наукахъ, не заслуживали подобнаго наказанія, паче бы было достойно Самодержца, имянующагося Сыномъ Неба, когда бы обуздалъ гнѣвъ свой и даровалъ ему полное прощеніе. Къ нещастію Сеэ-Ма-Тсіэна, къ щастію же можетъ быть для ученыхъ людей вообще, Ган-У-Ти возхотѣлъ быть послушесшвуемъ. И тако единый изъ величайшихъ своего времяни человѣковъ въ Китаѣ учиненъ не сопринадлежащимъ уже къ полу мужескому.

По излеченіи находитъ въ заточеніи своемъ утѣшительницею Философію. Услаждаетъ она часы жизни его. Разные роды учености доставляютъ его пріятными премѣнами. Упомянемъ о плодахъ, самимъ имъ изчисляемыхъ, досуговъ его.

„Изувѣченіе тѣла моего, пишетъ, не ослабило „способностей моей души, ниже притупило чувствованій сердечныхъ. Науки по прежнему остался „мнѣ любезны; занялся я оными еще паче, нежели „было до того. Началъ Исторію мою годомъ, въ „который умолкло перо Конфуція и простерся даже „до вошествія на престолъ Императора Тао-Танга „(между двѣ тысячи три ста пятьдесятъ седьмымъ „и четыре ста восемьдесятымъ годомъ до рождества Христова). Разположилъ годы, примѣняяся къ „произшествіямъ по кончинѣ Тао-Танга и Гоанг-Тія; „извлекалъ изъ тьмы неизмѣримой начатки Монархіи „нашей, дабы можно было составить понятіе о наидревнѣйшихъ нашихъ преданіяхъ. Продолжалъ Исто-

„рію

„рію съ того мѣста, гдѣ остановился Конфуцій,
„ даже до пятаго Императора поколѣнія Ганскаго.

„Въ пользу мою обращалъ книги Минг-Танг,
„Ше-Ше-Кин-Куэи Ю Панъ, Ту-Ки. Заимствовалъ
„отъ книги же Лю-Линг Сіао-Гоаевой, надлежащее
„до законовъ изъ сочиненія Ган-Синова, предъ загла-
„віемъ Кунг Фа, надлежащее же до ремесла воинскаго.
„Книга Тшанг-Тшенгъ, Тшанг-Тсангова, снабдила ме-
„ня свѣденіями о Наукахъ и учености вообще Ли И, Шу-
„Сун-Тунгова, объ обычаяхъ важныхъ и разныхъ обря-
„дахъ въ народѣ нашемъ. Способствовали жемнѣ сочиненія
„Тсао-Тсановы и Кан-Кунговы въ разсужденіи раскола
„Лао-Тсеэва; все же прочее обильно почерпалъ я въ
„трудахъ Кіа-Іэвыхъ, и Кун-Тсоевыхъ, Кунг-Сун-
Гунговыхъ, Куэ-Юэвыхъ, Ку-Уэновыхъ."

Сеэ-Ма-Тсіэнъ забываетъ упомянуть о Ше-Кіэ, Исторіи сочиненія своего, которая была единымъ произведеніемъ пера его, вышедшая въ свѣтъ при его жизни. Неусовершенствованныя имъ прочія его сочиненія собраны были чрезъ пятьдесятъ уже лѣтъ по смерти его; Янг-Гоэіемъ поднесены Императору Гіуэн-Тію, и по его велѣнію напечатаны. Янг-Гоэи былъ сынъ дочери Сеэ-Ма-Тсіэна, достигнувшій степени Пинг-Тунг-Гіу; мужъ, изъ наиученѣйшихъ сего времяни. Онъ-то привелъ въ порядокъ труды дѣда своего; каждому далъ названіе и составилъ немалое изъ того книгохринилище Историческое. Можно судить по единой росписи онымъ, здѣсь мною включаемой; можно заключить, что имѣвшій свѣденія, каковыя необходимы творцу подобныхъ сочиненій, всеконечно не предпринималъ ничего превыше силъ своихъ пиша Исторію.

Сверьхъ

Сверьхъ Ше-Кіз, или Всеобщія Исторіи Китайскія, Сеэ Ма Тсіэна сочиненія суть 1) частная Исторія двѣнатцати царствованій, начиная со времянъ окончанія Тшун-Тсіэуа, до родоначальника Ганскія династіи. Книга сія названа отъ него Ше-Эульг-Пен-Ки; 2) Ше-Піао, или десять образцевъ мудраго правительства; 3) Лу-Ли-Кли-И, или книга, содержащая въ себѣ Музыку и обряды; 4) Тунгъ-Піэн-Па-Шу, или восемь главъ о надлежащемъ до званій въ древнія времяна, гражданскаго и военнаго, о горахъ и рѣкахъ, о духахъ горнихъ нижнія степени, о небѣ и человѣкѣ. 5) Эульг-Ше-Па-Сіэу-Гоан-Пе-Тшенъ. Въономъ идетъ слово о двадесяти осьми созвѣздіяхъ и какъ оныя размѣщаются, относительно къ звѣздѣ полярной. Есть сказка Астрономическая, коею славятся знаменитые Полководцы, наслушившіе поверьхность земную громкими своими подвигами въ жизни ихъ: по смерти же сіяютъ звѣздами на небѣ, наложивъ имя каждый своему свѣтилу, которое и будетъ коловращаться по превыспреннему своду небесъ до скончанія міра. 6) Сан-Ше-Ше Кіа Исторію тритцати семействъ, отличившихся усердіемъ къ Государю и заслугами къ отечеству. 7) Тси-Ше-Ліэ-Тшуанъ, или толкованія семидесяти статей, которыя состоятъ изъ наилучшихъ мѣстъ разныхъ опроверженныхъ сочиненій о Кингахъ, Исторіи, родословія Наукъ Словесныхъ и прочая, изданныхъ въ свѣтъ въ замѣненіе книгъ сожженныхъ Тсин-Ше-Гоангомъ.

Всѣ сіи труды Сеэ-Ма-Тсіэна по большой части начаты и довершаемы были въ ссылкѣ его: въ ссылкѣ, которой, по мнѣнію его, надлежало длиться по самую его смерть. Рѣдкимъ своимъ достоинствамъ однако же воздолженствовалъ освобожденіемъ.

Им-

ИмператорЪ толико былЪ доволенЪ первыми листами Исторіи о поколѣніи Государей, кЪ которому принадлежалЪ, что возлюбилЪ Сочинителя, и великими благодѣяніями возхотѣлЪ наградить безчеловѣчное наказаніе, произведенное надЪ нимЪ его велѣніемЪ. ПризываетЪ ко Двору, жалуетЪ чиномЪ Тшунг - Шу Линга, препоручаетЪ ему вЪ вѣдомство ученость и ученыхЪ: чинЪ наизнаменитѣйшій во всемЪ Китаѣ. ОтЪ занимающаго оный частію зависѣло благоденствіе народа; ибо предсѣдательствуетЪ онЪ при избираніи людей для общественныхЪ служеній. Сеэ-Ма-ТсіэнЪ потомЪ чрезЪ всю свою жизнь былЪ вЪ милости у Императора, вЪ почтеніи современниковЪ, обращалЪ оное вЪ пользу и славу отечества и НаукЪ. О годѣ кончины его точно не извѣстно. По числу и качеству сочиненій его можно судить, что достигнулЪ до самыя глубокія старости; при всемЪ томЪ образЪ лица его не удостоенЪ помѣщенія между прочими великими мужами вЪ храмѣ Конфуціуса. Единую находятЪ тому причину, что не былЪ совершенный человѣкЪ тѣлесно. *Лізу-ГіангЪ* и *Янг-ГіунгЪ*, два славные Писатели, уважаемые учеными Китайцами, имянуютЪ Сеэ-Ма-Тсіэна изящнымЪ ИсторикомЪ; но могли бы имяновать его отцемЪ Исторіи.

XXXII.

Ган-Коанг-У-Ти, Императоръ.

Потомокъ Кинг-Тіа, четвертый Императоръ Ганскія династіи, имя его Ліэу-Сіэу; прозваніе же Уэн-Шу, родился въ Нэн-Янгѣ. Его отецъ, хотя отъ крови Китайскихъ Государей, хотя ближній сродникъ Императору, царствовавшему при немъ, ради неимущества своего принужденъ былъ вести жизнь сельскую, не подалеку отъ деревни Пе-Шуи, гдѣ и воспитанъ былъ Ліэу-Сіэу, гдѣ и научился онъ знать нуждающееся человѣчество несравненно лучше, нежели когда бы возрасталъ при Дворѣ и въ столицѣ; не самовидствовалъ бы примѣры того, и самъ на себѣ не испытывалъ.

Во младости уже является достоинъ предковъ своихъ. Достохвальными качествами заслуживаетъ паче, нежели знаменитою породою, царствовать народомъ предпочтительно предъ многими, болѣе его имѣвшими право къ престолу. Тогда вѣроломный Государственный Дѣловецъ, измѣнникъ Уанг-Мангъ, отравилъ ядомъ Императора Пинг-Тіэ, Государя своего, и возвелъ на его мѣсто Ю-Тсея-Инга двухлѣтняго младенца. Владычествовать подъ имянемъ послѣдняго показалося ему мало: снимаетъ личину притворства и самъ себя провозглашаетъ Императоромъ.

Всѣ приверженцы къ поколѣнію Ганскому, всѣ онаго союзники, возстаютъ на хищника и оспориваютъ ему право царствовать; Ліэу-Сіэу трудится въ томъ болѣе иныхъ; старинныя его друзья, жители деревни Пе-Шуи и отъ окрестностей оныя, составля-

вляютъ ему воинство, которое предвождая, низлагаетъ участки ратниковъ Уанг-Манговыхъ, съ толикою завсегда храбростію и благоразуміемъ поступая, что заводя всякой разъ дѣло съ непріятелемъ, скончевалъ побѣдою, или по крайней мѣрѣ въ пользу стороны своей. Первые его успѣхи снискали ему довѣренность подчиненныхъ; отсюду начинали стекаться въ великомъ числѣ отважные воины подъ его знамена. Увидѣлъ себя въ силахъ производить громкую войну; многократно разбиваемы отъ него были Полководцы хищника, коего по смерти наконецъ прозванъ былъ Императоромъ, въ двадесять пятое лѣто по рождествѣ Христовѣ. Мѣсто пребыванія Двора перенесъ изъ Ше-Сиской области въ Гонанскую, городъ Ло-Янгъ.

Достойно прослылъ великимъ воиномъ, великимъ Государемъ въ мирныя времяна. При немъ ожили, такъ сказать, законы, ободрены стали мужи ученые, возсіяли добродѣтели. Ничего не было имъ забыто къ славѣ Государства, къ благоденствію подданныхъ. Былъ кротокъ, сострадущъ, доступенъ, снизходителенъ. Съ прежними своими друзьями обходился какъ съ равными себѣ; послужившіе ему испытывали его благодарность; былъ правосуденъ ко всѣмъ и каждому безъ лицемѣрія. Не любилъ пышностей, одежды носилъ изъ самыхъ простѣйшихъ тканей; во всѣхъ личныхъ для себя расходахъ былъ бережливъ; но для Чиновниковъ, Судей и Ученыхъ не жалѣлъ наградъ. Размножилъ общенародныя школы, отмѣнилъ Музыку Царствъ Тшенскаго и Уэнскаго, яко развращающую нравы. Словомъ, былъ изъ наилучшихъ Государей Ганскія династіи, былъ какъ бы вторый оныя основатель. Отъ него пошли Га-

ны восточные. Владычествовалъ тридесять три года, на шестьдесятъ второмъ отъ рожденія, въ пятьдесятъ седьмое лѣто по Христѣ, скончался и погребенъ въ Юэн-Лингѣ.

XXXIII.

Іэн-Тсеэ-Линкъ, Философъ.

Родовое его прозваніе Іэнъ, собственное имя Коангъ, съ придаткомъ Тсеэ-Лингъ; въ младыхъ лѣтахъ разумѣемъ былъ просвѣщеннымъ науками. Былъ соученикъ Ліэу-Сіэуа, ставшаго по томъ Императоромъ, подъ имянемъ Ган-Коанг-У-Тіа, съ которымъ и послѣ имѣлъ тѣсное дружество. Вышедъ изъ младенческихъ лѣтъ, друзья сіи вдалися въ различныя весьма упражненія. Ліэу-Сіэу возмогъ отворить себѣ путь къ престолу; однако же и съ высоты онаго не почиталъ себѣ за низкое помнить стариннаго своего школьнаго сотрудника Іэн-Коанга. Не прежде успокоился, какъ провѣдалъ, гдѣ и что онъ. Сказано ему было, что находится онъ близь деревни Пе-Шуи; что обычайное его ремесло есть рыболовство; что одежду носитъ по зимамъ изъ козьихъ кожъ; что ведетъ жизнь убогую и воздержную; что не престаетъ любомудрствовать.

Сего довольно уже было Императору для призванія его ко Двору. Удостоиваетъ его довѣренности своей. Чрезъ таковый опытъ познаютъ подданные, сколь высоко цѣнитъ добродѣтель, вводя со славою въ чертоги свои человѣка низкороднаго за красоту ума и сердца; отправляетъ къ нему на сей конецъ изъ знатнѣйшихъ придворныхъ, посылаетъ для него колесницу, облеченную черною тканью, на каковыхъ ѣзжали тогда первѣйшіе Вельможи. И тако напутствуетъ ихъ. . . . . „Шествуйте исполнить по„велѣнное вамъ, чтобы охотно возпріялъ я и на „самаго себя. Поклонитеся Іэн-Тсеэ-Лингу отъ

„давнаго его друга Ліэу-Сіэуа. Скажите, что при-
„глашаю его раздѣлять со мною жребій мой и мое
„жилище; что совокупно станемъ поучатися пре-
„мудрости; что будетъ онъ мнѣ помощникомъ въ
„осчастливленіи моихъ подданныхъ, учиняя ихъ му-
„дрыми же и добродѣтельными.„

Но прозьбы и убѣжденія посланныхъ остаются тщетны; Іэн-Тсеэ Лингъ неумолимъ, отвѣчаетъ имъ: . . . . . „Неизреченно лестно мнѣ напоминаніе Ліэ-Сіэуа. Не льзя быть болѣе благодарну, какъ я за оное. Однако же предлагаемое имъ, яко Императоромъ, принять не могу. Единыя милости, единаго знака дружества ожидаю отъ него, дабы оставилъ меня безмятежно доживать вѣкъ мой во мракѣ, въ которомъ протекала поднесь жизнь моя. Въ особѣ стариннаго моего друга чту я Государя моего. Должно, чтобъ всѣ на свѣтѣ вещи оставалися въ естественномъ порядкѣ; мое порожденіе и воспитаніе удаляютъ меня равно и отъ степеней знатности и отъ почестей Дворскихъ. Возвратитеся же къ нему, скажите отъ меня: естьли бы внималъ я внушеніямъ сердца моего, то пожалѣлъ бы, что онъ уже не прежній Ліэу Сіэу. Колесница и все сопутствіе, приготовленное имъ мнѣ, да послѣдуютъ же за вами; ибо мнѣ здѣсь ничто подобное не надобно.„

Императоръ ожидалъ уже перваго отреченія; но бывъ увѣренъ, что въ поступкѣ Іэн-Сеэ-Линга не помѣщалось упрямства, грубости, гордыни и ожесточенія, возобновляетъ даже до трехъ кратъ тѣ же самыя отъ себя прозьбы къ нему, тѣ же самыя приглашенія. Сей не можетъ далѣе противиться,
пред-

предстаетъ другу своему, подступаетъ къ нему, объемлетъ его, какъ нѣкогда обьималъ Лiзу-Сiзу по кратковремянныхъ разлученiяхъ.

Послѣднiй не вмѣняетъ въ неприличное сану своему дать волю восхищенiямъ дружества. Произноситъ: . . . . „Два сердца, любящiя добродѣтель, два „сердца, созданныя одно для другаго, напослѣдокъ „соединяются. Возпользуемся, любезный другъ мой, „Iэнъ! щастiемъ сожитiя; но ради пристойности, „возпрiими Государственное званiе, которое бы тебя приближало къ особѣ моей и могло послужить въ пользу моихъ подданныхъ; жалюя тебя „Кiэн-И-Та-Фуэмъ.„

Чинъ таковый въ тогдашнiя времяна былъ изъ первѣйшихъ; но Iэн-Тсеэ-Лингъ не прiемлетъ, угрожая возвращенiемъ въ хижину свою, естьли далѣе принуждать его станутъ. Должно было оставить его въ покоѣ, вести жизнь въ прежнихъ упражненiяхъ. Отведены ему были чертоги во Дворцѣ; Императоръ посѣщалъ его часто, бесѣдовалъ лицемъ къ лицу безъ свидѣтелей, забывая разность состоянiй между собою и имъ.

Чрезъ долгое время услаждался онъ отрадою, бѣгающею завсегда далеко отъ престоловъ, хощу сказать, искреннимъ дружествомъ, открывая помышленiя свои Iэн-Тсеэ-Лингу, какъ бы другому себѣ. На всякой вечеръ, по отпускѣ отъ себя Дѣловцевъ своихъ, призывалъ его, или ходилъ самъ къ нему непослѣдуемый никѣмъ; бесѣдовали съ тою же откровенностiю, какъ бы находилися еще въ деревнѣ Пе-

Шуи.

Шуи. Не рѣдко провождали большую часть ночи; не рѣдко возлегали на одну постелю и засыпали.

Придворные и Вельможи не безъ зависти взирали на толикое отличіе любимца необычайнаго рода, но всѣ пути къ оклеветанію были для нихъ заграждены; прибѣгли къ суевѣрію, заставили вѣщать небесныя свѣтила.

Предсѣдатель училища Астрономическаго въ поданномъ Императору прошеніи изражается: . . . . „Наблюдая я свѣтила небесныя, увидѣлъ, что звѣзда, „подъ коею родился Іэн-Тсеэ-Лингъ, подавляетъ „звѣзду, подъ которою родился ты, Государь! за„тмѣваетъ ея сіяніе, обращаетъ въ ничто благодѣтель„ныя ея лучи, низпадающіе на землю. По правиламъ „Науки моей, по вычетамъ моимъ страшуся, дабы „Іэн-Тсеэ Лингъ не учинился производителемъ нѣко„его тяжкаго нещастія Вашему Величеству.„

Императоръ похваливъ усердіе прорицателя сего, отвѣчаетъ ему: . . . „Будь спокоенъ. Наука твоя „не есть Наука ложная; нещастіе, предсказываемое „мнѣ тобою по звѣздамъ, уже совершилось и мино„вало. Скажу тебѣ о томъ. Въ единую отъ ночей, „другъ мой Іэн-Тсеэ-Лингъ, въ самой вещи угнѣ„талъ меня. Мы лежали на одной съ нимъ посте„лѣ, онъ спалъ крѣпко, раскидался, нога его очути„лась на чревѣ моемъ, какъ бы замышлялъ онъ по„прать ею меня. Признаюсь, лишался уже я терпѣ„нія; ибо сверьхъ того, что мѣшалъ мнѣ спать, по„чти дышать я не могъ. Однако же послѣ ничего со „мною непріятнаго не случилось. И тако дѣло уже „сдѣлано. Радуюся, что не оставило по себѣ вред-

„ныхъ

„ныхъ для меня слѣдовъ. Вотъ, что сказали тебѣ „звѣзды твои; отложи боязнь твою.„ Таковый отвѣтъ Императоровъ вразумилъ всѣхъ и каждаго, что тщетны будутъ всякіе подъиски противу Іэн-Тсеэ-Линга. Но нетако разсуждалъ самъ онъ: проразумѣвалъ, что рано, или поздно, но прогнѣвается на него Государь. Бывъ противу воли завлеченъ ко Двору, ничего ему не стоило оставить оный, а тягостно ему только было разлученіе съ другомъ. Превозмогаетъ надъ собою, скрывается тайно отъ его лица, шествуетъ къ горамъ Фу-Тшускимъ, на которыхъ и оканчиваетъ дни, работая землю и рыболовствуя. Скоро становится въ окрестностяхъ убѣжища своего каждаго жителя совѣтователемъ, утѣшителемъ, и какъ бы ниспосланнымъ съ Небесъ вѣщателемъ истины. По смерти прозванъ былъ Іэн-Линг-Лаіэмъ.

XXXIV.

Геу-Ган-Тшо Тшао-Ліэ-Гоанг-Ти, Императоръ.

Государь сей происходилъ отъ крови Гановъ; собственное его имя было Пеи, прозваніе же Гіуэн-Те. Родился въ Тшо-Кіунѣ, во Дворцѣ Кинг-Уанга, владѣльца Тшунг-Шангскаго; воспитанъ сообразно знаменитости своихъ предковъ. Самъ собою безъ посторонніе помощи изострилъ изящныя качества, коими преизобильно снабдила его природа. Сердце имѣлъ доброе, разумъ прямый, внѣшній видъ тѣла пріятный; подъ Императоромъ Гіуэн-Тіэмъ правительствовалъ областію И-Тшеускою. Важное сіе званіе исполнялъ съ вѣрностію къ нему, послужившею первымъ ему шагомъ къ достиженію престола.

Чрезъ время первыхъ замѣшательствъ въ Государствѣ, коихъ виновторецъ былъ Тсао-Тсао, будто бы мстя за смерть Императора, отравленнаго ядомъ однимъ изъ его Дѣловцевъ Тунг-Шоэмъ, Ліэу-Пеи оставался въ покоѣ, однако же наружностію токмо. Воевалъ противу разбойниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Желтыхъ Шапокъ, разорявшихъ тогда всѣ области Китая; но увидѣлъ, что Обладатель Имперіи возъимѣлъ темницею для себя собственный свой Дворецъ; что возникали со всѣхъ сторонъ заговоры, коихъ вожди имѣли цѣлію своею престолъ: явился таковымъ же, или сказать лучше, друзья его и всѣ приверженцы къ поколѣнію Ганскому преклонили его защищать свое семейство не только утѣсняемое, но и искореняемое.

Вой-

Войски области его достаточны были къ составленію небольшаго ополченія. Умножилъ оное самопроизвольно предающимися ему, и началъ войну подъ собственнымъ своимъ имянемъ, присоединяяся то къ той, то къ иной сторонѣ мятежничествующихъ, смотря по обстоятельствамъ. Жизнь его отъ сего времяни была безпрерывная цѣпь воинскихъ подвиговъ: или побѣждалъ, или побѣждался; но во всякомъ случаѣ находили его мужественна, неустрашима, великаго Полководца, завсегда снисходительна, благодѣтельствующа и великодушна: не возгоржался благоденствіемъ, не уничижался превратностьми.

Трудно было человѣку таковаго достоинства, а сверьхъ того при толико знаменитой породѣ, не искоренить напослѣдокъ соперниковъ себѣ къ самодержавію въ Государствѣ. Однако же за краткостію жизни не могъ исполнить толико важнаго намѣренія, услышавъ, что Тсао-Пи, снявъ личину притворства, провозгласилъ себя Императоромъ и мѣстомъ Двора избралъ Тшо, въ области Сеэ-Тшуэнской. Третій его соперникъ Сун-Тсіуэнъ подобно же возпріялъ титло Императорское. И тако Китай возъимѣлъ тогда трехъ Государей, которые раздѣлили его на толикое же число Царствъ, не зависящихъ одно отъ другаго. Царство, составленное для себя, Ліэу-Піэмъ названо въ Исторіи Шускимъ; Тсао-Піэмъ, Уэнскимъ; Сун-Тсіуэномъ, Ускимъ.

Ліэу-Пеи единъ разумѣлся Государемъ законнымъ; да и единаго же его зоветъ Исторія Императоромъ. Изъ первыхъ его попеченій, по возшествіи на престолъ, было усиливаніе законовъ, ослабшихъ при послѣднихъ Императорахъ отъ своевольствъ ратныхъ

людей. Съ помощію Государственнаго своего Дѣловца Тшу-Ко-Леанга все превозмогъ; и естьли не учинилъ подданныхъ щастливыми собою, по малой мѣрѣ облегчилъ ихъ бѣдствія, подалъ имъ надежды лучшаго жребія впередъ. Долговремянное обращеніе съ человѣками научило его знать ихъ. Умѣлъ возводить въ чины и опредѣлять на мѣста по способностямъ каждаго. Награждалъ украшенныхъ отличными достоинствами, не производя зависти въ прочихъ; ибо со всѣми безъ разбора поступалъ снизходительно. Бывъ еще простымъ гражданиномъ, свелъ тѣсное дружество съ Тшу-Ко-Леангомъ; ставъ Государемъ, не премѣнился къ нему. Безъ высокомѣрія, безъ причудовъ, безъ недовѣрчивости и подозрѣній, разсматривалъ и рѣшилъ обще съ нимъ наиважнѣйшія Государственныя дѣла, такъ же точно, какъ и соучаствовалъ онъ ему въ дѣлахъ воинскихъ, когда былъ ему равенъ. Добрый сей Государь владычествовалъ только два года; скончался на шестьдесятъ второмъ году отъ рожденія, въ лѣто двѣсти двадесять второе по Христѣ. Погребенъ въ Гоэи-Лингѣ. По смерти проимянованъ Геу-Ган-Тшо-Тшао-Ліэ-Гоанг-Ти, сирѣчь Тшао-Ліэ, Императоръ изъ послѣднихъ Гановъ, державствовавшій въ городѣ Тшо.

По свидѣтельству Сеэ-Фаа, въ книгѣ титлъ, почестей, данныхъ Императорамъ и мужамъ великимъ, буквы Тшао и Ліэ можно толковать тако: . . „Тшао, мужъ громко простирающійся въ добродѣте-„ляхъ; Ліэ, простирающійся въ добродѣтеляхъ гра-„жданскихъ въ пользу народа.„

XXXV.

XXXV.

Тшу-Ко, У-Геу, Государственный Дѣловецъ.

Собственное его имя Леангъ, прозваніе Кунг-Мингъ, славенъ въ Исторіи: подъ названіемъ Тшу-Ко-Леангъ; рожденъ въ Леанг-Эѣ; воспитанъ въ городѣ Лунгъ-Тшунгѣ, близъ Нан-Янга, гдѣ сыскали его во время Государственныхъ замѣшательствъ предъ окончаніемъ Ганскія династіи, не задолго до раздѣленія Имперіи на три Царства. Сун-Шу говаривалъ объ немъ Ліэу-Пеію, единому изъ требователей престола, который по томъ и дѣйствительно возшелъ на оный: . . . . „ Кунг-Мингъ есть крылатый змѣй, лежа-„щій тихо; надобно его поднять, надобно тебѣ его „привлечь къ себѣ, чего бы то ни стоило. „

Ліэу-Пеи пользуется совѣтомъ, не щадитъ даровъ, обѣщаній и ласкъ, посѣщаетъ въ жилищѣ его, не разнившемся ни чемъ съ жилищами самыхъ простѣйшихъ сограждан.

Кунг-Мингъ, положа уже самъ въ себѣ не приставать ни къ которой враждующей сторонѣ, доколѣ продолжаться будетъ междуусобіе, не могъ однако же противиться владычествующему съ большимъ предъ иными правомъ, и становится ему вѣрнымъ слугою, неразлучнымъ спутникомъ. Нужно только разкрыть Исторію и увидѣть сцѣпленіе преславныхъ дѣлъ его. Ознаменуется равно за бумагами и предъ войсками. Ліэу-Пеи долженъ былъ Императорскимъ престоломъ наипаче всего полезнымъ его совѣтамъ и храбрости.

Не могъ и не долженъ былъ премѣняться къ нему. Ставъ Императоромъ, прежде всего провозглашаетъ его главнѣйшимъ Государственнымъ Дѣловцемъ, уполномочиваетъ разпоряжать Имперіею и воинствами по благоразсужденіямъ своимъ. Вѣроятно, что правительство столь мудрое, взаимственное почтеніе между Государя и Министра, разпространяло просвѣщеніе въ народѣ и заставляло всѣхъ и каждаго общими силами доставлять могущество и славу отечеству, благо народное. Скоро бы Ганская династія возвратила себѣ первобытную знаменитость, коея лишилась при послѣднихъ Императорахъ. Но по двулѣтнемъ только царствованіи Ліэу-Пеія постигаетъ смертельная болѣзнь. Видитъ ближащійся конецъ жизни своей, созываетъ предъ себя сына и наслѣдника со всѣми членами Государственнаго Совѣта, и говоритъ имъ: . . . . „Оставляю престолъ сыну моему на условіи, дабы Тшу-„Ко-Леангъ правительствовалъ его имянемъ, доко-„лѣ не возмужаетъ, доколѣ не пріобрящетъ свѣденій „и навыка, необходимо потребныхъ къ тому. Есть-„ли и тогда Тшу-Ко-Леангъ еще будетъ живъ, „тебѣ, сынъ мой! завѣщаваю не поступать ни на что „безъ его совѣтовъ. Естьли же когда либо ты нару-„шишь должное сему мужу, коему долженъ я всемъ „тѣмъ, что есмь . . . . въ такомъ случаѣ даю „Имперію тебѣ, Тшу-Ко-Леангъ, и въ сіе же мгно-„веніе имяную тебя моимъ наслѣдникомъ. . . . . Вы, „Вельможи мои! не забывайте никогда послѣдняго „изволенія Государя вашего, и когда настанетъ нуж-„да, исполняйте оное.„

Завѣщаніе исполнено въ точности. Сынъ воцарился; Тшу-Ко-Леангъ признанъ правителемъ и Государственнымъ Намѣстникомъ на время малолѣт-

ства перваго, который чтилъ его какъ ученикъ учителя. Дѣла текли, какъ бы еще живъ былъ Тшао-Ліэ-Ти; Тшу-Ко-Леангъ не терялъ изъ вида великаго замысла къ подверженію всѣхъ частей Китая поколѣнію Ганскому. Насильнѣйшій сопротивникъ тому былъ владѣлецъ Уэнскій какъ по положенію областей своихъ, такъ и по тому, что войсками его начальствовалъ Сэ-Ма-И, мужъ толико извѣстный храбростію и искусствомъ во всѣхъ частяхъ воинскаго званія. . . . . Имъ-то рѣшился Тшу-Ко-Леангъ начать дѣло.

Сколько можно безъ разглашенія собираетъ небольшое количество ратниковъ, однако же таковыхъ токмо, которые уже отличили себя подъ его знаменами. Бываетъ имъ во главу, разпоряжаетъ движеніями ихъ тако, чтобъ истинная цѣль намѣреній его не примѣчалась. Предпріемлетъ приближиться къ рубежамъ Уэнскимъ, овладѣть укрѣпленными мѣстами, далѣе проникнуть даже до внутренности Царства сего, прежде нежели Сэ-Ма-И будетъ въ состояніи устремиться на него. Тшу-Ко-Леангъ едва ставитъ ногу на земляхъ Уэнскихъ, едва овладѣваетъ нѣкоторыми крѣпостьми: Сэ-Ма-И уже предъ нимъ, уже пресѣкаетъ его успѣхи. Всѣ города, наиболѣе подверженные опасности, получаютъ охранныя войски. Не отваживается наваловую битву, какъ ни бываетъ заманиваемъ; окопывается въ станѣ своемъ, расширивъ оный, сколько было ему можно. Тшу-Ко-Леангъ находитъ себя принужденна подобно же пребывать въ воинскомъ своемъ станѣ. Недоставало ему запасовъ: воины по его велѣнію земледѣльствуютъ; провозглашаетъ по всѣмъ окрестностямъ, чтобъ жители не тревожились, чтобъ упражнялись въ хозяйствахъ

сво-

своихъ, какъ бы то было въ мирное время; что не хощетъ онъ вредить никому; что нѣтъ у него на мысли снабдѣвать себя пропитаніемъ насильственно; разсылаетъ воиновъ по разнымъ селеніямъ служить вмѣсто роботниковъ у имѣющихъ собственности; что излишки только отъ получаемыхъ ими платежей за труды будетъ отбирать на прокормленіе остающихся для охраненія стана своего; когда же того недоставать будетъ, чтобъ продавали ему цѣною самою выгоднѣйшею для хозяевъ. . . . . Замыслъ таковый возъимѣлъ успѣхъ; ибо обѣщаемое исполнялъ въ точности; ибо ратныя его люди содержаны были въ наилучшемъ повиновеніи. Сеэ-Ма-И между тѣмъ не выходитъ изъ стана своего, какіе бы Тшу-Ко-Леангъ ни подавалъ ему къ тому поводы. Нажидаетъ, дабы непріятели сами собою изнурились. Оскуденіе въ запасахъ, побѣги ратниковъ и болѣзни, въ самой вещи могли преклонить Полководца ихъ къ отступленію. Воины его, привыкшіе сражаться и побѣждать, разумѣли то себѣ безчестіемъ; вмѣняли Сеу-Ма-Іу, что боится онъ Тшу-Ко-Леанга; возроптали явно, но Сеэ-Ма-И не взиралъ на оное; напослѣдокъ же сбылося частію предвидѣнное имъ.

Тшу-Ко-Леангъ долговремянно осаждая города, заводя сшибки съ непріятелями, не оставлявшіе по себѣ ничего рѣшительнаго, заболѣлъ смертельно, позналъ, что уже ему не выздоравливать: первому по себѣ Чиновнику приказалъ готовить войски къ отступленію, которое и начать самымъ дѣйствіемъ, какъ скоро закроются глаза его. . . . „Я умираю, говорилъ онъ; не устоять „тебѣ противу Сеэ-Ма-Ія. Скрывай о моей кончинѣ сколько можно тише, и скорѣе вели снимать „шатры и удаляйся во своя.„ Не стало Тшу-Ко-

Леанга. Новый Полководецъ двигнулся съ войсками. Въ заднемъ участкѣ оныхъ несли знамена Тшу-Ко-Леанга, какъ бы еще самъ онъ находился тамъ. Однако же слухъ о смерти его разнесся и достигъ до Сеэ-Ма И прежде многихъ. Тогда-то выходитъ изъ стана своего, устремляется на непріятелей, отступленіе ихъ превращаетъ въ бѣгство. Вдругъ обозрѣваетъ знамена Тшу-Ко-Леанговы: робѣетъ, идетъ вспять, попуская противничьему ополченію удаляться спокойно. На завтрѣе узналъ ошибку, но уже не разсудилъ отправиться въ погоню.

Освобожденъ ставъ отъ врага, толико для него страшнаго, возлюбопытствовалъ видѣть воинскій его станъ. Увидѣлъ, и не могъ надивиться довольно наивыгоднѣйшему расположенію онаго. Въ сіе время ратниками его сочинена и пѣта была Пѣснь таковая:

Вождь нашъ Сеэ-Ма-И,
Узнавъ, что не имѣетъ уже соперника,
„Товарищи! сказалъ, путь къ славѣ наконецъ
„Отверзтый предлежитъ; помчимся къ побѣдѣ,
„Примайте оружіе, шествуйте!„
Но лютая послѣдуетъ превратность
И нудитъ его иное завѣрчать.
Даетъ онъ знакъ итти назадъ пятами,

Тѣнію, привидѣніемъ напуганъ сталъ.
О вы, кои въ Исторіи посвящаете без-(смертію
Память громкихъ произшествій!
Да не злорѣчите о немъ.
Сеэ-Ма-И былъ всегда, намъ можете по-(вѣрить,
Великій Полководецъ;
Въ осмотрительности же подобныхъ мы не (знаемъ.
Тшу-Ко-Леанга тѣнь блудящу зрѣти мнитъ
Грозящую ему:
Не шутка грозна тѣнь Ироя,
Предъ коимъ онъ живымъ толико трепеталъ.
Застыла отъ того вся въ жилахъ его кровь.
Не дерзайте винить его,
Что паче спрятался въ шатрѣ,
Нежели на битву покусился:
Благоразумна есть поступка такова.

Естьли по такой мѣлочи не можно точно судить о достоинствѣ Тшу-Ко-Леанга, по малой мѣрѣ служитъ доказательствомъ, что почитался онъ изъ первѣйшихъ Полководцевъ своего вѣка.

Императоръ Геу-Тшу, узнавъ о утратѣ таковой для Государства, повелѣлъ всѣмъ подданнымъ своимъ облечься въ одежды сѣтованія, и дабы имя знаменитаго Тшу-Ко-Леанга со славою промчалось

до

до поздныхъ потомковъ, украсилъ оное титломъ Тшунг-У-Геуа; воздвигнулъ оному храмъ въ области Тшуйской, зовомый нынѣ Сеэ-Тшунг. Тшу-Ко-Леангъ умеръ въ двѣсти тридцать четвертомъ году по рождествѣ Христовѣ.

XXXVI.

Уэн - У - Ти, Государственный Дѣловецъ.

Въ Исторіи знаменитъ подъ имянемъ Тсао - Тсао. Онъ болѣе всѣхъ способствовалъ окорененію трехъ Царствъ въ Китаѣ и упадку Ганскія династіи. Рожденъ отъ Тсао - Сунга, усыновленнаго нѣкіимъ скопцемъ Тсао Тангомъ. Истинное родовое назвище его Гіа - Геу, которое присоединилъ онъ къ имяни отца своего Тсао, и началъ нарицаться Тсао-Тсао. Со младыхъ ногтей оказывалъ проницательный разумъ и глубокое разсужденіе. Природныя способности украсилъ ученіемъ и учинился преискуснымъ Политикомъ, великимъ воиномъ, благонадежнымъ примыслителемъ во всякихъ нужныхъ случаяхъ Имперіи. Умѣлъ избирать мѣры безъ замедленія, умѣлъ обращать къ чести своей всякія обстоятельства, когда бы другой кто либо на его мѣстѣ обезславить себя принужденъ былъ. Доступенъ былъ для ратниковъ, ловокъ и благоугождающъ предъ Императоромъ, снизходителенъ противу Вельможей. Нещастные имѣли въ немъ защитника, утѣсняемые покровителя. Началъ служить отечеству въ самыхъ нижнихъ чинахъ; достохвально же исправляя должности оныхъ, открывалъ себѣ путь къ самымъ первѣйшимъ.

Ко Двору взятъ изъ правителей Іэн - Тшеускія области. Началъ отличаться заслугою, какой важнѣе быть не можетъ отъ подданнаго Государю: даровалъ ему свободу, избавивъ отъ злоумышленій предателя Тунг - Шоа, который поступалъ съ нимъ мучительски. Послѣ сего сопричтенъ былъ къ Государственнымъ Дѣловцамъ. Получивъ силу раздавать чины и милости

сти Двора, взыскивалъ оными только однихъ приверженцовъ своихъ, однихъ только слѣпо повинующихся его волѣ. Любочестіе какъ бы мрачило всѣ его изящныя качества. Исторгнулъ, можно сказать, Государя своего изъ рукъ мучительскихъ. Но дабы дать ему чувствовать мучительство же, не столь тяжкое, однако же не меньше существенное, оставилъ ему одно только суетное титло Императора; правилъ Государствомъ, яко Самодержецъ, съ безпредѣльною властію. Наконецъ увидѣли въ немъ обманщика, мстительнаго, безчеловѣчнаго, вѣроломнаго, имѣвшаго токмо внѣшность древнихъ добродѣтельныхъ мужей. Естьли не посмѣлъ провозгласить себя Сыномъ Неба, на меньшій конецъ присвоилъ себѣ всѣ онаго почести и титло Царя Уэискаго. Сынъ его Тсао-Пи, паче дерзновенный, не устыдился возсѣсти на престолѣ уступленномъ ему изъ страха.

Тсао-Тсао умеръ въ двѣсти двадесятомъ году по Христѣ, оставивъ по себѣ ненависть народа, коего былъ предметомъ обоженія; довольствовался, занимая мѣсто перваго изъ подданныхъ законнаго своего Государя. Не задолго предъ кончиною, далъ участіе сыну своему въ дѣлахъ Государственныхъ, и нарекъ его преемникомъ Княжества Уэискаго. Почти всѣ тогдашніе Вельможи были или его возведенцы, или друзья отца его; слѣдовательно признали его Императоромъ съ согласія Гіэн-Тія, сдавшаго ему престолъ свой. Тсао Пи почтилъ отца своего Тсао-Тсао титломъ Гоанг-Тія, какъ былъ онъ Императоромъ; себя же имяновать повелѣлъ Уэн-У-Гоанг-Тіэмъ. Слова Гоанг и Ти суть единозначущи, просто же называютъ его Уэн-У-Ти.

XXXVII.

Сеэ Ма-Гіуэн-Уангъ, Полководецъ.

Родовое его имя Сеэ-Ма, собственноеже И, а прозваніе Тшунг-Та. Родился въ Го-Нэ-И, и во младости еще сталъ примѣчаемъ въ войскахъ. По слуху о немъ, Тсао-Тсао возхотѣлъ имѣть его подчиненнымъ своимъ: но сначала отрицался; однако же сей не премѣнивъ намѣренія, пишетъ къ нему: . . . „Сказываютъ, что ты боленъ. Подожду до выздо„ровленія твоего; дамъ тебѣ чинъ, коего должности „ты только одинъ исправляти можешь. Чемъ ско„рѣе увижу тебя, тѣмъ лучше. Воздухъ въ воинскомъ станѣ, гдѣ обитаютъ храбрые ратники, уже имѣющіе къ тебѣ почтеніе будетъ, для тебя наилучшимъ въ свѣтѣ лѣкарствомъ. Сеэ-Ма понялъ, что опасно ему навлечь на себя гнѣвъ человѣка, котораго боялася вся Имперія; пронырства его страшнѣе были ему, нежели его властительство: чего ради, по полученіи помянутаго письма, будто бы изцѣлялся отъ болѣзни, является къ нему.

Пріобрѣтеніе толь великаго воина доставило Тсао-Тсаоа наипреславнѣйшими успѣхами; сыну же его Тсао-Піу отверзло путь ко умноженію могущества, до коего по томъ достигнулъ. Ибо Сеэ-Ма не имѣлъ равнаго себѣ въ ратномъ знаніи, въ распоряженіяхъ, какъ вести войну, и какъ всякія произшествія обращать въ пользу. Былъ дѣятеленъ, неусыпенъ, трезвъ, суровъ къ самому себѣ и другимъ. Взыскуя отъ чиновниковъ вышнихъ и нижнихъ безъ разбора тойже самой точности въ исполненіи должностей ихъ, какъ и отъ самыхъ простыхъ оруженосцевъ,

цевъ, не щадилъ ни тѣхъ, ни другихъ, когда сколько нибудь ослабѣвали.

Начиная сраженіе, съ перваго удара очей познавалъ, побѣдитъ ли, или побѣдится; да и умѣлъ тако дѣйствовать, что низложенія его никогда не могли быть совершенны, побѣды же оставались полными. Осаждая укрѣпленныя мѣста, предполагалъ самъ себѣ рубежи, за которые не преступая, не претерпѣвалъ въ подчиненныхъ своихъ безполезныхъ уроновъ. Задолжалася ли осада, примышлялъ благовидное прикровеніе и отходилъ или къ осажденію же иной какой либо крѣпости, или опустошать страну, или сожигать запасныя кладовыя у непріятелей, или давая отдыхать воинству; но всякой разъ непроницаема была истинная тому причина.

Великіе Полководцы, противу коихъ воевалъ, научили его осторожности, научили его избѣгать всякаго рода разставляемыхъ ему сѣтей. Иногда столь далеко простиралася недовѣрчивость его въ томъ, что моглабы быть принята малодушіемъ во всякомъ иномъ начальникѣ надъ войсками. Предпріявъ подвигъ, производилъ оный, не премѣняя мѣръ, естьли увѣренъ, что онѣ благоуспѣшны, какія бы ни срѣталъ препятствія. Тако рѣшася, чтобъ непріятельское ополченіе, предводждаемое Тшу-Ко-Леангомъ, изнурилось само собою, истощивъ запасы въ странѣ, гдѣ находилось, убѣгалъ всегда отъ сраженія, не взирая на желаніе подчиненныхъ, неотступно преклонявшихъ его къ тому. Презиралъ укоризны, пѣніе язвительныхъ себѣ пѣсенъ, всѣ ухищренія Тшу-Ко-Леанга, который вызывалъ его перевѣдаться съ собою; который ругался имъ, даже пославъ нѣкогда ему женскія одежды,

жды, какія носятъ онѣ по лишеніи мужей своихъ и никогда изъ домовъ своихъ не выходятъ. Все сіе остается тщетно. Не хотѣлъ онъ, мстя за безчестіе себѣ, ложно разумѣемое, жертвовать истинными пользами Государя своего, ниже выпустить изъ вида истинной же славы прочныхъ успѣховъ.

Во гнѣвѣ былъ лютъ; но умѣлъ обуздывать страсть сію, когда чрезъ мщеніе, или наказаніе не могъ ничего пріобрѣсти. Крайне оскорбляли его ругательства Тшу-Ко-Леанга и насмѣшки подчиненныхъ ему ратниковъ, но учѣлъ притворяться. Отвѣчалъ первому, отсылая назадъ одежды женскія: . . . „Много жалѣю, что морю тебя и всѣхъ твоихъ лю„дей голодомъ. Не меня вини, но Государя моего, „отъ коего мнѣ предписано охранять страну, не всту„пая съ тобою въ сраженіе.„ Показаны были ему стихи, описывающіе, будто бы испугался онъ тѣни Тшу-Ко-Леанга; усмѣхнулся и произнесъ сіи немногія слова: . . . „Ошибаются. Естьлибы испугался я, „то конечно не мертваго уже Тшу-Ко Леанга, а по„думавъ, что онъ еще живъ.„

Когда бы Сеэ Ма, во время внутреннихъ смятеній Имперіи по случаю раздѣленія оныя на три Царства, привергся не къ сторонѣ Тсао-Тсаоа, а Лэу-Пейя: исторія бы помѣстила его между полубогами. Но какъ заслужилъ названіе мятежника, то всѣ изящныя его качества помрачены тѣмъ стали. Завсегда оставался вѣренъ Тсао-Тсаоу, по немъ же и сыну его Тсао-Піу; хотя вѣдалъ, что тотъ и другой имѣютъ къ нему недовѣрчивость и назираютъ надъ его поступками. Нѣкогда сказалъ первый послѣднему: . . . „Домъ Сеэ-Ма-Ія, кажется мнѣ,

воз-

„возвысится надъ развалинами дома Тсаоскаго. Бре„гися, когда меня уже не будетъ.„ Сбылося прорицаніе, хотя и не такъ скоро. Сеэ-Ма-Іэнъ, внукъ Сеэ-Ма-Ія, похитилъ престолъ Императорскій у наслѣдниковъ Тсао-Тсаоа. Сеэ-Ма-Іэнъ началъ завоеваніемъ жителей страны Уэнсія. Принятъ родоначальникомъ новыя династіи Тсиновъ по провозглашеніи Императоромъ. Тотчасъ почтилъ имя дѣда своего Сеэ-Ма-Ія титломъ Сеэ-Ма-Гіуэн-Унга, которое сохранило оное и поднесь; ибо Государи поколѣнія Тсинскаго признаны законными Императорами съ того времяни, какъ не стали болѣе имѣть соперниковъ. Великій сей вождь скончался въ двѣсти пятьдесятъ первомъ году по Христѣ. Потомки его, начиная Сеэ-Ма-Іэномъ, его внукомъ, извѣстны въ Исторіи подъ имянемъ Тсин-У-Ти; даже до Кунг-Тія наслѣдственно владычествовали Китаемъ чрезъ сто пятьдесятъ четыре года. Прежде имяновалися Тсинами западными, послѣ же Тсинами восточными. Династія Тсинская истреблена Сунгами въ четыре ста девятнатцатомъ году по рождествѣ Христовѣ; имѣла пятнатцать Императоровъ.

XXXVIII.

Тунг - Тсин - Юэн - Ти, Императоръ.

Внукъ Сеэ - Ма - Ія, собственное его имя Юи, прозваніе Кингъ; мать имѣлъ Гіа - Геу - Хею, одну изъ женъ Сеэ - Ма - Кинга, владѣльца Ланг - Бискаго. Она съ однимъ же изъ сыновей мужа своего, имянемъ Ніэу - Кинга, прижила сына и воспитала, какъ бы произведеннаго отъ мужа ея, и всячески старалась о возведеніи его на престолъ.

Юн - Кингъ послѣшествовалъ намѣренію матернему, достальное же довершили личныя его достоинства. Наипаче ознаменовалъ онъ себя храбростію и достохвальнымъ поведеніемъ. Бывъ Полководцемъ Нган - Тунговымъ, снискалъ любовь и почтеніе отъ подчиненныхъ, да и такъ, что не казалось имъ ничто невозможнымъ, послушествуя ему. Однако же былъ медленъ въ разсужденіяхъ, нерѣшимъ при обстоятельствахъ, въ которыхъ потребно было скорое избраніе мѣръ. Медленность таковая, или инако назвать, чрезмѣрная осторожность, не единожды лишала его оказанія важныхъ заслугъ Государю и Государству. Разсуждая по тогдашней преклонности народа къ Тсинамъ, можно бы ему было покорить имъ Имперію, или произвести для самаго себя то, что произвели основатели наипреславнѣйшихъ династій съ толикими успѣхами и славою въ подобныхъ же стеченіяхъ случаевъ.

Императоръ Минг - Ти, осажденный въ столицѣ своей Царемъ Ганскимъ, призываетъ Юн - Кинга на помощь. Сей прежде хочетъ увѣриться въ усердіи на-

народа области, коею начальствовалъ, дабы Государь его могъ имѣть посреди ихъ благонадежное убѣжище, когда настанетъ нужда. Отсрочка таковая испортила все. Столица взята отъ непріятеля, Императоръ увезенъ плѣнникомъ. Нещастный Государь сей вѣдая, что Юн-Кингъ такъ поступилъ по чрезмѣрной осторожности съ намѣреніемъ благимъ, вѣдая же и то, что онъ одинъ могъ возвратить ему похищенный престолъ, нарицаетъ его правителемъ Имперіи на все время плѣна своего. Юн-Кингъ званія сего не пріемлетъ прежде, какъ по троекратномъ покушеніи Вельможей провозгласить его самаго Императоромъ. Къ пресѣченію же происковъ ихъ пріемлется за кормило правительства; не позволяетъ себя имяновать, какъ только Княземъ Тсинскимъ, предоставляя самодержавіе законному Государю.

По прошествіи одного года, Ганскій Царь умертвилъ Нинг-Тія. Вельможи Китайскіе принудили Юн-Кинга воцариться. Всѣ безъ изъятія желаютъ, чтобъ шелъ онъ войною на Царя Ганскаго, отнялъ у него похищенное у Тсиновъ, и поступилъ такъ же, какъ поступилъ онъ съ Императорами Гоан-Тіэмъ и Мингъ-Тіэмъ. Ратники стекаются со всѣхъ странъ подъ знамена, города свергаютъ иго чужестраннаго властительства. Царь Ганскій занятъ былъ укрощеніемъ домашнихъ раздоровъ, и велъ войну противу сосѣдственныхъ себѣ Татаръ. Все поспѣшествуетъ Юн-Кингу, все предвѣщаетъ ему наиудачнѣйшее возвращеніе во своя: однако же не спѣшитъ начать дѣло, нажидаетъ лучшія удобности случая, но теряетъ оную навсегда. Воинскій жаръ хладѣетъ; обнаружилися измѣнники и произвели мятежъ; подлыя души попустили подкупить себя, возсщали буйственно

противу истощившаго на нихъ почести и благодѣянія всякаго рода. Нѣкто изъ таковыхъ назывался Уанг-Тюнъ, коего Юн-Кингъ чтилъ отлично, коего возвелъ на первую степень знатности: сей Уанг-Тюнъ къ предательству присоединяетъ поруганіе, дерзость, писатъ къ Государю своему, дабы онъ казнилъ смертію нѣкоторыхъ имянно Вельможей и премѣнилъ собственное поведеніе свое. Приводилъ ему на память, что И-инъ, мудрый Государственный Дѣловецъ Таи-Кія, втораго Императора Шанговой династіи, исправляя нравы послѣдняго, отослалъ жить надъ могилами прародительскими, дабы, размышляя тамо о добродѣтеляхъ ихъ, научился имъ подражать. Освѣдомлялъ его, что пріемлетъ оружіе на возведеніе Имперіи въ первобытную ея славу, на истребленіе всѣхъ тѣхъ, которые безчестили ее худыми примѣрами жизни своей, паче же развратнымъ поведеніемъ.

Юн-Кингъ былъ Государь воздержный, мудрый, бережливый въ расходахъ, ищущій во всемъ пользѣ народа, предпочитая собственнымъ своимъ пользамъ; не забывалъ ничего къ учиненію его щастливымъ, елико могъ. Ему долженствовали подданные обиліемъ въ потребностяхъ жизни. Онъ возобновилъ разоренные города; общественному спокойствію пожертвовалъ славою, каковую бы могъ снискать оружіемъ. Сколь же горестны для него были укоризны, не заслуживаемыя имъ! Заболѣлъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ скончался на сорокъ шестомъ году отъ рожденія, въ лѣто три ста двадцать второе по Христѣ, по шестилѣтнемъ царствованіи.

Въ Исторіи имянуется онъ Тунг-Тсин-Юэн-Ти, сирѣчь, Юэн-Ти, изъ Тсиновъ Восточныхъ и Западныхъ (по мѣстамъ пребыванія ихъ Двора). Четыре первые Императора, коихъ имяна были Сеэ-Ма, зовутся Тсинами Западными; ибо жили въ городѣ Тшанг-Иганѣ, къ Западу отъ рѣки Кіан-и: одиннатцать же послѣднихъ Тсинами Восточными; потому что столицею ихъ былъ городъ Кіэн-Кангъ, къ Востоку отъ сей рѣки.

XXXIX.

Сунг - У - Ти, Императоръ.

Собственное его имя Ліэу - Ю, прозваніе Те - Гингъ, потомокъ одного изъ братій Ган - Као - Тсуа, коего родоначальникъ великія династіи Ганскія возвелъ на степень Князя Тшу - Юэнскаго.

Ліэу - Ю рожденъ въ Понг - Тшенгѣ; имѣлъ ростъ высокій, осанку величественную, крѣпкое сложеніе тѣла, мужество. Любилъ важныя предпріятія, кои производя въ дѣйствіе самымъ дѣломъ, не малодушествовалъ срѣтая затрудненія. Прославился глубокимъ почтеніемъ къ родителямъ своимъ. Прилѣжность его и попеченія въ исполненіи наималѣйшихъ должностей, снискали ему дружество начальниковъ его и всего народа. За военоносныя качества признанъ былъ Витяземъ своего времяни. Долго начальствовалъ войсками, и въ таковомъ званіи истребилъ одного за другимъ алкавшихъ похитить Имперію у поколѣнія Тсинскаго.

Въ возмездіе за великія заслуги Императоръ пожаловалъ его Княземъ Сунгскимъ; усердіе его къ нему не премѣнилось. Частые одерживалъ побѣды надъ врагами отечества. Предначиналъ походъ противу владѣльца Гіаскаго, который угрожалъ Тшанг - Игана и всю область Коан - Тшунгскую разореніемъ; но замыслъ сей, возведшій славу его на всевозможную высоту, не исполнился, чрезъ хульное поведеніе первѣйшихъ Государственныхъ Чиновниковъ, и по малодушію самаго Императора.

Ліэу -

Ліэу-Ю раздражился тѣмъ; принялъ намѣреніе свергнуть послѣдняго съ престола и учинить ему преемникомъ брата его Сеэ-Ма-Те-Уэна, который тотчасъ и признанъ былъ Императоромъ. Въ Исторіи зовется онъ Кунг-Ти. Возсѣдалъ на престолѣ весьма краткое время, да и достался ему оный неожидаемо, а можетъ быть и противу воли. Страшася, дабы подобный же жребій братнему не постигъ и его, становится унылъ, безпокоенъ, мраченъ и недовѣрчивъ. Чрезъ все мгновеніе жизни своей единымъ находилъ средствомъ къ успокоенію, дабы самопроизвольно лишиться сана Императорскаго, чувствуя самъ въ себѣ, что не былъ рожденъ къ оному; уступилъ престолъ Ліэу-Ку торжественно.

Сей проименовалъ поколѣніе, долженствовавшее имъ начатися, Сунгскимъ. Въ старанія свои обратилъ, дабы дѣйствовали законы, исправилися нравы, утвердилось повиновеніе отъ нижнихъ къ вышшимъ и возраждалися древніе обычаи, ослабшіе отъ внутреннихъ замѣшательствъ въ Государствѣ и по недостатку твердости духа послѣднихъ Императоровъ. Кунг-Тію, уступившему ему престолъ, далъ титло Князя первыя степени; далъ ему подъ Дворецъ великое зданіе не подалеку отъ столицы; позволилъ поступать на все, только бы не мѣшался въ дѣла Имперіи; служителями избралъ къ нему людей надежныхъ для себя. Ничто однако же не помогло: подозрѣнія овладѣли его душею; казалось ему, что доколѣ будетъ живъ Кунг-Ти, не могъ не угрожаться гибелію. И тако нещастный Кунг-Ти отравленъ былъ ядомъ.

Естьли бы родоначальникъ перваго Сунскаго поколѣнія не помрачилъ славы имяни своего двумя неза-

заглаживыми пороками, лишивъ жизни двухъ Императоровъ, законныхъ своихъ Государей, можно было бы уравнивать его съ самыми знаменитѣйшими Самодержцами Китая. Въ самой превосходной степени одаренъ онъ былъ всѣми тѣми качествами, которыя учиняютъ человѣка достойнымъ повелѣвать народами. Бывая предъ войсками, оказывался и храбрымъ ратникомъ и искуснымъ Полководцемъ; разсматривая и рѣша дѣла Государственныя, былъ Политикъ дальновидный, глубокій, обилующій въ средствахъ къ успѣхамъ наиобширнѣйшихъ замысловъ. Въ частной жизни видѣли его смиренномудра, воздержна на все, всѣми добродѣтелями украшеннаго, любомудра, безъ пышности, безъ упорчивости, безъ гордыни, занималъ престолъ Императорскій величественно. Великая душа его проявляла въ немъ великаго Государя: щедроты, кротость, благотворительность, почтеніе о благѣ подданныхъ, заслуживали ему названіе священное Отца отечества. Станется, что заставилъ бы забыть два содѣянныя имъ злодѣйства, естьли бы жизнь его продлилась; но по двухъ только лѣтахъ скончался въ Кіэн-Кангѣ, столицѣ своей, на шестьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія, и погребенъ въ Тсу-Нинг-Лингѣ.

Былъ основатель пяти малыхъ послѣдовавшихъ династій, зовомыхъ Китайцами Сіэнъ-У-Тай. Императоромъ признанъ и провозглашенъ въ четыреста двадцатомъ, умеръ же въ четыреста двадцать второмъ году по воплощеніи Христовомъ. Предъ послѣднимъ уже издыханіемъ избралъ по себѣ преемника малолѣтнаго, избралъ четырехъ мужей правитъ государствомъ до возмужанія его: исключивъ Императрицу матъ юнаго наслѣдника. Чрезъ оное упредилъ междоусобія, бываемыя чаще въ Китаѣ нежели во всякомъ

иномъ

иномъ краѣ вселенной отъ властительства надъ народомъ женщинъ. Государственныя правительницы имѣютъ сродниковъ, неотступно ихъ окружающихъ; имѣютъ скопцевъ, удостоеваемыхъ довѣренности ихъ. Тѣ и другіе проискиваютъ усиливаться и обогащаться: слѣдовательно участвуютъ въ правительствѣ. Вельможи и Государственные Чиновники не попускаютъ злоупотребленіямъ, производимымъ ими; возражаютъ, но возраженія ихъ презираются. Приступаютъ къ тому же вновь, и бываютъ наказуемы, а отъ сего возникаютъ раздоры, происки, пронырства, взаимныя обвиненія, словомъ, тьма золъ, раздирающихъ Государство и клонящихъ оное къ паденію . . . Многіе есть тому примѣры въ Исторіи.

XL.

Тао - Юэн - Мингъ, Стихотворецъ.

Родовое имя его Тао, собственное Тіэнъ, прозваніе Юэн - Леангъ. Изъ почтенія къ себѣ назывался Юэн - Мингъ, что значитъ изящный, подобный чистой водѣ не текущей. Былъ внукъ Тао - Кана, славнаго Полководца въ царствованіе Мин - Тія, четвертаго и послѣдняго Императора западныхъ Тсиновъ, которой владычествовалъ Китаемъ между триста четвертагонадесять и триста осьмагонадесять годами по рождествѣ Христовѣ.

Тао - Юэн - Мингъ рожденъ въ Гіун - Янгѣ; тщательно былъ воспитываемъ родителями, которые хотѣли отверзть ему путь чрезъ то къ знаменитѣйшимъ степенямъ. И въ самой вещи достигъ оныхъ; но не могъ удержать болѣе осьмидесяти дней. Пожалованъ былъ Мандариномъ города Понг - Тсе, когда Государственный Посѣтитель области прибылъ въ городъ же, отъ коего зависѣлъ Понг - Тсе. Тао - Юэн. Мингъ не поспѣшилъ явиться предъ него съ должнымъ почтеніемъ, но ставъ уговоренъ друзьями, собирался уже въ путь, и бывъ вопрошенъ отъ нѣкоего изъ нихъ, не забылъ ли взять съ собою нарядныхъ одеждъ, отвѣчаетъ: . . . „ Какъ! надобно еще, чтобъ я отягтилъ повозку мою всемъ такимъ вздоромъ? Нѣтъ, „не сдѣлаю сего. Постыдно честному человѣку, осо„бливо труждающемуся въ украшеніи ума и сердца сво„его, раболѣбствовать введенымъ обычаямъ.„ Подъ прикровомъ кончины сестры своей остался дома, и сложилъ съ себя Мандаринское достоинство.

Ставъ

Ставъ такимъ образомъ свободенъ, началъ сочинять прекрасные стихи, славя вольность, проклиная скоротечность величій человѣческихъ. Избралъ жилищемъ городъ Тсан-Сангъ, гдѣ и провелъ остатки жизни учася, сочиняя и пьянствуя. Передъ дома своего осадилъ пятью ивами, которыя напослѣдокъ закрывали оный тѣнію своею отъ солнца; подъ ними-то прогуливался и задавалъ уроки ученикамъ: почему и применованъ былъ учителемъ подъ пятью ивами (У-Ліэу-Сіэн-Шенгъ).

Собственность его состояла только во стѣ полосахъ земли; обсѣменялъ оныя ничемъ инымъ, какъ только такими зернами, изъ которыхъ выходило вино. Продавая произращенія свои, имѣлъ обычай назначать покупателямъ, на какое употребленіе желалъ онъ, чтобъ имъ послужили.

Любилъ цвѣты; но какъ многаго требовали за собою присмотра, оставилъ только такъ называемую мачочную траву, на которую глядѣть пріятно; растетъ же сама собою, не требуя помощи отъ руки человѣческой. Тао-Юэн-Минга по справедливости можно называть безпечнымъ. Написалъ преизрядныя сочиненія въ стихахъ, и тѣмъ прославился. Странный образъ его жизни подъ пятью ивами еще болѣе учинилъ его извѣстнымъ въ Китаѣ. По смерти названъ Тсинг-Іэн-Сіэн-Шенгомъ, что значитъ отложившаго всякое попеченіе житейское. Родился и умеръ въ исходѣ династіи Тсиновъ.

XLI.

Сунг - Фен - Ти, Императоръ.

Се чудовище, произведенное во гнѣвѣ Природы къ посрамленію рода человѣческаго! Сынъ отца, осквернившаго Императорскій престолъ всякаго рода безпутствами, котораго онъ въ томъ далеко превозшелъ и прославился преизлишествомъ пороковъ, явившихъ въ немъ Нерона и Калигулу Китайскаго совокупно.

Пятнатцати лѣтъ отъ рожденія воцарился по сказанномъ отцѣ своемъ Гіао - У - Тіѣ, четвертомъ Императорѣ малыя династіи Сунгскія. Державствовалъ хотя не многіе мѣсяцы, однако успѣлъ исполнить Дворъ и Государство кровопролитіями и ужасами. Уваженіе къ матери, остатки послушанія къ Таи-Фа Гингу, учителю своему, обуздывали сначала безчеловѣчіе его. Слабая заграда! безвремянная кончина Императрицы, случившаяся по восмидесяти дняхъ возшествія его на престолъ, дала волю звѣрскимъ его склонностямъ. Прежде всего спѣшитъ согнать съ свѣта Таи - Фа - Гинга; ибо онъ одинъ могъ его удерживать отъ злодѣйствъ. Бываетъ предъ глазами его изрубленъ, яко имѣющій силу въ народѣ: слѣдовательно могущій, естьли возхощетъ, дать оному инаго Государя. На семъ не остановляется. Вельможи въ знатнѣйшихъ чинахъ и всѣ снискавшіе нѣкоторую довѣренность въ общую подобно же могли измѣнить ему, чего ради до единаго умерщвлены неслыханными до того муками. Къ нѣкоторому изъ Государственныхъ Дѣловцевъ, не предувѣдомивъ его прежде о на-

намѣреніи своемъ, прибылъ въ домъ, и въ то же самое мгновеніе терзается на части онъ и все его семейство. Къ Лэу-Юэн-Кингу, другому Дѣловцу же Государственному, посылаетъ велѣніе, дабы ничего не медля предсталъ къ нему во Дворецъ съ дѣтьми и братьями. Предстали, и лишены жизни. Третій таковый же Дѣловецъ, и въ тотъ же самый день, замученъ былъ съ шестью рожденными отъ него. Ничто все оное предъ послѣдовавшимъ скоро. Мучительски убіены были его дядья, братья, племянники и самые дальнѣйшіе сродники. Не подавали ни малѣйшаго на себя подозрѣнія, въ какомъ бы то ни было злоумышленіи, въ какихъ бы то ни было винахъ, а только будто бы упреждалъ онъ, дабы не вспало имъ нѣкогда на мысли избирать кого либо между собою Императоромъ. *Лэу-Тсе-Гіунгу*, третіему брату своему, изъ особливой милости послалъ выпить ядъ. Ученый мужъ, имянемъ Тенг-Уангъ, коему ввѣрено было отъ Гіао-У-Тія воспитаніе сего царевича, спасъ жизнь его, не допустивъ выпить ядъ, удвоилъ домовую его стражу, собралъ не малое количество ратныхъ людей, составилъ письмянное провозглашеніе въ народъ и разослалъ по всѣмъ областямъ Государства; въ ономъ обнаруживалися всѣ лютости Сунг-Феи-Тія. Вельможи и всякаго званія Китайцы убѣждалися свергнуть съ престола врага и мучителя рода человѣческаго. Въ тогдашнія времяна каждый Князь крови Императорскія имѣлъ за собою удѣломъ одинъ, или многіе города, а нѣкоторые и цѣлую область, подъ названіемъ Царства, въ которыхъ провождая жизнь, не рѣдко производили мятежи не легкіе къ укрощенію.

Ліэу-Тсе-Гіунъ пребывалъ тогда въ удѣлѣ своемъ, правилъ онымъ подъ присмотромъ своихъ воспитателей, имѣя отъ роду не болѣе одиннатцати лѣтъ. Прочетная сія грамота возъимѣла желаемый успѣхъ. Восколебалась вся Имперія, стенящая подъ игомъ мучительства; не смѣвшіе до того роптать ободрились, начали поощрять одинъ другаго и помчалися защищать жизни, угрожаемыя лишеніемъ отъ Сунг-Феи-Тія. Сей идетъ разгонять воставшихъ на него, что бы и исполнилъ, естьли бы не былъ предметомъ всеобщія ненависти. Даже собственные его домочадцы, наивѣрнѣйшіе наперсники, составляютъ на него ковъ. Наибезстыднѣйшіе люди въ свѣтѣ не могутъ примыслить мерзостей къ удовлетворенію сладострастій таковыхъ, какія происходили во Дворцѣ въ часы, которые называлъ Сунг-Феи-Ти, часами забавъ своихъ. Выходилъ въ сады, или на луга, огражденые оплотами. Послѣдовало за нимъ множество младыхъ отроковъ и дѣвъ. Неизбѣжная была смерть каждому изъ нихъ, сколько нибудь попротивившемуся его неистовству.

Толикія студодѣянія возопили на Небо объ отмщеніи. Злочестивый Государь становится самъ себѣ Катомъ. Исторія пишетъ о немъ: . . . „Ниже на „единое мгновеніе не могъ оставаться одинъ и не „видѣть себя окруженна безплотными мстителями, „низпосылаемыми съ небесъ, между коими представлялися ему тѣни умерщвленныхъ имъ. По ночамъ „наипаче мучили его привидѣнія таковыя. Вставалъ „съ постели, повелѣвалъ будить всѣхъ, повелѣвалъ „молитвоприношеніями и заклинаніями прогонять „отъ себя дерзновенныхъ Куэневъ, дерзающихъ зара-

„жать

„жать собою мѣста, имъ обитаемыя, однако же „тщетно. Всякая ночь и по томъ была для него не „лучше. Услышавъ наконецъ, что нѣкоторые Бонзы, „разкола Тао-Сеэза, имѣютъ власть повелѣвать ду„хами, какой бы ни были степени, призвалъ ихъ „къ себѣ.

„Бонзы исполняютъ повелѣнное имъ; мучитель, „изъ любопытства, входитъ въ чертогъ, гдѣ оное „происходило, бывъ послѣдуемъ женщинами, подобно „же любопытствовавшими, и скопцами, между коими „находился Шеу-Тси-Ше, подкупленный отъ заговор„ныхъ противу Императора. Случай настоялъ удоб„ный, коимъ и воспользовался. Императоръ обратился „лицемъ къ Бонзамъ, прилѣжно смотрѣлъ на тѣлодви„женія ихъ; Шеу-Тси-Ше обнажаетъ мечь и разру„баетъ ему голову.„

Тако-то освобожденъ сталъ Китай отъ пятнатцатилѣтняго чудовища, который долженствовалъ быть бичемъ всему роду человѣческому. Числомъ злодѣйствъ своихъ, чрезъ одинъ только годъ царствованія, далеко превозходитъ наиславнѣйшихъ въ свѣтѣ нечестивцевъ, жившихъ на свѣтѣ долгой вѣкъ. Память его въ толикомъ омерзеніи, что большая часть Историковъ извергаютъ его изъ списка Императоровъ. Гнусность души его изображалась на лицѣ; походилъ паче на лѣшея, нежели на человѣка. На десятомъ году дано еще ему было въ удѣлъ Княжество Санг-Уское; пятнатцати лѣтъ воцарился и въ концѣ того же года убіенъ. Никому не приходило и на мысли мстить за него. Вмѣсто одеждъ сѣтованія въ кои облекаются въ Государственные степени, обы-

обычайно по смерти ИмператоровЪ, услышали, увидѣли повсюду пиршества и веселія. УмерЪ Феи-Ти вЪ четыреста шестьдесятЪ четвертомЪ году по рождествѣ ХристовѢ.

XIII.

XLII.

Сіэ - Линг - ЮчЪ, мужЪ ученый.

Родовое имя его Сіэ, собственное же Линг ЮнЪ, сынЪ Вельможи Кан - Лоа, который природныя способности сына своего кЪ НаукамЪ, ничего не оставляя, старался обратить ему вЪ пользу, да и вЪ короткое время учинился онЪ отличнымЪ Витіею и СтихотворцемЪ. Сочиненія его не уступаютЪ таковымЪ же славнаго Іэн - Іэн - Тшея. Хотя знатная его порода облегчала ему возвышеніе вЪ чинахЪ, однако же не искалЪ имѣть оныя, разумѣя то для себя низкимЪ. ИмператорЪ Уэн - Ти изЪ числа первыхЪ СунговЪ поручилЪ вЪ вѣдомство его нарочито немалый городЪ: около онаго находилися горы и холмы, сЪ коихЪ стекали самыя чистыя воды; совокупляяся же воедино, составляли рѣки. Вся сія страна безпрерывно покрывалась пріятною зеленью.

Сіэ - ЛингЪ - ЮнЪ избралЪ прекрасныя таковыя мѣста, дабы жить вЪ нихЪ уединенно, упражняяся по склонности своей; по крайней мѣрѣ единожды повседневно посѣщалЪ оныя, и наслаждался зрѣлищемЪ красотЪ Естества. Останавливаясь или при подошвѣ нѣкоей горы, или на берегу источника, сочинялЪ прекрасные стихи; пѣсни, полныя острыхЪ словЪ; рѣчи, двигающія сердцами.

Иногда предавшися онЪ восхищенію піитическому, безсиленЪ бывая обуздывать оное, сЪ крайнимЪ трудомЪ восходилЪ по тропинамЪ на утесныя горы, между тернія и иныхЪ колючихЪ растеній, до самыхЪ неприступнѣйшихЪ высотЪ; по томЪ спускался

на долины, и ставъ утомленъ, садился подъ какимъ нибудь великимъ камнемъ, или подъ тѣнію густаго дерева; изображалъ на бумагѣ размышленія свои, потомъ же прибывъ въ домъ, вырабатывалъ все то.

Толь странная жизнь особы общественной многократно подвергала его осужденіямъ друзей. Люди, наполненные мнимою ревностію къ благоустройству народному, также злорѣчили его поведеніе. Сэ-Линг-Юнгъ не мѣшалъ имъ думать и говорить, какъ они хотѣли; но не премѣнялъ образа жизни своей. Время отъ времяни начали всѣ къ тому привыкать, послѣ же возъимѣли къ нему почтеніе. Услышавъ онъ о кончинѣ отческой, оставляетъ городъ вѣдомства своего, спѣшитъ исполнить послѣдній долгъ, вступить по немъ въ наслѣдство и принять на себя званіе его въ странѣ Каи-Лоской, на что и получилъ подтвержденіе отъ Императора. Былъ онъ современникъ Уэн-Тію, владычествовавшему въ Китаѣ между четырехъ сотъ двадцать четвертымъ и четыре ста пятьдесятъ третьимъ годами по рождествѣ Христовомъ. Не извѣстны сочиненія его послѣ того, какъ онъ оставилъ пріятное жилище Юнг-Кіаское.

XLIII.

Тси - Као - Ти, Императоръ.

Родовое имя его Тсiао, или Гiао, собственное же Тшао - Шенгъ, прозванiе Тшао - По, потомокъ въ двадесять четвертомъ колѣнѣ знаменитаго Сiао - Гоа. Писавшiе ему похвалы тако между прочимъ изражаются: . . . „Былъ человѣкъ ума высокаго; имѣлъ не„обычайную тѣлесную силу; лице у него уподобля„лось сiяющему цвѣту драконовой кожи, голосъ же „колоколу. На тѣлѣ знаки природные, какъ чешуя, „порядочно расположенные, какъ на черепокожныхъ „животныхъ. Два красныя пятна разной величины „по плечамъ изображали солнце и луну; словомъ, „вся его внѣшность казала его человѣкомъ чрезвычай„нымъ, каковъ былъ и въ самой вещи.„

Сiао - Тао - Тшенгъ еще при Фейтiѣ начальствовалъ войсками. Лютый сей Государь страшася, дабы Полководецъ толикихъ достоинствъ не подкрѣпилъ котораго либо изъ братiй его, ему во вредъ, рѣшился казнить Сiао - Тао - Тшенга смертiю. Но какъ сiе было не легко безъ причинъ сильныхъ, то употребилъ ухищренiе; однако же и оное не успѣло. То же самое хотѣлъ испытать и преемникъ его Минг - Ти. Придворные по зависти внушили Государю сему, отъ всего пугающемуся, что Сiао-Тао Тшенгъ, снискавъ всеобщее почтенiе и довѣренность ратниковъ, легко можетъ во зло употребить могущество свое и возколебать Имперiю. Минг - Ти отзываетъ его ко Двору; а дабы прикрыть то благовидною наружностiю, жалуетъ его главнымъ старѣйшиною надъ своими опричными, и воспитателемъ своего сына, готовимаго

имЪ кЪ престолу по себѣ. Сіао - Тао - ТшенгЪ проникнулЪ истинныя намѣренія Императора; понялЪ, что у Двора не избѣгнетЪ погибели. БлагодаритЪ письменно Его Величество за милости, каковыхЪ никогда ожидать не дерзалЪ; что по приведеніи дѣлЪ вЪ порядокЪ страны, гдѣ находился, отправится со всевозможною поспѣшностію увидѣть лицемЪ кЪ лицу Самодержца, на коего единое воззрѣніе учинитЪ его благополучнымЪ. Между тѣмЪ такЪ располагаетЪ поступки свои, чтобЪ стать ему нужнымЪ при войскахЪ противу набѣговЪ ТатарЪ Царства Уэнскаго, сЪ коимЪ рубежи Имперіи охранялЪ онЪ тогда. Татары сіи пребывали вЪ мирѣ сЪ КитаемЪ отЪ нѣкотораго времяни: раздражаетЪ ихЪ; чиновникамЪ, удостоеваемымЪ довѣренности своей, повелѣваетЪ ворваться на земли ихЪ, будто бы для откормленія коней, и разорять селенія ихЪ сколько могутЪ болѣе. Они, любя Полководца своего, исполняютЪ предписанное сЪ успѣхомЪ и какЪ бы то было ненарочно.

Опустошены жатвы и покосы, отогнанЪ скотЪ, сельскіе жители оскорбяся убиваютЪ нѣкоторое число ратниковЪ, товарищи ихЪ мстятЪ за оное огнемЪ и мечемЪ. Татары приняли, что Китайцы начинаютЪ воевать сЪ ними, отряжаютЪ и отЪ своей стороны участки войскЪ разорять земли ихЪ. Скоро все пришло вЪ движеніе на рубежахЪ, всѣ и каждый находили принужденными себя кЪ тому обидами сосѣдей. ИмператорЪ смутился: зло представилося ему горшимЪ, нежели было вЪ самомЪ дѣлѣ; не обрѣтаетЪ лучшаго уврачеванія, какЪ предпоставить ТатарамЪ храбраго Сіао - Тао - Тшенга. ПовелѣваетЪ ему дѣйствовать войсками противу враговЪ отечества.

Сіао-

Сіао - Тао - Тшенгъ повинуется; снискиваетъ славу, какъ и до того во всякомъ случаѣ. Татары усмирены; покрываетъ онъ себя славою еще болѣе прежняго. Почтеніе къ нему Государя его увеличивается.

Между тѣмъ Минг - Ти не преставалъ казнить смертію подъ разными прикровеніями Князей и Вельможей, коихъ почиталъ опасными, или невѣрными для избраннаго имъ наслѣдникомъ по себѣ. Уже всѣ его сродники, имѣвшіе нѣкоторое право къ престолу, уморены были снуромъ, или ядомъ, кромѣ одного только, коему природное тупосмысліе его спасло жизнь. Уже надъ всѣми тѣми, которые отличалися добродѣтелями и достоинствами, совершалось то же самое, оставался только Сіао - Тао - Тшенгъ и еще двое, или трое, обожаемые воинствомъ и народомъ. Безчеловѣчный Государь хотѣлъ бы и ихъ подобно же согнать со свѣта, но становился уже дряхлъ и угрожаемъ скорою кончиною. Къ тому же предуставленный по немъ наслѣдникъ былъ еще юнъ и неспособенъ править Государствомъ. Нуженъ былъ Минг-Тію человѣкъ, который бы могъ обременить себя тѣмъ подъ его имянемъ. Сіао - Тао - Тшенгъ почтенъ таковымъ, какъ могущій научить царствовать младаго Князя, такъ и защищать отечество отъ внѣшнихъ и внутреннихъ непріятелей. Призывается онъ къ Двору; друзья ему говорятъ: . . . „Знаменитость, „которою украсить тебя хотятъ; обѣщанія, коими „прельщаютъ, суть ковы къ завлеченію только тебя. „Единожды прибывъ предъ Императора, не выдешь „отъ него инуда, какъ токмо ко гробу. Вѣрь усер„дію дружества, не отлучайся отсюда . . . Шест„вую, отвѣчаетъ имъ Сіао - Тао - Тшенгъ, и сколько „могу скорѣе. Обстоятельства уже не прошлогод-

 „нія:

„нія: совсѣмъ приняли иный видъ; положитеся на „мою навычность и мое щастіе; не сомнѣваюсь, что „вы не покинете меня въ нужномъ случаѣ.„

По прибытіи его въ столицу возложили на него самыя первѣйшія должности Дворскія; сталъ онъ наиближайшею особою Минг-Тію, который чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ заболѣлъ къ смерти. Сіао-Тао-Тшенгъ учиненъ Государственнымъ Правителемъ до возмуженія Ліэу-Юа, наслѣдника престола. Ліэу Ю былъ первоусыновленный сынъ Минг-Тія (бездѣтнаго). Сіао-Тао-Тшенгъ нареченъ верьховнымъ Правителемъ всей Имперіи, верьховнымъ же государственнымъ Дѣловцемъ по воинской части. Два столь великія званія учинили его всемогущимъ, отверзли путь ко воцаренію. По кончинѣ Императора завѣщаніе его было исполнено въ точности. Весь Китай казался тѣмъ доволенъ, окромѣ Ліэу-Сіэу-Фана. Который, яко единородный братъ Минг-Тія, требовалъ права къ правительству, исключительно для всякаго другаго. Знатнѣйшій членъ Совѣта доброжелательствовалъ ему, и подъ рукою подкрѣплялъ его требованіе. Присоединилося къ нему еще нѣсколько Государственныхъ иныхъ Чиновниковъ. Втайнѣ составился заговоръ къ сверженію Ліэу Юа (ибо происходилъ не отъ крови Государей Китайскихъ), къ возведенію на его мѣсто Ліэу Сіэу-Фана, сына и брата Императорскаго (единую оставшуюся отрасль по нихъ). Легковѣрный Ліэу-Сіэу-фанъ старается умножать число преданныхъ себѣ, собираетъ войски, готовится къ войнѣ, да и столь скрытно и поспѣшно, что внезапу столица угрожается облежаніемъ, а можетъ быть и взятіемъ.

Сіао-

Сіао - Тао - Тшенгъ подоспѣваетъ только съ тремя тысячами ратниковъ, ибо болѣе на сей разъ не было у него подъ руками; представляется ополченію въ двѣнатцати тысячахъ. Мятежники не даютъ ему время укрѣпиться на нѣкоемъ выгодномъ мѣстѣ, откуда бы могъ онъ опровергнуть всѣ мѣры ихъ. Идутъ прямо къ столицѣ, не взирая на умертвіе вождя своего, убіеннаго предателями въ собственномъ его станѣ; овладѣваютъ одними изъ вратъ градскихъ, осаждаютъ Дворецъ. Въ самое то время появляется Сіао - Тао - Тшенгъ: чудесами храбрости торжествуетъ надъ силами толико превосходными; освобожденъ Дворецъ и городъ, возстановлено спокойствіе и благоустройство. По совершеніи подвига столь преславнаго все ему подклоняется. Изволеніе его бываетъ закономъ Имперіи. Къ скорененію безпредѣльнаго властительства своего еще болѣе, и дабы не срѣтать въ намѣреніяхъ своихъ никакихъ препятствій, провозглашаетъ Ліэу - Юа, двѣнатцатилѣтняго отрока, совершеннолѣтнимъ. Но сей подаетъ поводы къ новымъ возмущеніямъ по низкости души своей, по поведенію, которое заставило Вельможей помышлять о избраніи инаго Императора: просятъ Ліэу-Кинг - Суа, единую оставшуюся отрасль Китайскихъ Государей, но безуспѣшно. Имѣвшіе власть въ рукахъ, опасались лишиться оныя, премѣнивъ Императора; да и удалося имъ отнять у Ліэу - Кинг - Суа титло Князя, и сопричислить его къ черьни.

Сердце Ліэу - Кинг Суа закипѣло мщеніемъ; паденіе его снискало ему новыхъ друзей, между коими много было людей военныхъ; составляетъ единомысліе, покаряетъ себѣ городъ немалой, избираетъ оный на вмѣстилище оружія, въ надеждѣ, что число прилѣпленцевъ его умножаться будетъ день отъ дня.

Но

Но расторопность Сіао - Тао - Тшенга обращаетъ все сіе въ ничто. Два искусные Полководца съ войсками, сколько могли набрать по окрестностямъ столицы, нападаютъ на войски Ліэ - Кинг - Суа съ успѣхомъ. Затворяетъ онъ врата города, однако же берутъ приступомъ; берутъ и самаго его плѣнникомъ и тотчасъ казнятъ смертію. По укрощеніи втораго сего мятежа Сіао - Тао - Тшенг учинился еще могущественнѣе. Ліэу - Ю̂ имѣлъ только титло Императора, а онъ царствовалъ самою вещію. Первый ежедневно выходилъ изъ дворца одинъ, возбраняя всякому послѣдовать за собою; ходилъ, куда же? . . . Въ питейные домы, въ харчевни, упивался съ тѣми, кого бы тамо ни находилъ, заводилъ драки, ложился на голыхъ лавкахъ, или посреди улицы, проспавшися же возвращался во Дворецъ, сказывая, что проводилъ день по вкусу своему. Подобныя неистовства производили негодованіе въ народѣ; никто однако же не смѣлъ унять Ліэу - Ю̂а, ниже говорить ему о его безпутствѣ: особливо послѣ того, какъ онъ грозилъ Императрицѣ смертною казнію, естьли услышитъ, что похулитъ его поведеніе. Вельможи подобно же застращены были, да къ тому же и представленія ихъ не помогли бы; Ліэу - Ю̂ отвѣчалъ имъ ругательствами, и поступалъ съ ними недостойно. Одинъ только Сіао - Тао - Тшенгъ могъ заставить себя послушать, но надлежало употребить насиліе; а на сіе не льзя ему было отважиться, не оказавшись измѣнникомъ. Неожиданное произшествіе рѣшило его къ тому. Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней заснулъ онъ въ Дворцовомъ саду, имѣя обнаженное чрево. Императоръ, послѣдуемый скопцами, ненарочно увидѣлъ его въ такомъ положеніи. Сіао - Тао - Тшенгъ отъ приближенія къ нему множества людей пробудился, и сталъ на ноги, ви-

видитъ насмѣхающагося ему Императора, слышитъ отъ него сіи слова: „Чрево твое походитъ на ми-„шень, въ которую пускаемъ изъ лука стрѣлы. Хо-„чу попытаться, не попаду ли я; лягъ по прежнему „и обнажися.„ Въ самомъ дѣлѣ поднесенъ колчанъ съ стрѣлами. Лієу-Ю отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, натягиваетъ тетиву, и всеконечно бы пронзилъ его, естьли бы не удалось ему отмахнуть рукою стрѣлу.

Отъ сего времяни началъ Сіао-Тао-Тшенгъ помышлять, какъ бы ему свергнуть съ престола толико недостойнаго сидѣть на немъ. Престалъ противиться желанію Вельможей, дабы провозгласить Имперію не имѣющею Государя; обѣщавается содѣйствовать всякому, кто бы ни предпріялъ погубить Лієу-Ю: обѣщаніе же таковое послужило смертнымъ приговоромъ для него.

Лієу-Ю напился до пьяна внѣ Дворца по обычаю своему: придворные скопцы отрубаютъ ему голову. Сіао-Тао-Тшенгъ увѣдомленный о томъ, велитъ войскамъ собраться на разсвѣтѣ предъ своимъ домомъ, созываетъ Вельможей и говоритъ имъ: . . . „Импера-„тора уже нѣтъ на свѣтѣ, вотъ голова его, отру-„бленная придворными скопцами и принесенная ими „ко мнѣ. Настоитъ теперь дѣло избрать намъ Го-„сударя; постараемся не ошибиться въ избраніи та-„ковомъ.„

Собраніе единогласно возопило: . . . „Не хо-„щемъ никого иннаго, окромѣ Сіао-Тао-Тшенга; онъ „одинъ того достоинъ.„

Отрицается. Принуждаютъ его; отрицается еще; представляютъ ему убѣдительныя причины, опровергаетъ оныя. Но какъ не умоляли Вельможи, какъ не преставали твердить, что онъ одинъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ могъ возвратить Имперіи прежнюю ея славу, встаетъ съ мѣста, велитъ привести предъ себя третіяго изъ усыновленныхъ дѣтей Минг-Гоанг-Тіа, младенца двухлѣтняго, и показавъ его собранію, провозглашаетъ Императоромъ.

Великодушіе притворное скрывало только отсрочку исполненія замысла Сіао-Тао-Тшенга, да учинила его еще паче заслуживающимъ престолъ, отъ коего отказывался, когда ничто уже не мѣшало ему. И тако продолжаетъ правительствовать подъ имянемъ Государя младенца, съ большимъ еще полновластіемъ, давая участіе только избираемымъ отъ него самаго. Всѣ мѣста въ службѣ гражданской и военной заняты его прилѣпленцами, и когда уже въ состояніи себя увидѣлъ не боиться, а презирать непріятелей и завистниковъ своихъ, принялъ титло Князя Тсискаго.

Между тѣмъ начинаютъ свирѣпствовать двѣ бури надъ его главою, коихъ не можетъ примѣтить. Нѣкто, имянемъ Шен Ю Тше, созвалъ воинство мстить смерть Ліэу-Юэ, воинство, болѣе нежели во стѣ тысячахъ ратникахъ. Съ другія стороны при Дворѣ избиралися мѣры къ погубленію его. Многіе, на коихъ вѣрность къ себѣ надѣялся, участвовали въ томъ. Троискамъ дворскимъ предпоставилъ неустрашимость свою, отъ которой возтрепетали и самые отважнѣйшіе зломышленники. Провидитъ ковъ ихъ, обращаетъ въ ничто ихъ умыселъ, прежде нежели оный открылся.

ся. Нѣкоторыхъ уличивъ въ преступленіяхъ истинныхъ, или затѣянныхъ токмо, казнитъ смертію. Тѣхъ, къ коимъ не столь легко прицѣпиться было можно, опредѣляетъ къ должностямъ внѣ столицы, какъ бы то было въ награжденіе имъ.

Противу ополченія Шен-Ю-Шея посылаетъ таковое же подъ предводительствомъ самыхъ навычныхъ Полководцевъ, которые и не замедлили прогнать мятежниковъ. Одинъ изъ оныхъ, имянуемый Гоанг-Гои, изъ ближайшихъ наперстниковъ Сіао Тао Тшенга, былъ между заговорными противъ друга и благодѣтеля своего. По причисленіи его къ вождямъ воинства увѣрился, что остается неузнаннымъ. Какъ побѣждены и разсѣяны стали мятежники, пишетъ къ сему другу своему, прося награды, соразмѣрной заслугѣ его къ отечеству.

Сіао-Тао-Тшенгъ вѣдая совершенно, сколько можетъ быть опасенъ начальствующій надъ войсками въ смутныя времяна, притворяется, будто бы не извѣстна была ему измѣна Гоанг Гоія; обходится съ нимъ по прежнему, какъ съ наилучшимъ другомъ и на письмо его тако отвѣчаетъ: .. „Требованія твои, любезнѣйшій „мой, справедливы. Никто паче меня не готовъ къ удо„влетворенію оныхъ. Пріѣзжай сюда, подумаемъ обще „съ тобою, какъ приступить къ тому; не теряй вре„мяни: число просителей наградъ день отъ дня стано„вится болѣе. Познаю, что не въ силахъ буду удо„вольствовать всѣхъ; познаю однако же и то, чемъ я „долженъ моимъ друзьямъ. Ожидаю тебя.„ Гоанг-Гоэи прибылъ. Въ тотъ же самый день взятъ подъ стражу, допрашиванъ о соучастіи въ вышесказанномъ заговорѣ: осужденъ и лишенъ жизни.

Какъ истреблены уже стали даже до единаго могшіе сопротивляться ему, рѣшится присвоить себѣ престолъ. Преданные ему подъ прикровомъ общаго блага, начали убѣждать его къ тому усильнѣе прежняго. Составили на письмѣ отреченіе для младенчествующаго Государя, который признавался, что не можетъ понести тягости сына Императорскаго, и уступаетъ оный Сіао-Тао-Тшенгу, наидостойнѣйшему царствовать изъ всѣхъ его подданныхъ. Не трудно имъ было преклонить его къ подписанію отреченія сего; ибо могли къ тому принудить.

Нещастный сей младенецъ отвозится въ домъ, нарочно для него приготовленный въ нѣкоторомъ разстояніи отъ столицы. Подъ видомъ оказанія ему достодолжныхъ почестей, окружаютъ жилища его стражею, даютъ ему назирателей надъ поведеніемъ его.

Сіао-Тао-Тшенгъ признанъ и провозглашенъ однимъ законнымъ Самодержцемъ такъ тогда называннаго Средняго Царства. Предшественнику своему налагаетъ онъ титло Князя первыя степени: династію же, которыя становится родоначальникомъ, имянуетъ Тсискою.

По прошествіи мѣсяца толпа злодѣевъ врывается во Дворецъ сверженнаго Императора, умерщвляетъ его со всемъ его семействомъ, не пощажены ниже женщины и младенцы. Не льзя, чтобъ не было предварительнаго на то согласія между убійцами и стражею; не льзя, чтобъ непроизошло по какому нибудь вышшему велѣнію; не льзя къ сожалѣнію не порицать смертію двухъ Императоровъ особы, которая владычествовала

надъ

надъ Китаемъ столь преславно. Сіао-Тао-Тшенгъ одаренъ былъ природою всѣми тѣми качествами, которыя учиняютъ Государя совершеннымъ. Былъ кротокъ, смиренномудръ, доступенъ, снизходителенъ, состраждущъ. Средства строгія тогда только избиралъ, когда никакія другія не успѣвали. Осанку и поступь имѣлъ степенныя; былъ врагъ роскоши, никто и никогда его не видывалъ излишествующа въ пищіи и забавахъ. Должности чиновъ въ Государствѣ до вступленія на престолъ исполнялъ тщательно; завистниковъ и непріятелей своихъ заставлялъ дивиться тому и почитать себя; словомъ, великая его душа превыше была страстей, свойственныхъ человѣкамъ вообще; естьли бы и не былъ напослѣдокъ Императоромъ, заслуживалъ бы помѣщеніе отличное посреди наизнаменитѣйшихъ Полководцевъ, искуснѣйшихъ Государственныхъ Дѣловцевъ, ученыхъ мужей первыя степени: ибо былъ таковъ въ самой вещи. Владычествуя народами, трудился неутомленно объ ихъ благоденствіи. Царствованіе его продолжалося не болѣе трехъ лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцовъ. Скончался на пятьдесятъ четвертомъ году отъ рожденія, въ четыре ста восемьдесятъ второмъ по Христѣ, и погребенъ въ Тан-Нган-Лингѣ. По смерти прозванъ Тси-Као-Гоанг-Ти; наслѣдовалъ по немъ сынъ его.

XLIV.

Леанг-У-Ти, Императоръ.

Родовое имя его Сіао, потомокъ, равно какъ и основатель династіи Тсискія, знаменитаго Сіао-Гоа, который былъ вѣрный сотоварищъ основателя же великія династіи Ганскія, и наиболѣе прочихъ способствовалъ ему утвердиться на престолѣ. Собственное его имя было Іэнъ, прозваніе же Шу-Тэ, рожденъ въ Лэн-Лингѣ. Сказываютъ, что какъ токмо произшелъ изъ матерней утробы, вдругъ освѣтило необычайное нѣкое сіяніе; а сіе и принято тогда же, что будетъ онъ великій человѣкъ. Глаза его уподобляли современники солнцу; видъ лица важной внѣшности дракона, на языкѣ у него изображалась буква Па, что значитъ восемь, на правой же рукѣ явственно зрѣлися двѣ буквы У-Ти; будто бы шея его лоснилась, какъ ледъ; будто бы съ первыхъ недѣль жизни могъ ходить, не бывъ никѣмъ поддерживаемъ; будто бы тѣло его не давало никакой тѣни, закрывая собою солнце, и что не могъ никто на него взирать, не почувствовавъ страха, съ почтеніемъ растворенннаго.

Возмужавъ при всякихъ случаяхъ оказывалъ превосходный умъ, зналъ грамоту лучше учившихся оной; просвѣтилъ себя Науками, какъ бы хотѣлъ долженствовать имъ саномъ, до коего достигнулъ.

Въ царствованіе Тшу-Пао-Кіуэнэ, инако же нарицаемаго Тунг-Гуэн-Геуа, сирѣчь Государя востночныхъ замѣшательствъ, четвертаго Императора династіи Тсискія, Сіао-Іэнъ былъ Полководцемъ Гіанг-Янгскимъ. Ратниковъ привелъ въ лучшее состояніе; часто

часто заставлялъ ихъ упражняться въ воинскихъ обращеніяхъ, подавая собою примѣры. Награждая отличающихся, поощрялъ другихъ. Ко всѣмъ же былъ снизходителенъ. Сверьхъ подначальныхъ себѣ участковъ, составилъ новый въ десяти тысячахъ природныхъ Китайцахъ, дабы, когда настанетъ нужда, употребить ихъ противу враговъ отечества, угрожаемаго тогда оными. Врагами отечества разумѣлъ шесть Государственныхъ Дѣловцевъ. Говаривалъ, что „Императоръ раздѣлялъ съ нимъ правленіе Государства; „что по природному своему безчеловѣчію уже ненавидимый, по природной же своей неспособности и „распутной жизни уже презираемый, не замедлитъ „разпространить по всему Китаю междуусобіе.„ Да и не обманулся. Сказанные Дѣловцы поссорились, каждый открылъ себя особымъ мятежникомъ. Князи и Вельможи неосталися спокойными зрителями того: начали соучаствовать одни тому, другіе иному. Восприняли начальство надъ войсками, собранными отъ нихъ. Но какъ большая часть были люди безъ навыка, то въ короткое время низложены войсками Императорскими, померли или и съ оружіемъ въ рукахъ, или на мѣстахъ лобныхъ.

Сіао-Іэнъ явно не помогалъ никому, а только дѣйствовалъ оружіемъ противу внѣшнихъ непріятелей, не примѣтно готовяся предписывать законы всѣмъ враждующимъ между собою внутри отечества. Хотѣлъ, чтобъ прежде изнурилися сами собою, дабы всѣхъ до единаго побѣдить, когда приспѣетъ удобное время.

Императоръ день отъ дня становится безчеловѣчнѣе, и началъ поступать на насильства неслыханныя до того. Самаго неосновательнаго подозрѣнія до-

довольно для него было къ умерщвленію наиближайшихъ сродниковъ. Многіе изъ таковыхъ казнены, не оскорбивъ его не только на дѣлѣ, но ниже словами. Сіао-И, братъ Сіао-Іэна, былъ изъ того числа. Храбрость его, толикократно доказанная противу непріятелей Государства, и достоинства его личныя, учиняютъ его подозрительнымъ. Та самая громкая заслуга, что одержалъ полную побѣду единымъ разомъ надъ всѣми мятежниками, которые держали уже въ осадѣ Императора въ самой его столицѣ, учинила его еще болѣе ненавистнымъ сему мучителю. Посылаетъ ему ядъ вмѣсто награды. Еще не осушилися глаза Сіао-Іэна по смерти братней, какъ освѣдомляется отъ друзей своихъ при Дворѣ, что готовятъ подобный же жребій ему и Князю Нан-Канскому, родному брату Императора. Называются имянами Чиновники, которые будутъ посланы съ тѣмъ къ обоимъ имъ. Сіао-Іэнъ ограждаетъ себя осторожностьми, совѣтуетъ то же самое и Нан-Ганскому Князю; совѣтуетъ, дабы присоединилъ войски свои къ его войскамъ. между тѣмъ же испытываетъ вѣрность подвластныхъ себѣ, которые всѣ клянутся ему не оставлять его съ пролитіемъ всея крови своей.

Издаетъ письмянное Провозглашеніе въ народъ, коимъ призываетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, помогать ему въ истребленіи мучителя, не престающаго обагрять престолъ кровію подданныхъ и безславить оный распутствами. Удостовѣрялъ, что единою необходимостію заставленъ принять оружіе; ибо нѣтъ инаго средства обезпечить жизни всѣхъ жителей Китая, удержать престолъ въ семействѣ Тсискомъ, къ коему и онъ самъ принадлежалъ. Провозглашеніе таковое успѣло по желанію. Многіе Князи и мужи знаменитые стекаются къ нему, приводя за собою

бою довольное количество ратниковъ. Увидѣлъ онъ ополченіе, могущее предначинать все. Самъ Князь Нан-Кангскій, прежде колебавшійся поступить по совѣту его, узнавъ, что долженствующій его лишить жизни уже ближится къ нему, не допустивъ его за нѣсколько дней пути до своего города, велитъ его умертвить и по томъ отправляется къ соединенію съ Сіао-Іэномъ.

Начальники ополченія послѣдняго соединяся, приступаютъ къ сверженію Императора съ престола, къ возведенію на оный единаго изъ братей его, къ избранію Государственныхъ Дѣловцевъ и всѣхъ иныхъ знатнѣйшихъ Чиновниковъ. Сіао-Іэну же даютъ верьховную власть надъ всѣми ратными людьми въ Китаѣ; по томъ идутъ вооруженною рукою, овладѣваютъ городами, побѣждаютъ войски сверженнаго Императора, подступаютъ къ столицѣ, которая и сдается имъ убійцами послѣдняго, которые повергли къ ногамъ ихъ отрубленную ими голову его. Новоизбранный Императоръ признанъ большимъ числомъ голосовъ. Виды Сіао-Іэна однако же не оканчевалися тѣмъ: замышляетъ взойти на престолъ, по тому наипаче праву, что братья убіеннаго Императора не происходили отъ крови Тси-Као-Гоанг-Тія, а только были дѣти, усыновленные Минг-Гоанг-Тіэмъ: слѣдовательно чужеродцы въ семействѣ Сіаоскомъ. Но прежде открытія намѣренія своего рѣшится согнать съ свѣта всѣхъ сихъ Князей, что и удается ему. Новый Императоръ, понявъ опасность и для самаго себя, спѣшитъ спасти жизнь уступленіемъ престола.

Сіао-Іэну предстаютъ отъ него съ Государственными печатьми, которыя пріемлетъ яко долж-

ное себѣ, и въ награду за то налагаетъ ему титло Князя Па-Лингскаго. А дабы не быть ему никогда тревожену отъ него, чрезъ немногіе дни повелѣваетъ его удавить. Толикія красоты ума и сердца Лянг У-Тіева заслуживали забвеніе того, какъ воцарился онъ; но нѣкоторые Князи и Вельможи инако разсуждали. Начались происки, возникли смятенія. Императоръ, отъ вниманія коего ничто не избѣгало, укрощаетъ мятежниковъ. Великостію души, мудрымъ поведеніемъ, уличаетъ враговъ и завистниковъ своихъ, колико онъ достоинъ престола. Щастливо бы окончалъ жизнь, когда бы въ преклонности вѣка своего не уподобился Бонзамъ: наложилъ на себя постъ, несравненно строжайшій предъ многими изъ нихъ. Вмѣсто Государственныхъ Дѣловцевъ и ученыхъ мужей допускаемы къ нему только стали ханжи и раскольники, которые напослѣдокъ развратили его разумъ даже до того, что началъ обожать Фоа и покланяться ему; воздавать ему почести, какія воздавалися древними Императорами самому Шанг-Тію (Господу Богу). Великаго числа храмовъ, воздвиженныхъ въ честь чужеземнаго сего лже-бога, показалось ему не довольно. Построилъ новые съ безпримѣрнымъ великолѣпіемъ. Деньги, которыя расточалъ прежде съ толикою пользою къ процвѣтанію Государства, къ облегченію народа, на жалованіе Полководцевъ и Судей, оказывавшихъ заслуги, къ награжденію мудрыхъ и ученыхъ мужей, на пристроеніе сиротъ и престарѣлыхъ, обращены были къ утучненію въ нарочно устроенныхъ огромныхъ зданіяхъ толпы тунеядцевъ безъ всякихъ дарованій, чуждыхъ добродѣтелей, за которыми только было дѣло, что окуривали благовоніями истукана своего Фоа.

Здраво

Здраво мыслящая часть народа оплакивала прежде втайнѣ столь вредную премѣну, а по томъ и явные услышаны были ропоты, когда Леанг-У-Ти началъ презирать представленія ему о томъ.

Между тѣмъ послѣдовало произшествіе, могшее подвергнуть власти его всѣ тѣ области, которыя составляли Китай подъ древними Императорами; но не восхотѣвъ воспользоваться тѣмъ, ускорилъ паденіе свое. Былъ онъ тогда въ войнѣ съ Царемъ Уэнскимъ; за послѣднимъ состояли уже тогда Сѣверныя области Имперіи. Полководцы его многажды низлагали непріятельскія войски. Царь ихъ умеръ: между ближними ему по крови произошли раздоры. Одинъ изъ нихъ предавался Леанг-У-Тію въ званіи данника, и уступалъ всѣ города и крѣпости ему повинующіяся, естьли подкрѣпитъ его помощными войсками къ одержанію верьха надъ его соперниками. Леанг-У-Ти, внемля развратные совѣты окружавшихъ его, отрицается; заключаетъ миръ, во время, въ которое могъ бы покрыть себя славою. Начальствовавшій ополченіемъ его оскорбился, удерживаетъ его отъ замиренія, но тщетно; получаетъ велѣніе явиться ко Двору, яко подозрительный въ вѣрности. Вмѣсто послушанія издаетъ прочетную грамоту въ народъ. Въ онойререкая поведеніе Императора, паче же привязанность его къ Бонзамъ, убѣждаетъ вѣрныхъ сыновъ отечества соединиться съ собою, и взаимными силами приводить на путь должности отъ онаго удалившихся. Между тѣмъ овладѣваетъ многими крѣпостьми, вводитъ въ нихъ охранныя войски.

Императору врученъ былъ списокъ съ наглаго таковаго провозглашенія: смѣется только тому, и нарицаетъ Гао - Кинга сумасшедшимъ (Гао - Кингъ было имя возбунтовавшемуся Полководцу). Повелѣваетъ укротить безъ замедленія мятежниковъ; ополченіе свое вѣряетъ единомышленнику Гао - Кинга. Послѣдній, возгордяся успѣхами, буйствуетъ наипаче, емлетъ многіе города по предательству, или трусости начальниковъ оныхъ: нашедъ же наконецъ себя властителемъ немалой части Имперіи, идетъ прямо ко Хіэн-Кангу, и осаждаетъ самаго Императора.

Леанг - У - Ти, услышавъ о томъ и воздохнувъ изъ глубины души, произнесъ: . . „Я возвелъ семей„ство мое на степень высочайшую между смертными; „мною оное и низринется. Тако угодно Тіэну! По„коримся изволенію Его.„ Почти въ самое приближеніе Гао - Кинга отворяются предъ нимъ врата столицы, входитъ не яко побѣдитель, а Государь, находившійся долгое время въ отлученіи. Послѣдуемый наивѣрнѣйшими друзьями и многочисленною стражею, предстаетъ Императору. Сей въ послѣдній разъ оказываетъ себя, какимъ онъ былъ въ наилучшіе дни жизни своей; говоритъ ему равнодушно: . . . „Ты „здѣсь, Гоа - Кингъ? Не ждалъ я тебя такъ скоро. „Изыди же изъ чертога моего; скоро узнаешь, что „я тебѣ прикажу. Признаюсь тебѣ, что война уже „наскучила мнѣ.„

Гао - Кингъ оробѣлъ, уста его запечатлѣлись, не могъ произнести ниже единаго слова, хладный потъ полился изъ всѣхъ частей тѣла его, падаетъ къ ногамъ Государя своего, біетъ челомъ троекратно:

вои-

воины его удаляются, двое только изъ друзей не отступаютъ отъ него. Нѣтъ сомнѣнія, что можно было тогда отослать его подъ стражу.

Гао-Кингъ одумывается и становится дерзостенъ. Приказываетъ воинамъ своимъ заступить мѣсто тѣлохранителей Императорскихъ; все иный видъ получаетъ. Не провозглашая себя Государемъ, поступаетъ какъ бы дѣйствительно уже воцарился, и никто не отваживается противорѣчить ему.

Леанг-У-Ти, хотя уже восьмидесяти лѣтъ отъ рожденія, сноситъ нещастіе съ твердостію духа ироическою; однако же отъ печали умираетъ по немногихъ дняхъ. Владычествовавъ сорокъ восемь лѣтъ по пять сотъ сорокъ девятой годъ по Христѣ, погребенъ въ Сіэу-Лингѣ.

Бонзы описываютъ его какъ человѣка чрезвычайнаго, какъ единаго изъ святыхъ своихъ. Политиками изображается великимъ воиномъ, правителемъ мудрымъ; Ученые его выдаютъ покровителемъ Наукъ, щедрымъ: единое установленіе почестей Конфуціусу разумѣютъ безсмертною для него славою. Бонзамъ кажется онъ совершенно безпорочный, Ученые же и Политики находятъ въ немъ и добродѣтели и пороки.

XLV.

Тшао-Минг, Таи-Тсеэ.

Сынъ Леанг-Тіа, родоначальникъ третіей изъ пяти малыхъ династій. Историки утверждаютъ, что умъ его созрѣлъ прежде возмужанія. Поставляютъ его первѣйшимъ изъ отроковъ прославившихся. На шестомъ году зналъ уже всѣ книги наизусть (какъ бы сказалъ кто нибудь у насъ въ Европѣ, что пятилѣтній младенецъ можетъ читать наизусть всю Библію). До сего времяни Наукою имяновалось выговаривать затверженное, какъ выговариваютъ же и попугаи. Еще по пяти лѣтахъ будто бы могъ уже толковать самыя труднѣйшія мѣста И Кинга, Ше-Кинга и Шу-Кинга. Послѣ началъ прилѣжать къ Исторіи, и возъимѣлъ удивительные успѣхи: никакое произшествіе, никакое стеченіе случаевъ, законы изданные и отмѣненные, не были ему неизвѣстны; вѣдалъ, въ какое точно время какой либо знаменитый мужъ жилъ, чемъ наипаче прославился; словомъ, на всякіе вопросы отвѣтствовалъ достаточно. На пятнатцатомъ году отецъ объявилъ его своимъ преемникомъ, и по тогдашнему обычаю отведенъ ему былъ особый Дворецъ Тунг-Кунгскій, или Дворецъ возходящаго солнца. Вмѣсто всякаго рода забавъ, всѣ часы пребыванія своего тамо посвятилъ ученію. Многія сочиненія вышли изъ подъ пера его. Неумѣренная прилѣжность и корпѣніе, такъ сказать, надъ книгами и бумагою, сократило его вѣкъ; скончался на двадцать пятомъ году отъ рожденія.

По смерти почтенъ титломъ Тшао-Минга, сирѣчь сіявшаго. Таи-Тсеэ есть обычайное названіе на-

наслѣдниковъ престола, какъ Дофиновъ во Франціи. Тшао-Минг, Таи-Тсеэ, жилъ на свѣтѣ между пятьсотъ двапцатымъ и пять сотъ сороковымъ годами по Христѣ.

XLVI.

Тшен-У Ти, ИмператорЪ.

Собственное его имя Па-СіэнЪ, прозваніе ТшенЪ, почетное титло Гинг-Куэ; потомокЪ Тшен-Шеа, Мандарина степени Таи-Кіэу-Тшанга, жившаго вЪ царствованіе ГановЪ. Па-СіэнЪ родился вЪ У-ГинрѢ.

Во младости отличаемЪ сталЪ степеннымЪ поведеніемЪ и благородными поступками. КЪ НаукамЪ началЪ прилѣжать вЪ такіе годы, какЪ многіе уже перестаютЪ учиться. СклоненЪ паче всего былЪ кЪ ратному дѣлу. Поручены ему были войски на Государственных рубежахЪ отЪ сторонЪ Ко-Хин-Хинской и Тон-Кингской. Мятежи вЪ послѣдней онЪ укротилЪ, а за то пожалованЪ былЪ странонача ьникомЪ области Кантонской.

По смерти Леанг-У-Тія, не находя себя вЪ силахЪ противиться Гао-Кингу, нажидалЪ появленія защитниковЪ семейства Императорскаго. Скоро настало время избирать только ему, кЪ кому присоединяться: Князи крови начали взаимно враждовать противу общаго ихЪ врага.

Тшен-Па-СіэнЪ пріобщился кЪ Сіао-Іу, старшему сыну Леанг-У-Тія; ибо престолЪ принадлежалЪ ему по праву. ДолженствовалЪ отправиться кЪ нему, но путь былЪ далекой, трудный и занятый непріятельскими войсками: однако же все оное преодолѣваетЪ. Предводительствуя старымЪ и навычнымЪ войскомЪ, приближается кЪ славной горѢ Та-Ю-ЛингѢ; прорубается сквозь недопускавшихЪ его шествовать;

вать; гонится за ними даже до города Наи-Канга и покоряетъ его Сіао-Іуу. Сей, ободряся толь удачными начатками, а паче пріобрѣтеніемъ Полководца, каковъ былъ Тшен-Па-Сіэнъ, провозглашаемъ бываетъ Императоромъ; издаетъ прочетную грамоту противу Геу-Кинга, созываетъ вѣрныхъ сыновъ отечества подъ знамена свои.

Тшен-Па-Сіэнъ пріобщаетъ побѣду къ побѣдѣ. Уже многіе города повинуются ему, а чрезъ преславное низложеніе войска Геу-Кингова и взятіе города Ше-Теуа, снискиваетъ безсмертную славу.

При Геу-Кингѣ остается только небольшое число друзей его; всѣ же прочіе или были побиты, или плѣнены, или вступили въ службу къ Тшен-Па-Сіэну: ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, но чрезъ немногіе дни пойманъ на ладьѣ и изрубленъ въ части.

Сіао-И признанъ торжественно Императоромъ, но недоставало ему способности удерживать престолъ во времяна столь смутныя. Высокомѣріе и безпечность послужили причиною его гибели. Изъ братій его Сіао-Ки ушелъ къ Татарамъ; избралъ мѣстомъ пребыванія своего страну Шускую. Узнавъ о убіеніи Геу-Кинга, пришло ему на мысль, что только должно возвратиться въ Китай, то и будетъ признанъ Императоромъ. Татары отпускаютъ съ нимъ помощныя войски. Сіао-И не удостоиваетъ Сіао-Кія вступленія въ переговоры съ собою; а довольствуется обѣщаніемъ дать ему удѣлъ, естьли будетъ жить спокойно въ странѣ Шуской. Послѣдній соглашается; но скоро по томъ бываетъ развращаемъ вредными со-

совѣтами. Воинство его побѣждено братнинымъ Полководцемъ Фан-Монгомъ, который и его самаго плѣнивъ, лишаетъ жизни.

Императоръ не находитъ уже болѣе, чего бы ему опасаться. Тшен-Па-Сіанъ посланъ съ отборными ратниками къ Кинг-Кеуу, мѣсту важному въ тогдашнее время. Другой же военачальникъ Уанг-Шенг-Піанъ, въ городъ Кіан-Кангъ для охраненія онаго. Татары оскорбилися умерщвленіемъ Сіао-Кіа. Царь Уанскій сверьхъ того желалъ мстить обиду личную отъ Императора, который говорилъ нѣкогда объ немъ презрительно, и Посламъ его не оказалъ должныхъ почестей. Скрытно готовится къ войнѣ, и не прежде явно стало его намѣреніе, какъ когда уже ополченіе его приближилось къ Кіанг-Лингу. Сіао-И находился въ городѣ семъ: вышелъ на встрѣчу непріятелей съ небольшимъ войскомъ; однако же прогнанъ и принужденъ возвратиться въ городъ, который надѣялся защищать до прибытія Уанг-Шенг-Піана, повелѣвъ ему какъ наискорѣе поспѣшать на помощь. Уанг-Шенг-Піанъ былъ весьма далеко: слѣдовательно непріятели имѣли время взять городъ и разорить; самому же Императору по плѣненіи его дать смерть.

Уанскій Царь, удовольствовавъ мщеніе свое, нарекъ Государемъ Китаю Піао-Тша, изъ семейства Леангскаго. Оставилъ ему владѣть страною, которую завоевалъ мимоходомъ; снабдилъ надежными войсками, съ коими покорялъ бы онъ себя и прочія части Китая: послѣ же возвратился во своя. Піао-Тша учинился Императоромъ однимъ имянемъ внѣ области Кинг-

Кинг-Тшеускія, коею пожаловалъ его Уэнскій Царь; нигдѣ его не уважали. Вельможи собрались въ городѣ Кіэн-Кангѣ, и возвели на престолъ законнаго наслѣдника Сіао-Фанг-Тшея, единаго остававшагося вживѣ изъ сыновъ Сіао-Юэн-Тія, хотя не старѣе былъ тогда тринатцати лѣтъ.

Уанг-Шенг-Піэнъ не находилъ его удобнымъ правительствовать Имперіею по малолѣтству, его и предпріялъ возвести на его мѣсто Сіао-Юэн-Минга, сына Уэн-Тіева, дядю юнаго Императора. Имѣя же подъ собою большую часть войскъ, безъ труда исполнилъ дѣло сіе.

Тшен-Па-Сіэнъ хотя былъ искренній другъ Уанг-Шенг-Піэну, однако же явно хулилъ его поступку. Вѣрность, коею былъ долженъ Государю законному, обязывала его въ званіи, которое занималъ, всячески удерживать его на престолѣ. Пишетъ къ нему, изображаетъ, въ чемъ состоитъ его должность; приводитъ на память знаки довѣренности покойнаго Императора, завѣщававшаго ему служить ревностно его дѣтямъ; проситъ способствовать во всемъ юному Государю, уже признанному Императоромъ, и ничего не оставляетъ къ подкрѣпленію того самымъ дѣломъ: но Уанг-Шенг-Піэнъ неумолимъ. Упорствуетъ признавать Императоромъ Сіао-Юэн-Минга, вмѣняя за многое, что сверженнаго Сіао-Фанг-Тшея доставляетъ титломъ наслѣдника къ престолу.

Тшен-Па-Сіэнъ отъ сего времяни дружество свое ко Уанг-Шенг-Піэну превращаетъ въ не-

нависть. Видитъ въ немъ измѣнника, достойнаго наилютѣйшихъ казней. Съ войсками, подвластными ему, идетъ прямо къ городу Ше-Теуу, въ намѣреніи осадить въ ономъ Уанг-Тшенг-Ціэна; но сей его упреждаетъ. Срѣтается съ нимъ, вступаетъ въ битву, но побѣждается и бываетъ казненъ смертію. Тшен-Па-Сіэнъ возводитъ сверженнаго Сіао-Юэн-Минга по прежнему на престолъ.

Доселѣ видѣли мужа сего только великимъ военоносцемъ, но по томъ чрезъ весь остатокъ жизни своей оказуется вѣрнымъ защитникомъ Государей своихъ противу внѣшнихъ и внутреннихъ непріятелей, добрымъ гражданиномъ, наблюдающимъ въ самомъ строгомъ смыслѣ законы и обычаи отечества, любителемъ и покровителемъ Наукъ. Имѣлъ онъ осанку и поступь степенныя, со всѣми обходился бережно, носилъ самыя простыя одежды; на столъ его не подавалося ничто лакомое: всегда былъ одинаковъ; страшенъ съ оружіемъ въ рукахъ, кротокъ и снизходителенъ въ бесѣдахъ. Всякой разъ предпочиталъ средства миролюбныя суровымъ, когда доставали оныя къ достиженію цѣли его.

Таковый мужъ не могъ не снискать отъ соотечниковъ всеобщаго почтенія, или еще нѣчто болѣе. Говорили объ немъ какъ о нѣкоей рѣдкости, и говорили завсегда съ похвалами. Но по послѣдней его заслугѣ Императору, любочестіе овладѣло его сердцемъ. Возхотѣлъ владычествовать, принялъ титло верьховнаго Полководца и Государственнаго Правителя. Знатнѣйшіе чины, воинскіе и гражданскіе, на-

началъ раздавать сродникамъ, друзьямъ и прилѣпленцамъ своимъ. Между тѣмъ малолѣтный Императоръ провождаетъ жизнь въ забавахъ, свойственныхъ возрасту его; во всемъ на него полагается, на все ему поступать позволяетъ.

Зависть не изливала еще до сего времяни яда своего противу Тшен-Па-Сіэна, и казалась какъ бы усыпленною имъ. Внезапу пробуждается и подъемлетъ на него двухъ сильныхъ непріятелей, отъ коихъ бы всякій иный долженствовалъ погибнуть. Первый былъ Сіао-Пу, военачальникъ въ области Коанг-Тшеуской; другій же славный оный Уанг-Лингъ, у котораго подъ властію находилось ополченіе на рубежахъ Тшанг-Шаскихъ. Сіао-Пу, отъ крови Императоровъ, разсудилъ имѣть право явно пререкать произшедшее при Дворѣ; находилъ противузаконнымъ сверженіе Сіао-Минга, который по мнѣнію его достоинъ былъ царствовать, и что возведенъ на его мѣсто младенецъ; ни во что вмѣнялъ, что сей самый младенецъ былъ уже давно признанъ вступившимъ на престолъ по праву и рожденію. Началъ проискивать о воцареніи Сіао-Юэн-Минга, собралъ войско и выступилъ въ походъ. Многіе города ему покорились; городъ Ше-Теу безъ дальнаго труда взялъ приступомъ, и былъ уже на пути къ столицѣ, когда Тшен-Па-Сіэнъ двигнулся къ нему на встрѣчу.

Присланы были призывы къ обоимъ старымъ, привыкшимъ побѣждать, подъ нимъ участкамъ ратниковъ, которые размѣщены были по разнымъ крѣпостямъ охранять оныя. Не взирая на превосходство силъ противника своего, одерживаетъ надъ нимъ

полную побѣду, и пользуется оною, какъ приличествуетъ великому мужу. Прощаетъ побѣжденныхъ, даруетъ имъ свободу, а нѣкоторымъ изъ нихъ раздаетъ чины и должности въ Государствѣ. Таковое поведенie уловляетъ сердца, и довольно бываетъ само по себѣ доставить его безсмертною славою, естьли бы удовольствовался, утвердивъ во вторый разъ Государя своего на престолѣ. Но славолюбie никогда и ни чемъ ненасытимо! Былъ онъ верьховный Полководецъ, первый Министръ, всякаго рода Государственныя дѣла преходили чрезъ его руки, имѣлъ власть безпредѣльную; но всего онаго казалося ему еще мало: возхотѣлъ украсить имя свое титломъ Князя Тшенскаго, что и получилъ.

Еще остается для него страшный непрiятель въ особѣ Уанг-Лина, о коемъ уже помянуто выше; но какъ находился сей въ отдаленности, то не разсудилъ итти самъ къ нему для усмиренiя его, а поручилъ то двумъ искуснымъ военачальникамъ, коихъ храбрость и привержение къ себѣ уже испыталъ. По отбытiи ихъ, приступаетъ къ исполненiю наиважнѣйшаго своего замысла.

Княжеское достоинство, которымъ былъ пожаловзнъ отъ Императора, разумѣлъ первымъ шагомъ къ престолу. Не отваживаяся насильственно согнать возведенца своего на оный, преклоняетъ его уступить ему самопроизвольно. И тако Тше-Па-Сiэнъ признанъ Императоромъ съ обычайными обрядами.

Такимъ образомъ кончилась Леангская династiя и настала Тшенская, коея Тшен-Па-Сiэнъ учинил-

нился родоначальникомъ. При Дворѣ не произошло ни малѣйшаго замѣшательства. Прежній Государь, послѣдуемый многочисленнымъ Дворомъ, удаляется въ особый домъ, предуставленный ему. Подъ видомъ почести окружается стражею: новый же Государь входитъ торжественно въ жилище Сына Неба.

Но по областямъ увидѣли совсѣмъ иное. Многіе Вельможи въ знаменитѣйшихъ чинахъ откровенно обьявили себя врагами Тшен Па-Сіэна, имяновали его хищникомъ. Набрали войски въ намѣреніи, какъ говорили, возстановить законнаго Императора; двигнулися къ столицѣ. Тшен-Па-Сіэнъ не остается празденъ. Старыхъ воиновъ, подъ предвожденіемъ навычныхъ чиновниковъ, отряжаетъ противу ихъ, и мятежи укрощаются. Послѣдовало только ускореніе смерти Кинг-Тіа; ибо по мнѣнію Тшен-Па-Сіэна, необходима была для спокойствія Имперіи. . . . Послѣднее злодѣяніе славолюбія его. По истребленіи потомства Леанговъ, не находилъ уже, чего бы ему опасаться, и обратилъ всѣ свои попеченія оказывать свѣту старинныя свои доблести и добрѣ править Государствомъ. Замирился со всѣми неотрекшимися отъ того, простилъ побѣжденныхъ имъ. Науки привелъ въ состояніе цвѣтущее, въ чины и всякія иныя общественныя званія сталъ опредѣлять мужей мудрыхъ, награждать достоинства и во всемъ такъ поступать, что заслужилъ всеобщую къ себѣ довѣренность и почтеніе. Даже завистники не находили уже, чемъ бы его порицать. Чрезъ два года заболѣлъ къ смерти. Не имѣя дѣтей, наимяновалъ наслѣдникомъ по себѣ одного изъ племянниковъ, сына старшаго своего брата, сорока лѣтъ отъ рожденія; ибо

ви-

видѣлЪ вЪ немЪ способности кЪ удержанію снисканной имЪ славы и престола вЪ потомствѣ его. По немногихЪ дняхЪ скончался на восемьдесятЪ девятомЪ году вѣка своего, вЪ пять сотЪ пятьдесятЪ девятомЪ по Христѣ; погребенЪ вЪ Уан-Иган-Лингѣ.

XLVII.

*Суи-Уэн-Ти, Император*ъ.

Родовое его имя Янгъ, собственное Тіэнъ, прозваніе въ молодости На-Іэн-Ло, потомокъ Іанъ-Тшена, занимавшаго первѣйшія мѣста Имперіи во времяна Ганскія династіи и прославившагося дарованіями и добродѣтелями своими. Отецъ его былъ страноначальникъ Суиской по самую кончину свою. Янг-Кіэнъ наслѣдовалъ сіе по немъ званіе, подтвержденное Княземъ Тшеускимъ, коего былъ подданный. Князю Тшеускому принадлежала Сѣверная часть Китая, и нарицалъ онъ себя Императоромъ; правители же областей его страноначальниками Имперіи. Янг-Кіэнъ, по должности званія своего часто употребляемъ былъ при отправленіяхъ торжествъ Дворскихъ. Степенность его, точное наблюденіе обязанностей своихъ, крайняя воздержность въ словахъ, ибо говаривалъ весьма рѣдко, а притомъ мрачный видъ лица и глубокая задумчивость, не были по вкусу придворныхъ, которые любили заниматься мѣлочьми; которые по большой части были разскащики веселаго и шутливаго нрава. Возненавидѣли его, оклеветали: донесено было Князю Суискому, что опасный сей для него человѣкъ питаетъ въ сердцѣ своемъ великіе замыслы: слѣдовательно не должно вѣрять ему важныхъ Государственныхъ чиновъ; понеже опытности доказуютъ, что не можно довольно оградиться отъ подданныхъ такого роду предосторожностьми.

Янг-Кіэнъ проникъ заговоръ, но притворялся. Вмѣсто жалобъ, вмѣсто мщенія, скрываетъ дальновидныя свои намѣренія, дабы не подать къ подозрѣ-

німъ причины. Была у него дочь рѣдкой красоты и благонравія; Князь Тшеуской увидѣлъ ее и взялъ въ число женъ своихъ.

Ставъ тѣстемъ Князя, или, какъ тогда называли, Сѣвернаго Императора, начинаетъ устроивать прочное основаніе замышляемой имъ знаменитости. Странъ Суиской испрашиваетъ титло Княжества. Дочь его, которую возлюбилъ Императоръ паче иныхъ женъ, провозглашается Императрицею, раждаетъ ему сына, который и признанъ наслѣдникомъ престола. Отъ сего времяни усиливается Янг-Кіэнъ при Дворѣ день отъ дни. Вѣ возложены на него званія; исправляетъ столь достохвально, что напослѣдокъ судятъ его достойнымъ мѣста перваго Государственнаго Дѣловца.

Князь Суиской, тако возвысившійся, еще болѣе началъ быть уважаемъ повсемѣстно. Всѣ дѣянія его располагаемы были по правиламъ премудрости. Умъ имѣлъ обширный, глубокую политику, превосходную разборчивость. Проникалъ тайны другихъ, свои же собственныя умѣлъ скрывать непроницаемо. Къ концу предпріятій своихъ ближился медленно, но всякой разъ безошибочно. Сверьхъ того былъ правосуденъ, безкорыстенъ, усерденъ къ общему благу, трезвъ, смиренномудръ, врагъ роскоши и шумныхъ забавъ. Какъ во младыхъ лѣтахъ не прилѣжалъ къ Наукамъ, то недоставало ему ловкости въ бесѣдахъ, даемой обычайно упражнявшимся въ оныхъ. Скоръ былъ на негодованіе, иногда же не могъ обуздывать гнѣва; но бывая по томъ укрощенъ, признавался, что поступилъ на излишности: а по сему, оскорбленные имъ оставалися довольными, отказывалъ ли, или соглашался

ся исполнить ихъ требованія. Тако и самыя его погрѣшности нечувствительно обращалъ въ пользу свою. Императоръ между тѣмъ безславилъ себя гордынею, распутствами и безчеловѣчіемъ. Подданные его, сличая поведеніе Государя съ поведеніемъ Янг-Тіэна, всегда готоваго защищать утѣсняемую невинность и облегчать наказанія преступниковъ, далеко болѣе усердствовали послѣднему.

Однако же недремлющая никогда зависть взирала съ досадою на властительство его, почти безпредѣльное; на властительство человѣка, подъемлющагося изъ посреди всѣхъ прочихъ, подобно великому дубу между мѣлкихъ кустарниковъ; разлила ядъ по сердцамъ Вельможей и нѣкоторыхъ Князей крови, приводитъ ихъ на самые гибельные ковы противу Янг-Кіэна. Смерть его принята необходимо нужною; но сіе было не легко. Янг-Кіэнъ не подавалъ поводовъ къ тому наибезпорочнѣйшимъ своимъ поведеніемъ. Всѣ Государственныя судилища были ему преданы; всѣ люди воинскіе безотвѣтно ему послушествовали. Оставалось единое предательство, средство незадолжительное и вѣрнѣйшее.

Императоръ, присоединяся къ зломыслящимъ на него, собираетъ Вельможей въ собраніе, дабы разсуждать съ ними о дѣлѣ крайнія важности, то есть судить Янг-Кіэна, приговорить къ смертной казни и оную произвести надъ нимъ. Но произшествіе одно изъ таковыхъ, коего истинные источники остаются навсегда непостигаемы, творитъ противное ожиданію. Императоръ, прибывъ въ собраніе, внезапу лишается чувствъ. Относятъ его во внутренніе чертоги, умираетъ; младенчествующій сынъ его, рож-

денный Янг-Уэсю, дочерію Янг-Кіэна, воцаряется подъ имянемъ Тшеу-Тсин-Тія; Государственное же правительство поручается матери его и Ян Кіэну. Прежде возвѣщенія о кончинѣ Императорской Янг-Кіэнъ отправляетъ гонцевъ ко всѣмъ Князьямъ крови, занимающимъ первѣйшіе чины внѣ столицы; приглашаетъ ихъ безъ замедленія явиться ко Двору для дѣлъ, о коихъ не можетъ имъ сообщить на письмѣ. Сіи, не подозрѣвая ни чего вреднаго для себя, повинуются: прибыли, и тотчасъ лишаемы бываютъ сказанныхъ чиновъ, вмѣсто которыхъ получаютъ суетныя только титла при особѣ новоцарившагося. Такимъ образомъ отнята у нихъ была сила препятствовать Янг-Кіэну въ замыслахъ его. Оставалось имъ только притворствовать. Установили поведеніе свое такъ, что казались наполненными благодарностію; казались разумѣющими за превеликую милость помѣщеніе ихъ у Двора: однако же втайнѣ избираютъ способы къ отмщенію. Главное участіе въ правительствѣ имѣла женщина, слѣдующая во всемъ совѣтамъ отца своего; требовать же, дабы премѣнено было нѣчто въ расположеніяхъ Государственныхъ безъ ихъ соучастія, было бы для нихъ гибельно. Вѣдали, что Янг-Кіэна превозмощи не могли: то одинъ изъ нихъ, имянемъ Ю-Уэн-Тшао, пріемлетъ на себя умертвить послѣдняго.

Ю-Уэн-Тшао зоветъ Янг-Кіэна къ себѣ обѣдать. Сей исполняетъ волю его, имѣя только при себѣ одного изъ своихъ чиновниковъ, испытанныя къ нему вѣрности и прехрабраго человѣка, который, паче начальника своего бывъ недовѣрчивъ, не забылъ исправно вооружиться. При входѣ въ домъ примѣтилъ нѣкія помаванія между идущими людьми въ отдаленные

ные чертоги; а сего уже и довольно для него было приготовиться на всякой случай. Еще примѣтилъ, что какъ скоро сѣли за столъ, то и начали подносить часто напитки; что Ю-Уэн-Тшао часто же клалъ руку себѣ на грудь и на чрево, необычайно задумываясь. Попадается ему на глаза оружіе, которое не могло положено тамъ быть безъ намѣренія; не тратя минутъ, емлетъ Янг-Кіэна за руку, ведетъ вонъ изъ дома, сказавъ: . . „Изыди, Государь! „тебя зовутъ во дворецъ; и по томъ, обнаживъ мечь свой, продолжаетъ: . . . „Оставь меня одно-„го окончать дѣло.„

Янг-Кіэнъ понялъ опасность, въ которой находился; оставляетъ домъ тотъ, и никто его удерживать не дерзаетъ. Приготовленнымъ убійцамъ приказано было не прежде явиться, какъ уже подъ конецъ обѣда, когда упіются гости и не въ силахъ будутъ защищать себя, или спасаться бѣгствомъ.

Ю-Уэн-Тшао и всѣ участники злоумышленія, тотчасъ взяты подъ стражу, признались и лишены жизни.

Сверьхъ Князей, пребывающихъ въ столицѣ, Янг-Кіэнъ имѣлъ внутри Государства врага, страшнѣе всѣхъ оныхъ; ибо начальствовалъ надъ войсками въ сорокѣ тысячахъ, побѣждалъ города и покорялъ народы. Нужно ему было или снискать его дружество, или обезсилить его. Первое было не возможно по тогдашнимъ обстоятельствамъ: избралъ второе средство, и успѣхи превзошли надежду его; отряжаетъ отборныхъ ратниковъ подъ наилучшими Полководцами.

Оба ополченія сходятся, начинаютъ битву; Ю-Тше-Кіунгъ низложенъ, большая часть людей его положена на мѣстѣ, уходитъ съ остаткомъ въ нѣкій городъ, и укрѣпляется. Но какъ и тамъ видитъ себя въ отчаянномъ состояніи, то дабы не достаться живому въ руки, самъ себя лишаетъ жизни.

Князи крови, еще въ немаломъ числѣ остававшіеся, не приходятъ въ малодушіе послѣ толикихъ нещастій семейства своего. Ненависть свою къ Янг-Кіану почти уже не скрываютъ.

Утомяся безполезными на него ковами, мыслитъ наконецъ, какъ обезпечить себя навсегда отъ нихъ, рѣшится возходить на престолъ Императорскій. Уговариваетъ правительницу и юнаго Государя обременить его тягостію правительства, отрекшися торжественно въ пользу его отъ сана Императорскаго; что и послѣдуетъ съ общаго согласія всѣхъ Вельможей. Янг-Кіанъ признанъ единымъ законнымъ обладателемъ областей Тшеускихъ, или Сѣвернаго Китая, коего рубежемъ была рѣка Кіангъ.

Прежде всего старается пресѣчь даже и поводы къ новѣйшимъ мятежамъ. Призвалъ знатнѣйшихъ Государственныхъ Чиновниковъ, требуетъ совѣта, какъ ему поступать съ Князьями крови того поколѣнія, послѣ коего достался ему престолъ. Единогласно отвѣчаютъ: . . . „Надобно истребить даже до „единаго; надобно вовсе пресѣчь родъ сей, инако „же не можно наслаждаться Государствомъ и мирными временами.„ Сколь ни насильственно было таковое средство, но Янг-Кіанъ одобряетъ оное, да и не медлитъ произведеніемъ самою вещію. И тако поко-

поколѣніе Тшеуское, владычествовавъ двацать лѣтъ, было искоренено.

Императоровъ изъ онаго было пять въ толико краткое время. Князи Суискіе заступили ихъ мѣсто съ безпримѣрною славою и величіемъ чрезъ все бытиствованіе Сѣверныя Имперіи. Янг-Кіэнъ, освободяся внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей, обратилъ попеченія свои; дабы добрѣ ему царствовать, дабы подданныхъ учинить благоденствующими, началъ отмѣненіемъ всякаго рода суровыхъ законовъ; издалъ новые поспѣшествующіе единственно пользѣ народа. Всякаго званія и состоянія люди возлюбили его всесовершенно, особливо за то, что возстановилъ древнія чиноположенія и обычаи; что приступилъ ко отыскиванію древнихъ же книгъ, у кого либо скрываемыхъ. Введу здѣсь два примѣра, которые довольно докажутъ, что произвести былъ онъ въ состояніи.

Сіуэн-Ти, Императоръ Тшенскаго поколѣнія, умеръ. Наслѣдникъ его, Геу-Тшу, чрезъ нарочнаго увѣдомляетъ Янг-Кіэна, что возшелъ онъ на престолъ отеческій; проситъ его дружества. Янг Кіэнъ предпріялъ уже давно соединить обѣ Имперіи; были уже у него готовы войски на сей конецъ. Обстоятельства казалися ему благоуспѣшны. Но какъ ничего не хотѣлъ начинать, не посовѣтовавъ прежде съ первѣйшими Вельможами, отдаетъ о томъ разсуждать имъ, не сомнѣваяся, что не отважутся опровергать его намѣреніе: однако же обманулся. Нѣкто изъ нихъ востаетъ съ мѣста и говоритъ ему: . . . .
„Какъ всего наиболѣе хощеши ты возвратить Импе-
„ріи ея величіе, то должно тебѣ явиться подража-
„те-

„телемъ великихъ Государей, прославившихъ оную.
„Они имѣли правиломъ почтеніе къ сѣтующимъ и ни-
„когда не воевали противу Царей, пораженныхъ пе-
„чалію. Геу-Тшу, Императоръ Тшенскій, лишился
„недавно отца: слѣдовательно сталъ предметомъ,
„почтеніе къ себѣ заслуживающимъ. Естьли угодно
„тебѣ, чтобъ мы и всѣ твои подданные свято
„наблюдали древніе обычаи и чиноположенія, то не дол-
„жно нарушать мира: . . . . Я великій защитникъ
„древнихъ обычаевъ, отвѣчаетъ Янг-Кіэнъ. Никог-
„да не увидите меня отступающимъ отъ оныхъ. Да
„возвратится во своя двигнувшееся войско. Охотно
„дарую миръ и дружество мое сѣтующему по роди-
„телѣ. Присланной отъ него ко мнѣ да поспѣшаетъ
„возвѣстить ему о томъ. О когда бы сіе облегчило
„его печаль и послужило бы ему нѣкоторымъ родомъ
„утѣшенія„

Трудно изобразить, колико немногія сіи слова и поступки Янг-Кіэна, онымъ соотвѣтствовавшія, были пріятны его Вельможамъ. Каждый благодарилъ его какъ бы за полученную отъ него лично превеликую милость; самые ничего почти не значущія его дѣла находимы были наиполезнѣйшими; народъ увѣрился, что настали уже блаженные дни Яоа, Шуна, Тшен-Танга и Уэн-Уанга. Янг-Кіэнъ, пользуяся любовію къ себѣ всеобщею, возхотѣлъ досуги свои употребить на построеніе города, который бы имѣлъ здоровѣйшій воздухъ и мѣстоположеніе выгоднѣе, нежели Тшан-Иганъ, гдѣ имѣлъ онъ пребываніе, по примѣру своихъ предшественниковъ. Около десяти Ліевъ разстояніемъ къ Сѣверу, находился холмъ, называемый Лунг-Шеу-Шанъ, въ воздухѣ чистомъ, окружался наилучшими водами. Астрологи чрезъ наблю-

блюденія свѣтилъ небесныхъ нашли поселеніе на немъ предвозвѣщающимъ благоденствіе. Тамъ заложена была столица Сѣверныя Имперіи, послѣже оставася таковою и во всемъ Китаѣ. Невзирая на природное отвращеніе Китайцевъ ко всякимъ новизнамъ, каждый съ радостію и поспѣшеніемъ содѣйствовалъ изволенію Янг-Кіэна, да и такъ, что менѣе года городъ выстроенъ, пренесся туда Дворъ Императорскій, и увидѣли его наполненна множествомъ семействъ отвсюду.

Всѣ Государственные чины приносили поздравленія одни за другими порознь Императору. Похвалы сего Госуд ря раздавалися по всѣмъ подвластнымъ ему предѣламъ. Льстецы не забыли себя отличить въ толико ловкомъ для нихъ случаѣ: проимянованія наиславнѣйшія, сравненія самыя превозходныя; словомъ, всѣ красоты витійства истощены ими были. Янг-Кіэнъ, наскучивъ таковыми похвалами на письмѣ, возбранилъ болѣе тѣмъ себя безпокоить; а возбраненіе сего рода возвратило истинный вкусъ сочиненіямъ. Не былъ онъ человѣкъ ученый, но имѣлъ разумъ основательный, прямый и точный; любилъ истинну. Видѣлъ во всякомъ дѣлѣ достойное замѣчанія, умѣлъ цѣнить доблести, даже и собственныя свои, безошибочно. Хвалящими себя съ излишествомъ не благоугождался, а досадовалъ на нихъ. Тогда было въ обычаѣ относиться къ Государю не инако, какъ письменно, кромѣ людей первыя знатности, удостоеваемыхъ всегдашнимъ допускомъ. А по сему и обычаемъ же сталъ слогъ пышный, улещающій, съ великимъ наборомъ словъ надменныхъ. Ученые мужи первыя степени тѣмъ только и отличались. Казалось выше силъ человѣческихъ возстановить чистый слогъ, просто-

шу и соотвѣтствіе истинѣ, каковымъ славилися нѣкогда великіе мужи времянъ Тшеускихъ и Ганскихъ. Но Янг-Кіэнъ предпріалъ оное произвести, и произвелъ. Издаетъ запрещенія подавать себѣ всякаго рода письма, которыя не будутъ имѣть смыслъ ясный, чистый и точный, безъ всякихъ лишнихъ прикрасъ, помрачающихъ только истинное содержаніе, подъ лишеніемъ чиновъ; для незанимающихъ же еще оныхъ, подъ выключеніемъ изъ списка требователей чиновъ. А того уже и довольно было къ уврачеванію зла, казавшагося неизцѣльнымъ. Обѣщалъ немалое награжденіе денежное за каждую книгу времянъ Тшеускихъ и Ганскихъ, хотя ни объ одной изъ таковыхъ не было тогда извѣстно. Понеслися къ нему книги со всѣхъ странъ, а между прочими и самыя рѣдкія. Государями поколѣнія Тшеускаго собрано было до десяти тысячь; къ тому пріобщилъ Янг-Кіэнъ еще пять тысячь изъ царства Тсискаго, по завоеваніи онаго. Каждый по томъ день умножаемо было книгохранилище изъ книгохранилищъ же частныхъ и кабинетовъ рѣдкостей, коихъ хозяева съ радостію умножали таковый родъ общественнаго сокровища. Три года сѣтованія по смерти Сіуэн-Тія, обладателя Тшенскаго, нечувствительно протекли. Янг-Кіэнъ, Императоръ же Суискій, между тѣмъ не подавалъ ниже малѣйшаго признака, что хощетъ нарушить дарованный имъ миръ, однако же не выпускаетъ того изъ мыслей, трудится о привлеченіи къ себѣ сердецъ подданныхъ, о снисканіи уваженія чужестранныхъ. Правосудіе, точное наблюденіе законовъ, обычаевъ и обрядовъ древнихъ, покровительство къ Наукамъ и ученымъ людямъ, учиняютъ его обожаема по всему Китаю. Правота его, безкорыстіе, нелицепріимство противу владѣльцовъ Татарскихъ сосѣдей, враждую-

щихъ

щихъ между собою, учиняетъ его судіею, коего рѣшеніямъ повинуются. Одинъ предъ другимъ спѣшитъ свидѣтельствовать ему зависимость и признавать его верьховнымъ своимъ повелителемъ.

Царствовавшій тогда поколѣнія Тшенскаго былъ инаковъ; поелику Янг-Кіэнъ славился превосходными своими качествами, по стольку же оный срамилъ себя наигнуснѣйшими пороками: велъ жизнь распутную, былъ безчеловѣченъ, сладострастенъ, нарушитель всякаго благоустройства; не зналъ, что такое есть пристойность. Дѣла Государственнаго правительства возлагалъ на презрѣнныхъ скопцевъ, употреблявшихъ власть его во зло. Явно продавали они невинныхъ злодѣямъ, явно истребляли мудрыхъ мужей, оплакивающихъ грабежи и утѣсненія, подъ коими страдалъ народъ. Съ отваживающимися не молчать о томъ поступали какъ съ Государственными преступниками. Янг Кіэну оставалося только имѣть благовидную причину къ разрыву мира и завоевать страну сію, коея жители простирали уже къ нему руки, яко избавителю ихъ. Скоро возъимѣлъ законное побужденіе объявить войну, какого не ожидалъ.

Потомки Государей Китайскихъ, династіи Леанговой, лишася престола Императорскаго, владѣли Княжествомъ того же имяни, бывъ покровительствуемы Сѣверными Императорами. По положенію малаго своего удѣла могли равно зависѣть и отъ Императоровъ же Южныхъ. Янг-Кіэнъ, дабы когда либо на сіе не поступили, овладѣть разсудилъ городомъ Кіанг-Лингомъ и самою особою Князя Леангскаго, которой жилъ въ немъ; призываетъ его ко Двору, предварительно отрядивъ войски на рубежи его земель. При-

былъ, удерживается дают ему знать, что то бываетъ не въ оскорбленіе ему, а только изъ необходимой предосторожности. Тѣмъ онъ или былъ, или притворился довольнымъ.

Сіао-Іэнъ, дядя его, Сіи Сіао-Уэнъ, его братъ, коихъ оставилъ онъ въ Кіэнг-Лингѣ правителями на время отсутствія своего, оказалися инакими. Убояся приближенія войскъ Сунскихъ, приняли, что Янг-Кіэнъ умышляетъ истребить поколѣніе Леангское и овладѣть ихъ Княжествомъ: бѣгствуютъ, а чрезъ то подаютъ поводъ дѣйствовать противу себя непріятельски. Даютъ знать письмянно странончальнику ближняго города, подвластнаго Императору Тшенскому, что подвергаются они ему яко данники; просятъ присылки войскъ сколько можно болѣе къ ихъ городу и не допустить до разоренія отъ Янг-Линга.

Страноначальникъ, вѣдая важность уступаемаго мѣста Государю его, поспѣшаетъ къ оному, снабдѣваетъ многочисленнымъ охраннымъ войскомъ прежде, нежели подоспѣваетъ туда небольшое ополченіе Сѣвернаго Императора. Съ того времяни Князи Леангскіе, со всемъ ихъ семействомъ, сопричислялися къ придворнымъ Геу-Тшуа.

Янг-Кіэнъ узнавъ о томъ, раздражился до крайности, и положилъ самъ въ себѣ не откладывать вдаль произведенія великаго замысла своего. Издаетъ прочетную грамоту въ народъ, объясняя причину, коею заставляется возобновить войну; описываетъ распутства, утѣсненія, лютости и всѣ иныя пороки Геу-Тшуа, коими ежедневно срамилъ онъ себя не

спра-

страшася Бога, презирая законы. Окончеваетъ тѣмъ, что самъ Шанг-Ти (Господь Богъ) избралъ его (Янг-Кіэна) орудіемъ мщенія своего, избавителемъ страждущаго народа, коему возвратитъ долженъ древнія онаго и естественныя права, похищенныя Геу-Тшуемъ.

Грамота возъимѣла желаемый успѣхъ въ обѣихъ Имперіяхъ. Всѣ и каждый разположены уже были оставить Тшеновъ и привергнуться къ Суіямъ. Янг-Кіэнъ отвсюду собираетъ войски, раздѣляетъ на пять участковъ, изъ коихъ каждый достаточенъ былъ одержать намѣреваемую побѣду. Полководцами наимянованы были его братія и дѣти, изъ Вельможей же, самые къ нему вѣрнѣйшіе. Двигнулися пятью разными путями, дабы ударить на непріятелей вдругъ съ толикихъ же сторонъ. Не срѣтаетъ нигдѣ препятствій: все покаряется ему, все дѣло бываетъ окончено за единое лѣто. Геу-Тшу съ семействомъ взятъ и препровожденъ въ городъ Тшанг-Нганъ, гдѣ принятъ Янг Кіэномъ не яко плѣнникъ, но какъ Государь нещастный, предъ коимъ собственное его малодушіе, пороки и лесть придворныхъ, изрыли бездну погибели. Обошелся съ нимъ снизходительно, не оказывая однако же почестей довлѣющихъ Самодержцу.

Немалая похвала основателю Суискія династіи, что не чуждъ былъ человѣчества; что примѣры предшественниковъ въ подобныхъ же стеченіяхъ случаевъ его не заразили; что умерщвленіе плѣнника своего не почелъ онъ нужнымъ къ успокоенію Имперіи: оставилъ его доживать вѣкъ свой безмятежно, никогда и ничемъ его не оскорбляя, хотя имѣлъ причины поступить съ нимъ на самыя послѣднія крайности.

Китай, бывъ раздѣленъ почти триста лѣтъ, тако учинился единымъ Государствомъ въ царствованіе Янг-Кіала, который ничего не забывалъ къ возстановленію древняго образа правительства, едва уже только извѣстнаго по однимъ преданіямъ. Началъ торжественнымъ провозглашеніемъ себя, со всѣми старинными обрядами, единымъ Владыкою обѣихъ до того бывшихъ половинъ Имперіи. Избралъ таинственнымъ знакомъ огнь. Издалъ уложеніе, не новое, а только возрождающее законы великихъ династій, ослабшіе при четырехъ малыхъ послѣдовавшихъ. Исправлена Астрономія, Музыка и всякія чиноположенія; судилищи получили прежнее устройство: ибо мужи токмо праведные и просвѣщенные удостоены были засѣданія въ оныхъ: особымъ указомъ установлена смертная казнь, естьли кто изъ нихъ уличенъ будетъ пріемлющимъ дары, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Извѣстяся, что потомки Тсіевъ, Леингов и Тшеновъ вознебрегли обычаемъ торжествовать память предковъ на мѣстахъ, нарочно для того отведенныхъ, построилъ изъ казны великія храмины, предписалъ потомствамъ трехъ сихъ поколѣній собираться туда въ уреченные дни, хотя по крайней мѣрѣ для наружнаго оказанія любви къ праотцамъ, узаконеннаго книгою *Ли-Ки*. Примѣтивъ злоупотребленіе, или на меньшей конецъ непристойность, что всякаго состоянія людямъ не возбранялось проискиваніе получать чины гражданскіе и военные, особымъ же указомъ повелѣлъ каждому заступать мѣсто отеческое, сирѣчь сынъ торговаго человѣка содержалъ бы себя торговлею; сельскаго жителя, земледѣльствомъ; художника, ремесломъ; судіи, военачальника, былъ

былъ Мандариномъ военнымъ или ученымъ, смотря по природнымъ способностямъ и склонности.

Науки и мѣста, гдѣ оныя преподавалися, обращали на себя особенное его вниманіе. Удивленъ былъ безмѣрнымъ множествомъ школъ, содержимыхъ изъ доходовъ общественныхъ, и также почти несмѣтнымъ числомъ полуученыхъ, коими наполнялась Имперія. Выключая верьховнаго Училища въ столицѣ своей, упразднилъ по прочимъ городамъ; зданія же учинены были общенародными житницами. Доходы, кои до того получали, употреблены на закупку хлѣба для раздачи безденежно нуждающимся пропитаніемъ въ голодные годы. Въ помянутомъ столичномъ Училищѣ положилъ, чтобъ учащихся никогда не было болѣе седмидесяти юношей, дѣтей Мандариновъ и придворныхъ Вельможей.

Такое разпоряженіе взволновало всѣхъ ученыхъ людей въ Имперіи. Прибѣгли ко обычайному своему орудію: хочу сказать, представленіямъ, челобитнымъ, сочиненіямъ. По словамъ ихъ были они душа Государственная, которую приводя въ ослабленіе, ослаблялося и оное, а напослѣдокъ долженствовало пріитти въ совершенный упадокъ. Янг Кіэнъ отвѣчалъ имъ письменно, не къ удовольствію, но къ заграждению ихъ устенъ.

„Во всемъ, что я ни дѣлаю, цѣль моя есть „благо отечества, поспѣшествованіе наукъ. Уничтоживъ помѣстныя школы, далъ я первому земледѣль„цевъ, ремесленниковъ, людей торговыхъ, коихъ лишало „его позволеніе учиться безплатно. Вмѣсто полу„ученыхъ, которые по большой части были токмо

„мо

„мо тунеядцы, гордынею напыщенные, неумолкные
„пресѣкатели всего, ставшіе вредными великимъ чи-
„сломъ своимъ: избралъ я мужей, могущихъ служить
„ему отнынѣ полезными трудами. Въ столицѣ моей
„оставилъ Училище, подтвердивъ накрѣпко, чтобъ
„для преподаванія Наукъ избираемы были съ превос-
„ходными способностьми, достойные званія своего.
„Положилъ принимать не болѣе семидесяти отроковъ
„для наученія; слѣдовательно чрезъ каждыя десять
„лѣтъ Имперія возъимѣетъ седьмь сотъ просвѣщен-
„ныхъ Науками. Возхотѣлъ я, чтобъ сіи отроки
„были дѣти Мандариновъ и Вельможей, дѣйствитель-
„но находящихся въ должностяхъ Государственныхъ,
„предпочитая однако же при выборѣ таковомъ при-
„мѣтно обѣщавающихъ отличные успѣхи. Не то ли же
„сіе, что предуготовляю я впередъ наигоднѣйшихъ
„служителей Государству, опоръ учености? Науки,
„отъ сего времяни возвысятся и прославятся свя-
„зію своею съ самыми знатнѣйшими родами Имперіи.
„Единые токмо изящные умы, истинныя дарованія,
„пойдутъ путемъ таковымъ, и достигнутъ мѣты
„узаконенія моего. Безчисленное множество школъ
„на содержаніи общественномъ возникло у насъ не
„далѣе, какъ со времянъ династіи Ганскія. Великіе
„Государи поколѣнія сего, основавшіе ихъ однѣ за
„другими, имѣли тогда убѣдительныя причины;
„днесь же имѣю я мои ко уничтоженію ими осно-
„ваннаго. Въ царствованія登Гановъ настояла нужда,
„извлечь Науки изъ посреди бренія, коимъ покрыва-
„лись по сожженіи книгъ Тсин-Ше-Гоангомъ. Къ
„ускоренію дѣла сего потребно было размножить дѣ-
„лателей. Нынѣ, когда уже оное окончено, вижу,
„что столь безмѣрное количество дѣлателей удоб-
„ны токмо вредить одинъ другому. Сіе-то злоупо-
„требле-

„требленіе возхотѣлъ я исправить. Не возбраняю ни-
„кому прилѣжать къ Наукамъ по способности, склон-
„ности и достатку. Каждый можетъ избирать себѣ
„учителемъ, кого за благо разсудитъ.„ Подъ такими-то,
самопроизвольно избранными наставниками, образова-
лись великіе мужи въ теченіи трехъ первыхъ дина-
стій, Гіаской, Шангской, Тшеуской; надѣюся, что то же
самое послѣдуетъ и со времянемъ. И тако да не дер-
заетъ никто трудить меня къ сему относительно;
безпрестанно повторяемыя представленія не пре-
мѣнятъ воспріятыхъ мною мѣръ и могутъ навлечь
непріятныя слѣдствія для своихъ сочинителей.

Имперія вообще возъимѣла иный видъ, но Юж-
ныя области еще тревожатся. Нѣкоторыя статьи
одного изъ указовъ, вновь обнародованныхъ, вложи-
ли въ мысли старинныхъ подданныхъ Тшеновъ,
что принято намѣреніе премѣнить всѣ ихъ обычаи,
ввести же обычаи областей Сѣверныхъ. Разнеслися
даже слухи между чернаго народа, что замышляютъ
преселить его на другую сторону рѣки Кіанга. Раздражи-
лися духи, всѣ вооружаются, никто не хощетъ быть
подданнымъ Сѣверному Императору, всякой настоитъ
имѣть Государемъ кого-либо изъ поколѣнія Тшенскаго;
а какъ Геу-Тшу былъ еще тогда живъ, то тре-
буютъ единогласно, чтобъ возвращенъ былъ ему пре-
столъ его праотцевъ.

Янг-Кіэнъ никогда толико не проявлялъ себя
достойнымъ имяни Сына Неба, какъ въ семъ случаѣ.
Мятежъ таковый послужилъ ему благовиднымъ при-
кровомъ къ искорененію бѣдствующаго остатка Тше-
новъ. Продолжаетъ чтить его, яко Императора, свер-

женнаго съ престола по нуждѣ; мятежниковъ низлагаетъ и усмиряетъ, но безъ кровопролитiя; напослѣдокъ даруетъ имъ миръ. Еще того болѣе жертвуетъ личными своими пользами, собственнымъ своимъ славолюбiемъ, пустому ихъ устрашенiю, или точнѣе сказать, причудамъ ихъ. Въ помянутомъ указѣ отмѣняетъ статью, толико ихъ взволновавшую; осыпаетъ, такъ сказать, наградами, благодѣянiями, какъ бы никогда не отступали отъ долга своего къ нему.

Отселѣ ничто уже не противится дальновидностямъ его. Государь Самодержавный всего замыкающагося между четырехъ морей (какъ изражаются Китайцы) остается однако же судiею и примирителемъ малыхъ сосѣдственныхъ Царствъ. Татара, сей мятущiйся народъ, который не имѣя ничего ко утратѣ, завсегда ищетъ обогащаться грабежами, уже не касаются рубежамъ Имперiи; уже единогласно покоряютъ себя орды великому Обладателю Китая, дабы участвовать въ его покровительствѣ. Но таковъ есть жребiй человѣка; не дано ему щастiя безъ превратностей.

Между тѣмъ, какъ Янг-Кiэнъ снискиваетъ удивленiе чужестранныхъ, сыновнюю любовь подданныхъ, и тѣхъ и другихъ почтенiе безпредѣльное; между тѣмъ, какъ все подгибается подъ его законы, и какъ уже начинаетъ въ нѣдрахъ всеобщiя тишины наслаждаться плодами трудовъ своихъ: домашнiе ковы наполняютъ сердце его горестiю. Вторый сынъ его, Янг-Коангъ, славолюбный, безстудный, лживый, находя между престоломъ и собою непреодолимую преграду въ особѣ старшаго брата своего, уже провоз-

гла-

глашеннаго наслѣдникомъ Государственнымъ, умышляетъ опровергнуть сію преграду, или по меньшей мѣрѣ какимъ бы-то ни было образомъ, но оставить ее у себя назади. Начинаетъ, подобно всякому иному двоедушцу, коему клеветы и ложные доносы ничего не стоятъ, обвиненіемъ брата своего прежде предъ Императрицею, общею ихъ матеріею, а далѣе и предъ самимъ Янг-Кіэномъ. Зная же слабыя мѣста сердецъ обоихъ, тако умѣетъ принаравливать, что успѣхи превозходятъ его ожиданіе.

Наслѣдникъ имѣлъ женою молодую особу, выбранную ему Императрицею, которую онъ любилъ нѣжно, и которой мать его особенно благодѣтельствовала: скончалась она скоро по сочетаніи съ нимъ. Янг-Коангъ внушаетъ хитросплетенными словами, что невѣстка его умерла неестественно; что братъ его довольно доказывалъ всегда ненависть свою къ ней; что женился на ней только во угодность матери. Супруга Янг-Кіэна, прогнѣвавшись на старшаго сына, удостоеваетъ всей довѣренности двухъ другихъ дѣтей своихъ, Янг-Коанга и Янг-Суа: совѣщается съ ними, какъ бы преклонить Императора къ лишенію наслѣдства старшаго ихъ брата. Дѣло трудное; но чего не можетъ произвести мщеніе раздраженной женщины, и любочестіе человѣка, имѣющаго предметомъ престолъ?

Затѣваютъ ужасныя злодѣянія на того, кого погубить предпріемлютъ. Изображаютъ его отцу безпредѣльнымъ славолюбцемъ, скучающимъ уже столь долго быть подданнымъ. Влагаютъ ему въ уста рѣчи, какихъ не произносилъ никогда; всякое его слово, всякое его по-

мàваніе, все поведеніе его, толковали въ худо. Наконецъ доносятъ, что рѣшился уже онъ царствовать, какимъ бы то ни могло быть образомъ.

Янг-Кіэнъ, отъ природы подоэрѣвающъ, внемлетъ беэпрерывно ему твердимое, начинаетъ остерегаться сына, велитъ эа нимъ присматривать, даетъ ему чиновниковъ, долженствующихъ увѣдомлять о всѣхъ его поступкахъ. Сіи, къ нещастію Государственнаго наслѣдника, были люди низкодушныя: попустили подкупить себя. Дерзновенными и клеветными эатѣями на него толико раздражили Императора, что рѣшится напослѣдокъ на самые послѣднія крайности. Противу представленій членовъ своего Совѣта, большей части Вельможей и Предсѣдателей Судилищъ издаетъ укаэъ о лишеніи старшаго сына своего правъ къ престолу, находя его недостойнымъ наслѣдовать по себѣ; на мѣсто же его избираетъ Янг-Коанга, и что премѣна таковая утверждаетъ славу Имперіи, блаженство подданныхъ.

Не замедлилъ однако же раскаяться и узнать, что основательно охуждали оное Государственные чины. Янг-Коангъ, ставъ ожидаемымъ наслѣдникомъ престола, размножалъ прилѣпленцевъ къ себѣ и чрезъ то усиливался день отъ дня. Чреэъ его одни руки потекли милости отъ Императора, инако же снискивать ихъ учинилося бѣдственно. Отворились глаза Янг-Кіэна, но уже поздно. Окромѣ наказаннаго имъ безвинно, всѣ прочіе его дѣти стояли эа одно съ матерію ихъ. Скорбеніе нечувствительно приводило его ко гробу. Какъ нѣкогда была близъ спальни его одна изъ наложницъ, которую за ея младость, красоту,

сопту, разумъ и благонравіе, любилъ онъ сердечно, внезапу входитъ Янг-Коангъ, подступаетъ къ ней и начинаетъ ее насильствовать. Женщина сія вырывается у него изъ рукъ, предстаетъ предъ Императора и даетъ ему знать, какого безчестія едва она избѣжала. Янг-Кіэнъ, раздраженный столь жестоко, предпріемлетъ наконецъ произвести въ дѣйствіе давно уже замышляемое имъ. Призываетъ двухъ наивѣрнѣйшихъ своихъ Дѣловцевъ, велитъ писать къ Янг-Юнгу, прежнему своему наслѣднику, чтобъ какъ наискорѣе, однако же тайно былъ къ нему. Но Янг-Коангъ увѣдомляется, перехватываетъ письмо, двухъ Дѣловцевъ отдаетъ подъ стражу. . . . Того же самаго вечера Императоръ скончался; не безъ причины подозрѣваютъ злаго сына сего отцеубійствомъ. Историки повѣствуютъ, что за нѣсколько дней предъ кончиною Янг-Кіэна находилися при немъ только присланные отъ него. Утверждается подозрѣніе таковое еще наипаче, что не доволенъ бывъ, что удалилъ отъ престола старшаго своего брата, воцаряся принудилъ его возложить на себя руки.

Основатель послѣднія изъ пяти малыхъ династій, коего Лѣтописцы нарицаютъ Суи-Уэн-Тіемъ, владычествовалъ двадцать четыре года: первые десять лѣтъ, яко Императоръ Сѣверныхъ областей, между рѣкою Кіангомъ и извѣстной оной великой стѣны; пятнадцать послѣднихъ же, Императоромъ всего Китая, отнявъ области Южныя у поколѣнія Тшенскаго. Скончался насильственною смертію въ шестьдесятъ четвертое лѣто вѣка своего, или получивъ ударъ отъ неизреченной досады на своего сына, или бывъ руками его задавленъ въ шесть сотъ четвертомъ году по Христ-

стѣ. Тѣло его погребено въ Таи-Нинг-Лингѣ. Чрезъ тритцать по томъ лѣтъ все его семейство было истреблено, взошло же на престолъ семейство Лиское, начавшее великую династію Тангову.

XLVIII.

Уэн-Тшунг-Тсеэ, Философъ.

Родовое имя его Уангъ, собственное Тунгъ, прозваніе Тшунгъ-Іэнъ. Родился въ Лун-Менъ отъ неимущихъ родителей, у которыхъ однако же въ домъ находилися потребныя пособія стать ему мужемъ ученымъ и добродѣтельнымъ. Природа одарила его разумомъ основательнымъ и высокимъ, склонностьми сердца благими. Первый украсилъ свѣденіями безчисленными, послѣдняя же доставила его премудростію. Чрезъ всю жизнь свою ни единожды не нарушалъ должностей честнаго и здравомыслящаго человѣка. Современные и потомки находили и находятъ въ немъ единаго изъ самыхъ преславныхъ Философовъ, да и учинился единымъ же изъ пяти мужей, украшенныхъ по смерти титломъ Тсеэ.

Первопоявившееся въ свѣтъ сочиненіе его имѣло содержаніемъ правила правительства въ двенатцати Главахъ, научающихъ, какъ приводить Государство въ состояніе цвѣтущее; какъ удерживать оное въ мирѣ съ сосѣдями; какъ поспѣшествовать благу общенародному. По пристрастію, свойственному юнымъ творцамъ, разумѣя издаемыя имъ правила непогрѣшимыми, и что оставалося только представить себя Двору съ книгою своею, то и будетъ пожалованъ въ какій либо изъ первѣйшихъ Государственныхъ чиновъ. Ищетъ покровителей; находитъ. Сочиненіе его поднесено съ похвалою Сун-Уэн Тію, владычествовавшему тогда Императору. Но отвѣтствовалъ съ презрѣніемъ, что наставленія, какъ царствовать, не

есть

есть дѣло ученаго человѣка; что онъ вѣдаетъ искусство сіе самъ болѣе всѣхъ книжныхъ Китайцевъ совокупно. Уэн-Тшунг-Тсеэ оскорбился, но обрѣтаетъ утѣшеніе въ Философіи. Полученное уничиженіе обращаетъ въ пользу себѣ, и снискиваетъ новыя познанія. Отрекается навсегда отъ Двора и онаго милостей, избираетъ отшельничество на мѣстѣ красивомъ Го-Фунгѣ, между рѣкъ Гоанг-Гоа и Фен-Шуіа, гдѣ упражненія его начали состоять только въ томъ, чтобъ ему или учиться, или учить.

Достаточныя толкованія самыхъ трудныхъ мѣстъ Кинговъ и безпорочная жизнь, скоро дѣлаютъ имя его повсюду извѣстнымъ. Мандарины и иные знатныя люди въ области посылаютъ къ нему дѣтей своихъ брать отъ него уроки. Самые мужи ученые не поставляютъ за низкое слушать его; ибо по собственному ихъ признанію далеко не равнялися съ нимъ. Слава объ немъ мчится даже до Двора. Многіе, паче же Янг-Су, третій сынъ Императора, возхотѣлъ имѣть его при себѣ. Янг-Су предсѣдательствовалъ тогда въ Государственномъ Совѣтѣ, любилъ Науки, чтилъ ученыхъ: несомнѣнно надѣялся, что превозносимый отъ всѣхъ Философъ можетъ пользовать ему и помогать своими разсужденіями. Проситъ у отца своего ему мѣста между подчиненными въ министерствѣ, въ ожиданіи, когда дарованія его совершенно обнаружатся.

Не безъ трудности однако же желаемое получаетъ, слышавъ отъ Императора слова сіи: . . . „Да „будетъ по твоему, и познаешь чрезъ сію самую „опытность, что нѣтъ правилъ умозрительныхъ

„безъ

„безъ величайшихъ неудобностей, а по тому и не-„возможныхъ.„

Янг-Су зоветъ Философа письмомъ къ себѣ, на который подаютъ ему слѣдующій отвѣтъ:

„Рожденъ я въ самомъ незнатномъ семействѣ; „не ищу возвыситься надъ состояніемъ моимъ. Вос-„питанъ въ нищетѣ, въ домѣ незащищенномъ отъ „вѣтровъ, привыкъ малымъ быть доволенъ; при-„выкъ обходиться и безъ того, что люди имяну-„ютъ необходимыми потребностьми, терпѣливно „сносить суровости воздуха. Не мыслю о богатствѣ; „ибо для меня не только лишнее, но и вредно стать „можетъ. Не промѣняю образа жизни, провождаемой „мною здѣсь, ни на какій иный; чего же ради премѣ-„нять мнѣ на такій, который меня не прельщаетъ? „Служить отечеству, вѣщаеши ты, пользуяся мои-„ми совѣтами править Государствомъ, да и самому „мнѣ участвовать въ томъ: вѣдаю, что каждый ча-„стный человѣкъ принадлежитъ отечеству; не забы-„ваю никогда способствовать благу его слабыми мо-„ими дарованіями: готовлю ему учениковъ моихъ „людьми свѣдущими, добродѣтельными, наблюдателя-„ми должностей, а по сему и несравненно наипаче „бываю ему нуженъ, нежели во всякомъ иномъ зва-„ніи. И тако, сынъ Императорскій! позабудь меня: „сея единыя милости дерзаю отъ тебя надѣяться.„

Янг-Су многажды по томъ покушается при-влечь его къ себѣ, но тщетно. Отецъ узнавъ о томъ, предъ многими придворными говоритъ сыну: . . . . „Всѣ сіи мнимые Философы люди надмѣнныя, не „ставящія премудрѣе себя никого. Презираютъ весь

„прочій остатокъ человѣческаго рода, не исключая „Государей и чадъ ихъ.„ Но сіе не взирая Янг-Су, еще посылаетъ своеручное письмо, тако гласящее:

„Сказываютъ, что презрѣніе твое ко мнѣ все„го наиболѣе препятствуетъ тебѣ отправиться ко „Двору. Повѣрю тому, естьли и за симъ упорство„вать будеши исполнить мое прошеніе. Увидься со „мною; въ томъ настоитъ единое средство вывести „меня изъ стыда.„

Философъ отвѣтствуетъ тако: . . .

„Ложь то есть, что презираешься ты мною. „Не небрегу я ни кѣмъ на свѣтѣ. Но пусть будетъ „правда: не вижу посрамленія для тебя. Заслужива„ешь ли презрѣніе мое, сказалъ бы не обинуяся, по че„му, и самъ бы ты отдалъ справедливость моему „безпристрастію. Естьли же презираю достойное по„чтенія, то же заслуживаю самъ за слѣпотствующее „мое предубѣжденіе. Такъ или сякъ, все остаешься „ты таковымъ, каковъ есть вещію. Слова и стыдъ „презрѣнія моего до меня только касаются. Да и не „мѣлочь ли предъ сыномъ сидящаго на престолѣ доб„рое, или худое объ немъ мнѣніе человѣка частнаго? „Храни, Государь! искренность и правоту сердца, не „ищи ничего инаго, кромѣ блага всѣми твоими дѣя„ніями, и будь увѣренъ, что съ почтеніемъ моимъ „сліется почтеніе къ тебѣ вселенной.

„Благоразуміе тебѣ не допуститъ завлечь меня „ко Двору насильственно. Позволь же ожидать мило„сти, что отнынѣ престанеши возмущать спо„койствіе дней моихъ; что забудеши ни на что не-

„нуж-

„нужнаго тебѣ человѣка, трудящагося доставлять „полезныхъ сыновъ отечеству.„

Столь смѣлыми выраженіями Янг-Су не прогнѣвляется, а еще наипаче уважаетъ Философа; оставляетъ его вести жизнь по желанію.

Уангъ-Тунгъ (такъ нарицали его съ пріобщеніемъ собственнаго имяни) докончиваетъ вѣкъ свой упражняяся въ Наукахъ и преподаваніи уроковъ. Имѣлъ болѣе тысячи учениковъ, между коими были славнѣйшіе времянъ тѣхъ Мандарины: Тунг Тшангъ, Тшенг-Юэнъ, Фанг-Гіуэн-Лингъ, Ту-Ю-Меи, Уанг-Куэи, Уэи-Тшенгъ. Для сихъ то великихъ мужей сочинилъ онъ книги Юэн-Кингъ и Тшунг-Шуэ; для нихъ же издалъ толкованія Книговъ съ примѣчаніями.

XLIX.

Житіе Тсин Ше-Гоанг-Тіа, Императора, истребителя Учености Китайской (*).

Въ Китаѣ примѣчено, равно какъ и по инымъ нѣкоторымъ мѣстамъ, что рѣдкіе человѣки, долженствующіе рожденіемъ своимъ пороку, или бывающіе плодомъ незаконнаго супружества, обычайно ознаменуютъ себя почти всѣ или превозходными добродѣтелями, или превозходными же злодѣйствами. Нужно ли сіе утвердить уразительнымъ примѣромъ между многихъ сотенъ, можетъ служить житіе Тсин-Ше-Гоанг-Тіа, наилютѣйшаго врага Наукъ.

Государь сей слылъ сыномъ Тшоанг-Сіанг-Уанга, Царя Тсинскаго; въ самой же вещи имѣлъ отцемъ Ліу-Пу-Уэіа, богатаго купца въ царствѣ Тшаоскомъ, мать же одну изъ его наложницъ, купленную имъ.

Такое родословіе ради странности своей заслуживаетъ повѣствованіе. Но прежде скажемъ нѣчто, въ какомъ состояніи былъ Китай, когда родилось чудовище сіе, долженствовавшее завоевать и разорить оный.

Въ концѣ династіи Тшеускія Государи поколѣнія сего изнѣжилися роскошію, обуяли отъ распутствъ. Им-

(*) Четыре отрывка, слѣдующіе за симъ, присланные изъ Китая въ тысяча семь сотъ семдесятъ второмъ году, кажутся сочиненными особо, и суть паче житія, нежели изображеніе лицъ: новая причина къ помѣщенію здѣсь, въ соотвѣтственность времянамъ доставленію ихъ къ намъ. Того же самаго рода удержали мы заглавіе описанія о Тсин-Ше-Гоанг-Тіѣ, положенное Сочинителемъ онаго.

Записки Китайскія.

ТСИНЪ-ШЕ-ХОАНГ-ТИ, Сожигатель Книгъ.

[illegible]

Имперія была какъ бы нѣкое безобразное тѣло, коего члены каждый порознь исправлялъ должность головы. Седьмь Царствъ, взаимно независимыхъ, возникшія изъ его нѣдра, отъ междуусобій изчезали. Тшеуи Восточные и Тшеуи Западные свойственно владѣли тѣмъ, что имяновалось Имперіею, но Имперіею раздробленною, не предписующею законовъ данникамъ, а получающую отъ нихъ. Государи щастливыми себя чли, что не отъемлется суетное только титло Императоровъ.

Посреди девяти сказанныхъ Самодержцевъ могущественнѣйшій былъ безъ прекословія Тсинскій. Владѣлъ страною, что зовется нынѣ область Шен-Сиская, съ отрывками отъ областей же Шан-Сиской, Гу-Коангской и Сен Тшуэнской. Въ Лѣтописяхъ стоитъ: . . . „Царство Тсинское занимало пятую часть „Китая, жителей же было въ немъ десятая часть „всѣхъ Китайцевъ вообще.„

По Царѣ Тсинскомъ сильнѣе прочихъ былъ Царь Тшуской: подъ властію его была нынѣшняя область Гу-Коангская. Цари, Іэнскій, Уэнскій, Тшаоскій, Ганскій, Тсискій, имѣли за собою части областей Тшелиской, Шан-Тонгской, Шан-Сиской, и еще нѣкоторые углы изъ быствующихъ едва остатковъ династіи Тшеускія. . . . Къ совершенному паденію Китая, всѣ владѣльцы разумѣли правиломъ политическимъ пребывать между собою въ раздорѣ.

Самые ничтожные поводы производили войны. Сильный утѣснялъ слабаго; а таковый, дабы всего не лишиться, покупалъ миръ, уступая побѣдителю цѣлые округи.

Послѣднее мирное постановленіе между Царями Тсинскимъ и Тшаоскимъ было такого рода, съ разностію токмо, что съ обѣихъ сторонъ были даны заложные во благонадежность храненія условій. Тсинскій Царь отступилъ ко Двору Шаоскому одного изъ внучатъ своихъ, имянемъ И-Іина, младаго отрока, коего разумъ и качество духа предвозвѣщали уже, что будетъ онъ нѣкогда великимъ человѣкомъ, естьли сколько нибудь получитъ потребное къ тому воспитаніе. Былъ ко всѣмъ ласковъ и уклончивъ; при чужестранномъ семъ Дворѣ снискалъ любовь и почтеніе.

Торговый промышленникъ Ліу-Пу-Уэи имѣлъ случай видѣть его, продавая ему нѣчто изъ своихъ товаровъ, и заключилъ самъ въ себѣ, что подаетъ онъ великія надежды ко благу всего Китая. Разсудилъ, что облегчая ему стезю къ престолу совѣтами и деньгами, разбогатѣетъ въ свое время болѣе, нежели ремесломъ своимъ. На семъ основавъ предпріятіе, вкрадывается въ милость юнаго Князя, часто ему нося рѣдкія вещи, удобныя возбудить любопытство. Наконецъ нарочито съ нимъ спознавшись, говоритъ ему безъ свидѣтелей: „Государь! . . . Царь „Тсинскій, дѣдъ твой, уже въ престарѣлости; на„слѣдникъ престола его сынъ, а твой отецъ, имѣетъ „у себя двадцать дѣтищь отъ разныхъ женъ, изъ „коихъ числа и ты. Порядокъ времяни рожденія да„етъ тебѣ мѣсто посреди ихъ, то можно ли чаять, „чтобъ ты сталъ предпочтенъ когда либо предъ „братіями твоими? Не льсти себя. Вижу я, видитъ „и всякъ, что одаренъ ты природою всѣми качества„ми великихъ Государей. Приспѣетъ время: кто вѣ„даетъ, такъ ли же судитъ о тебѣ будетъ и твой „родитель?

„При-

„Примыслилъ я способъ, по разсужденію моему, „удобный доставить тебя престоломъ, предпочтительно предъ старшими твоими десятью братьями. „Отецъ твой доселѣ имѣетъ сыновей отъ наложницъ токмо; учинися рожденнымъ отъ законныя „супруги, и будешь царствовать. Не неизвѣстно тебѣ, „что Императрица, хотя нѣжно любимая супругомъ, „не даетъ еще по сіе время ему дѣтища мужеска „пола. Сердце ея утопаетъ въ горестяхъ, когда видитъ, что соперницы ея плодоносіемъ чрева своего „ругаются ей. Всѣ ея желанія стремятся стать матерію сыну; но вѣроятно, что никогда того не „дождется. Намѣреніе мое есть, чтобъ она тебя „усыновила. Имѣю добрыхъ пріятелей между служителями сестры ея, естьли начну дѣйствовать съ „помощію ихъ кстати и мѣсту, ласкаю себя „успѣхами. Вотъ какъ примуся я за сіе: . . . не пожалѣю тысячи унцій серебра; половину употреблю „на покупку драгоцѣнныхъ вещей, и подарю отъ „твоего имяни сей Государынѣ; другую раздарю наперстникамъ ея и приближенцамъ. Предстану самъ „предъ нее, назвавшися купцемъ изъ Царства Тшаоскаго. Удивится она, что ты, не бывъ ея сыномъ, „столько ее любишь и чтишь, какъ бы родившую „тебя. Скажу ей, будто хвалишь ее неумолно „и превозносишь красоту души ея; что она есть „единственный предметъ твоего обожанія, равно „какъ и всѣхъ жителей Тшаоскихъ, ея земляковъ. „Подкупленные деньгами моими будутъ ей неумолкно твердить самое то же. . . . Или прямо я нещастливъ на свѣтѣ, или самъ противу себя погрѣшу, „естьли не возхощетъ усыновить тебя.„

И-

И - Іинъ одобряетъ замыслъ Ліу - Пу - Уэіа, позволяетъ ему производить въ дѣйствіе, уполномочиваетъ во всемъ; клянется, что благодарность его соразмѣрна будетъ важности заслуги.

И тако съ согласія И - Іина отправляется онъ въ страну Тсинскую. Ведетъ себя столь осторожно и благоразумно, что не только выполняетъ главное свое намѣреніе со всевозможнымъ успѣхомъ, но снискиваетъ всеобщее почтеніе. Престарѣлый Царь Тшао-Сіанг - Уангъ, дѣдъ И-Іина, разспрашиваетъ его о многомъ, относительно ко внуку своему и царству Тшаоскому, какъ тамо происходятъ дѣла. Хотя зналъ о всемъ ономъ, однако же радъ былъ слышать отъ чужестранца. Наслѣдникъ его и Гоа - Янгъ, законная супруга послѣдняго, не съ меньшимъ желаніемъ внимали слова Ліу - Пу - Уэіа. Изъясняется онъ съ толикою пріятностію, умѣетъ уважать сказываемое собою толико, что приняли его человѣкомъ, которому ввѣрить можно присмотры за поведеніемъ младаго И-Іина, доколѣ оставаться онъ будетъ заложнымъ при дворѣ Тшаоскомъ. А дабы могъ онъ быть такимъ съ лучшею пристойностію, то пожалованъ былъ чиномъ выше состоянія своего. Гоа - Янгъ съ мужняго позволенія усыновляетъ помянутаго Князя, испрашиваетъ, чтобъ въ письмѣ ея къ нему (*) стояли сіи слова: . . „Усыновляю тебя; даю тебѣ наставникомъ Ліу - Пу - Уэіа.

Сей

(*) Гласное усыновленіе въ Китаѣ отъ самыя отдаленныя древности въ обычаѣ. Принятые вмѣсто сыновей получали всѣ права дѣтей законныхъ.

Сей возвращается съ поспѣшностію въ городъ Ган-Танъ (*) Вручаетъ письмо И-Іину отъ Гоа-Янги, увѣдомляетъ его въ точности обо всемъ надлежащемъ до него; отъ сего времяни учиняетъ его своимъ наперстникомъ и не поступаетъ ни на что, не посовѣтовавъ прежде съ нимъ. Возхотѣлъ, чтобъ онъ и все его семейство жили не подалеку отъ него, дабы не подавая подозрѣнія, завсегда видѣться было имъ можно: инако же бы не могъ того избѣгнуть при Дворѣ чужестранномъ.

Любочестіе Ліу Пу-Уэіа казалось бы удовлетвореннымъ, но простираетъ виды свои далѣе и замышляетъ доставить произшедшему отъ крови его Тсинскій престолъ. Не мыслитъ собирать войски, проискивать, возбуждать мятежи, ниже стать главою особаго заговора; но пріемлетъ мѣры простыя по наружности, но скрытнѣе и благонадежнѣе первыхъ способовъ.

Идетъ къ знатнѣйшему изъ торгующихъ невольницами; требуетъ, чтобъ продалъ ему прекрасную молодую дѣвку, имѣющую острый разумъ и отмѣнныя дарованія, за какую бы то ни было цѣну. Выводятъ предъ него таковую точно: отщитываетъ деньги, беретъ ее въ домъ и сопричисляетъ къ наложницамъ своимъ. Примѣтивъ же напослѣдокъ ея беременность, говоритъ ей наединѣ: . . . „Особа „твоихъ достоинствъ и красоты, не рождена быть „наложницею торговаго человѣка. Замышляю доставить тебя титломъ Царицы, или по малой мѣрѣ

(*) Ган-Танъ былъ столица Царства Тшзоскаго, гдѣ Князь И-Іинъ жилъ тогда въ залогѣ вѣрности храненія мирнаго постановленія находился же въ одной изъ округъ области Пе-Тше-Лиской.

„заслуживаешь ты быть матерію Царскою. Естьли „въ нѣдрахъ твоихъ созрѣваетъ плодъ мужеска пола, „надобно только, чтобъ ты помогла мнѣ въ томъ „сама; надобно всячески тебѣ стараться влюбить „въ себя Царевича И-Іина. Онъ признанъ уже за„коннымъ наслѣдникомъ Тсинскаго престола. Сочетавшися съ нимъ, увидятъ въ тебѣ нѣкогда Ца„рицу. Рожденный тобою пріимется его сыномъ и „вознаслѣдуетъ по немъ. Понимаеши теперь тайну „сію: никто вѣдать ее не долженъ. Честь твоя, „польза, а можетъ быть и твоя и моя жизнь, „отъ того зависятъ.„

Юная особа успокоиваетъ его удостовѣреніями не только свято хранить тайну таковую, но и навсегда не забыть, что она ему принадлежала и чемъ ему должествуетъ. . . . Располагай мною и всемъ, какъ угодно тебѣ; всѣ силы испытщевать стану, соотвѣтствуя твоимъ намѣреніямъ.

По нѣсколькихъ дняхъ И-Іинъ увидѣлъ ее какъ бы ненарочно въ домѣ Ліу-Пу-Уэія: влюбился, вопросилъ объ имяни и состояніи ея. Ліу-Пу-Уэи хладнокровно отвѣчаетъ: . . . „Невольница, готови„мая для постели моей. Купилъ я ее дорого, да и „стоитъ того рѣдкими своими дарованіями. При„знаюся, достойна она особенной любви.„ И-Іинъ проситъ, чтобъ уступилъ ему, но получаетъ отказъ досадный. Напослѣдокъ неотступными повтореніями прошенія своего будто бы смягчаетъ его. . . „Вижу, Государь! говоритъ Ліу-Пу Уэи, что не„обходимо удовольствовать тебя должно. Даю те„бѣ мою невольницу, даю тебѣ даръ, коего драго„цѣннѣе быть не можетъ; желаю, дабы былъ ты

„сю

„ею щастливъ на долгое время. Вотъ очевидное до-
„казательство, сколько ты мнѣ дорогъ.„

И-Іинъ началъ жить съ нею, какъ самые стра-
стные любовники. По двѣнатцатимѣсячной беремѣн-
ности разрѣшилася она младенцемъ мужеска пола, ко-
торый былъ сынъ Ліу-Пу-Уэіа; но Царевичъ почелъ
его своимъ, или на меньшей конецъ тако притво-
рялся.

Сомнительная сія отрасль поколѣнія Царскаго
увидѣла свѣтъ въ первый день первыя луны, на со-
рокъ осьмомъ году владѣнія Тшао-Сіанг-Уанга, Ца-
ря Тсинскаго, сирѣчь въ двѣсти пятьдесятъ девя-
томъ до рождества Христова, въ городѣ Ган-Танѣ,
въ нынѣшней области Пе-Тше-Лиской. Наимянованъ
Тшенгомъ, съ придаткомъ прозванія Ингъ, родоваго
Тсинскихъ Царей. Прямое его имя было, по свидѣ-
тельству Китайскаго Историка, Кіу; послѣ самъ онъ
себя нарекъ Ше-Гоанг-Тіемъ, ставъ обладателемъ
всего Китая.

У И-Іина, хотя уже давно женатаго, не бы-
ло еще дѣтей. Рѣшился тотъ часъ признать его за-
коннымъ; но мать новорожденнаго, помня наставле-
нія Ліу-Пу-Уэіа, проситъ его не спѣшить онымъ;
представляетъ опасности безъ соизволенія Тсинска-
го Двора возвести ее на степень, которой сама при-
знается недостойною.

Лицемѣріе таковое заслуживаетъ великія отъ
него похвалы, снискиваетъ ей почтеніе отъ всѣхъ,
не изключая жены его и наложницъ. Вездоеваетъ са-
ма младенца, ставъ матерію, до чего не могли до-

стигнуть ея совмѣстницы. Сіе не только не дѣлаетъ ее презирающею ихъ, но несравненно паче учтивѣе: видятъ онѣ ее отъ искренности раздѣляющею прискорбіе ихъ. Такимъ-то надежнымъ путемъ идетъ она къ цѣли своей. По двухъ лѣтѣхъ (въ двѣсти пятьдесятъ седьмомъ до рождества Христова). Престарѣлый Тшао-Сіанг-Уанг, не взирая на отданныхъ имъ въ залогъ Царю Тшаоскому, предпріемлетъ воевать съ нимъ. Подъ рукою освѣдомляетъ о томъ внука своего И-Іина, который безъ замедленія удаляется отъ Двора чужестраннаго, предоставивъ Ліу-Пу-Уэію пещися о женѣ и сынѣ своемъ. Путешествуетъ къ рубежамъ Тсинскимъ, гдѣ уже было въ собраніи многочисленное воинство, ожидающее повелѣнія выступить въ походъ противу владѣльцевъ, Тшаоскаго и Ганскаго; что и послѣдуетъ чрезъ краткое по томъ время.

Ліу-Пу-Уэи по отлученіи И-Іина едва избѣгаетъ гибели со всѣми своими домашними. Тѣсное ихъ дружество не могло быть столь скрываемо, чтобъ многіе не провѣдали. Домъ его окружается стражею, но примыслительный его разумъ и деньги помогаютъ ему.

Подкупаетъ стражу, бѣгствуетъ изъ города со ввѣренными ему особами, и продолжая путь только по ночамъ, достигаетъ Тсинскаго военнаго стана: на послѣдокъ прибылъ и ко Двору, принятъ соотвѣтственно заслугѣ, оказанной имъ. Гоа-Янга съ супругомъ, усыновившіе И-Іина, испрашиваютъ у Царя чинъ ему изъ самыхъ знатнѣйшихъ.

Вой-

Войски между тѣмъ Тшао-Сіанг-Уанга превозмогаютъ; отняты уже у владѣльцевъ Ганскихъ области, Янг-Тшенгская и Фу-Шуская; обезглавлено уже сорокъ тысячь непріятелей; болѣе двацати городовъ третіей степени захвачены, и лишено въ нихъ жизни девяносто тысячь человѣкъ. Толикое кровопролитіе возмущаетъ весь Китай противу Тсиновъ. Императоръ Тшеуской разсылаетъ велѣнія ко всѣмъ своимъ мнимымъ данникамъ поспѣшать къ нему на помощь, но почти тогда же раскаевается. Объемлетъ его ужасъ, что послужить можетъ жертвою поступки таковой; рѣшится предстать предъ Тсинскаго Царя и предать самаго себя ему въ руки.

Низкодушный Государь сей, въ тритцати тысячахъ, идетъ къ даннику, проситъ униженно забвенія минувшее; уступаетъ ему тритцать шесть городовъ, составлявшихъ все его владѣніе; ожидаетъ жребія своего или отъ гнѣва, или отъ помилованія Тшао-Сіанг-Уанга.

Сей съ удовольствіемъ видитъ у ногъ своихъ Императора, отрицающагося для него сана своего. Пріемлетъ его снизходительно, прощаетъ вину, велитъ возвратиться въ столицу его, попуская доживать ему тамо дни свои въ спокойствіи, только бы поведеніемъ своимъ оное заслуживалъ.

Не надолго однако же даютъ ему дышать въ покоѣ, купленномъ утратою всѣхъ его областей, да и чрезъ вѣчное посрамленіе: на пути оканчеваетъ жизнь, не оставляя по себѣ наслѣдниковъ. Правда, былъ нѣкто, именемъ Тшеу-Кіангъ, помѣщаемый нѣкоторыми Историками между Императоровъ; ибо про-

исходилъ отъ крови Тшеускія, въ самой же вещи не имѣлъ за собой ниже одной деревни въ собственность. Тако-то, на пятьдесятъ девятомъ году владѣнія Нан-Уанга, то есть за двѣсти пятьдесятъ шесть лѣтъ до рождества Христова, династія Тшеуская совершенно истребилась. Тшао-Сіанг-Уангъ, Царь Тсинскій, не провозгласилъ себя Императоромъ. Суетное сіе титло не умножило бы его могущества, а ополчило бы на него тьму непріятелей, коимъ всѣмъ совокупно не въ силахъ былъ противустоять. Нажидалъ удобнѣйшихъ случаевъ, воюя по прежнему съ Царями Ганскимъ и Тшаоскимъ. Отъ того приведены они стали въ такое изнеможеніе, что почти не чего было наслѣдовать по нихъ преемникамъ. Тшао-Сіанг-Уангъ скончался пятидесяти шести лѣтъ, двѣсти пятьдесятъ перваго года до воплощенія Христова. По немъ воцарился Гіао-Уэн-Уангъ, но за крайнею слабостію здоровья уступилъ престолъ сыну своему И-Іину, и скоро по томъ умеръ.

И-Іинъ по возвращеніи отъ Двора Тшаоскаго началъ имяноваться Тшуэнъ, признанъ былъ Императоромъ; Императрицами же, мать его Гіа-Ки и усыновившая его Гоа-Янга. Ліу-Пу-Уэи возведенъ на степень Князя; препоручены ему наиважнѣйшія Государственныя должности.

Война, начатая дѣдомъ его, не могла быть скоро прекращена. Продолжалась сначала благоуспѣшно. Одержаны многія побѣды, отняты города Юнг-Янгъ и Тшенг Лао; низложены войски Тшаоскія; взято тритцать седьмь городовъ; самъ Царь страны сей по завоеваніи столицы его плѣненъ былъ.

Три

Три непріятеля, тако усмиренные, заохотили его подобно же поступить съ четвертымъ и послѣднимъ Царемъ Уэнскимъ. Но обратилося оное въ окончаніе благоденствія его. Успѣхи оружія разсѣяли ужасъ по всему Китаю. Пять мѣлкихъ владѣльцевъ соединяютъ войски свои подъ преискуснымъ Полководцемъ Кунг-Тсеэ-У Кіэмъ, который надъ нимъ превозмогаетъ, гонится даже до самаго узкаго прохода Ган-Кускаго.

И-Іинъ съ печали лишается жизни, въ пятую луну третіяго лѣта владычества своего, за двѣсти сорокъ семь годовъ до Христа. Исторія нарицаетъ его Тшоанг-Сіанг-Уангомъ, ставя родоначальникомъ династіи Тсинскія; ибо въ его время не оставалося уже ни единыя отрасли Тшеускаго поколѣнія. Названіе сіе тако толкуютъ: Тшоангъ, означаетъ человѣка, имѣющаго силу и возможность заставить повиноваться себѣ. Слово Сіангъ, человѣка же, который личными своими достоинствами и способностьми, находитъ себя въ состояніи распространить владѣніе далеко за прежніе рубежи. Таковъ точно былъ И-Іинъ, мнимый отецъ славнаго мучителя Тсин-Ше-Гоанг-Тіи, коему умирая оставилъ Царство Тсинское цвѣтущимъ, Имперію до половины завоеванною.

Тсин-Ше-Гоангъ тритцати лѣтъ восходитъ на престолъ, но по совѣту *Ліу-Пу-Уэіа* не выдаетъ себя Императоромъ, дабы не отродить зависти въ прочихъ владѣльцахъ Китая; а только провозгласился Тсинскимъ Царемъ, не отмѣняя прежняго своего имяни Уэнг-Тшенга (*). Объявилъ Ліу-Пу-Уэіа

(*) Имя Тсин-Ше-Гоанга, до принятія имъ Императорскаго титла, было Уэнг-Тшенгъ, а не Тшен-Уангъ, какъ пишутъ нѣкоторые Евро-

Уэіа первымъ Государственнымъ Дѣловцемъ, пожаловавъ его достоинствомъ Сіанг-Куэ-Кунга, самымъ знаменитѣйшимъ въ тогдашнее время; ибо таковый разумѣлся рожденнымъ превыше всѣхъ по Государѣ (*). Такимъ образомъ увидѣлъ себя Ліу-Пу Уэи, единымъ разомъ, воспитателемъ, возводителемъ, первѣйшимъ подданнымъ своего сына, да и ничего не происходило при Дворѣ, какъ только по его волѣ и велѣніямъ.

Тако умѣлъ расположить поведеніе и управлять Государственными дѣлами, что учинился страшенъ извнѣ, любезенъ внутри Китая. Предписывалъ законы всѣмъ инымъ частнымъ Державцемъ, по одержаніи надъ ними многихъ побѣдъ. Умѣлъ удерживать миръ, спокойствіе и устройство въ областяхъ Тсинскихъ; умѣлъ подавать причины ко внѣшнимъ раздорамъ; сказать можно, что утвердилъ величіе сына своего прочно. Щастливъ бы былъ, естьли бы матерь молодаго Государя и онъ самъ не забыли наконецъ, чемъ долженствовали другъ другу и сами себѣ. Удобности въ свиданіи возбудили усыпленную въ сердцахъ ихъ старинную страсть. Престкнулись, и скоро узнаютъ о томъ многіе при Дворѣ. Слышанъ сталъ ропотъ; никто не отваживается однако же донести о томъ Императору. Ліу-Пу-Уэи, имѣя вымыслами обилующій разумъ, нашелъ средство предохранить паденіе свое. Помѣщаетъ между скопцами вдовствующія Государыни юнаго и прекраснаго собою человѣка, какъ бы дѣйстви-

Евр.пейцы. Такъ дѣйствительно назывался нѣкоторый другій Китайскій Императоръ: слѣдовательно принимать ихъ за единаго не должно. Тшен-Уангъ родился отъ знаменитаго У-Уанга, основателя династіи Тшеускія. Тшенг-Уангъ же разумѣлся сыномъ Тшанг-Сіанг-Уанга, перваго Императора династіи Тсинскія.

(*) Сіанг-Ку-Куангъ, толкуется Вельможа, опора Имперіи.

ствительно сопринадлежалъ онъ къ числу средняго пола людей. Гіа-Ки не старѣе тогда была тритцати лѣтъ: добродѣтель, пристойность, необходимыя качества особамъ степени и пола ея, были ей не извѣстны; слѣдовательно съ радостію соглашается имѣть тайнаго любовника, отъ коего въ свое же время и родила двухъ дѣтей, которые были воспитываемы весьма скрытно. Было бы чудо, чтобъ посреди толикаго множества истинныхъ скопцевъ не опознанъ былъ скопецъ притворный. Сначала возникли подозрѣнія, по томъ доносы Вельможамъ, коихъ должность была содержать въ порядкѣ внутренность чертоговъ Дворца; но сіи доносы не уважаются. Никто не смѣетъ обвинять особу, толико близкую къ Самодержцу. Скопцы отъ намѣренія своего не отступаютъ, прибѣгаютъ къ нѣкоему ученому Мандарину, человѣку строгія жизни, слѣдующему правиламъ добродѣтельныя древности. Онъ, паче изяществуя въ учености, нежели хитрый Политикъ; болѣе Философъ, нежели Придворный, принялъ должностію увѣдомить Тси-Ше-Гоанга, что и исполняетъ съ чистосердечіемъ и благородною смѣлостію, внушаемыми обычайно безпорочностію. Даютъ ему слово не оставить дѣла сего безъ изслѣдованія.

Царь имѣлъ уже тогда двадцать два года отъ рожденія. Вѣдалъ можетъ быть о поведеніи матернемъ, паче нежели доносить ему дерзали: случай таковый не пропускаетъ къ прекращенію распутствъ внутри Дворца своего. Избираетъ Судей разсмотрѣть доносъ и поступить по благоразсужденію ихъ. Мнимый скопецъ, какъ скоро пронесся о томъ слухъ, спасается бѣгствомъ, уноситъ съ собою Государственныя печати, и съ помощію оныхъ набираетъ вой-

ски. Возвѣщаетъ вездѣ, что юный Государь не нашелъ лучшаго средства избавиться изъ подъ мучительства своихъ Дѣловцевъ, какъ чрезъ порученіе печатей наивѣрнѣйшему своему рабу, дабы составилъ ему ополченіе и поспѣшалъ къ нему на помощь.

И тако бѣглецъ возъимѣлъ подъ собою ратниковъ немалое количество; могъ бы долгое время воевать, естьли бы не недоставало ему потребныхъ опытностей и дарованій. Но къ чему способенъ быть можетъ юноша, возраствій между женщинъ и скопцевъ, коего жизнь есть не что иное, какъ постыдное сцѣпленіе праздности и разслабленія? Первоотряженный противу его военачальникъ безъ труда низлагаетъ толпу бродягъ, главнаго же надъ ними емлетъ плѣнникомъ. Царица со всею своею силою при Дворѣ, Ліу-Пу-Уэи, со всемъ своимъ пронырствомъ, не могла избавить его отъ смертной казни: бываетъ, и съ двумя младенцами, рожденными отъ Царицы, изрублены въ мѣлкія части.

Столь безчеловѣчная кара недовольною еще казалась къ укрощенію гнѣва Тсин-Ше-Гоанга. Судіи не дерзали осудить на смерть мать его, равно какъ и Ліу-Пу-Уэіа: просятъ Царя, дабы изрекъ самъ, какое наказаніе заслужили они. Царица препровождается въ ссылку, въ страну Юнгскую; опредѣляютъ тамо къ ней строгую стражу; даютъ только самое необходимое для продолженія жизни.

Вина Ліу-Пу-Уэіа признана не болѣе, какъ оплошностію, и прощена за прежнія его заслуги: изгнанъ только былъ за границы Тсинскія, по лишеніи чиновъ, достоинствъ и должностей. Удалился онъ

въ

въ область Шускую, гдѣ жилъ спокойно около двухъ лѣтъ. Напослѣдокъ Царь забываетъ его преступленіе, посылаетъ къ нему письмо самое милостивое, призывая ко Двору.

Ліу-Пу-Уэи принялъ, что уже всѣ его злодѣянія открылися. Естьли вѣрить Писателю Гу-Ше, то онъ-то паче иныхъ былъ убійца престарѣлаго Царя Тшао-Сіанга.... Избираетъ самопроизвольную смерть, выпивъ ядъ.

Позволится ли мнѣ опровергать родословіе Тсин-Ше-Гоанга, утверждаемое Историками; то скажу, что походитъ болѣе на басню, нежели на истинное повѣствованіе и вотъ по чему:

1. Весьма имовѣрно, что всѣ ученые въ Китаѣ враги Императора сего, истребившаго древнія книги, умышленно присвояютъ ему произхожденіе низкое.

2. Противуестественно, чтобъ младенецъ носимъ былъ въ утробѣ матерней двѣнатцать мѣсяцовъ, инако же не можно ему быть сыномъ *Ліу-Пу-Уэія*. Тсин-Ше-Гоангъ въ самой вещи рожденъ по десяти мѣсяцахъ отъ вошествія матери его въ домъ И-Іина: слѣдовательно сего послѣдняго и есть сынъ.

3. По чему *Ліу-Пу-Уэи* могъ знать начатки беременности Гіа-Кіи? Какъ и кому отважилися открыть тайну сію, тотъ или другая? Не сбыточнѣе ли, что по подвигу мщенія, или иному подобному, разсѣянъ слухъ столь обидный Тсин-Ше-Гоангу, и въ которой либо странѣ, разоренной имъ, принятъ за истинну и помѣщенъ въ общенародныхъ Архивахъ?

Сэ-Ма-Тсіэнъ и иные Историки, прежде всѣхъ по сожженіи книгъ приступившіе къ сочиненію Лѣтописей, отдавали впрочемъ справедливость многимъ достохвальнымъ дѣяніямъ сего Государя, которыя могли выпустить, или по крайней мѣрѣ удалить нѣсколько отъ правды, естьли бы ненависть водила кистьми ихъ (*).

Въ Историческихъ своихъ запасахъ нашли они, что Тсин-Ше-Гоангъ былъ сынъ *Ліу-Пу-Уэія*. Тако изражаются въ сочиненіяхъ своихъ: . . . Тсин Ше „Гоангъ (слова Сэ-Ма Тсіэна) имяновался Тшенгъ, „но должно бы прозываться ему *Ліу*; ибо то было ро„довое имя его семейства „

Но не лучше ли мнѣ умолчать о таковыхъ моихъ догадкахъ, ничего не значущихъ для Европы? И тако возвращаюся къ сказанію о Тсин-Ше-Гоанг Тіѣ, который въ началѣ царствованія своего слылъ только царемъ Тсинскимъ, подъ имянемъ Уанг-Тшенга.

На первомъ надесять году владѣнія, вѣка же своего на двадесять четвертомъ, умеръ выдававшій себя за его отца (**). Доселѣ поступаетъ онъ по совѣтамъ Государственныхъ Дѣловцэвъ, по то самое время, какъ

(*) Китайцы пишутъ не перьями, а рисуютъ буквы кистьми живописцевъ

(**) *Ліу-Пу-Уэи*, мнимый отецъ Тсин-Ше-Гоанга, возведенъ былъ на степень *Уэн-Син-Геуа*, то есть Князя *Уэн-Синскаго*; послѣ дано ему было титло наипревосходнѣйшее опоры Имперіи (Сіанг-Куэ-Кунгъ). Примѣчаніе сіе само по себѣ не нужно; ибо читалъ я въ рукописи Іезуита де-Мела, что *Уэн-Синъ* былъ Князь поколѣнія Тсинскаго: но сей монахъ во многомъ ошибался, пиша Исторію *Ліу-Пу-Уэія*.

какъ сказанный выше ученый Мандаринъ открылъ ему неустройства во Дворцѣ.

Зная, можетъ быть еще и окромѣ студодѣянія, въ которомъ изобличена стала мать его, другія большія ея преступленія, наказуетъ ссылкою, гдѣ принуждена была нуждаться даже и въ пропитаніи. Ученые мужи всего Китая вознегодовали (станется, что не вѣдая совершенно, чего она была достойна; ибо не льзя, чтобъ Государь обнародовалъ безчестіе семейства своего: собственная его слава требуетъ покрытія онаго непроницаемымъ мракомъ). Отвсюду препровождаются ко Тсин-Ше-Гоангу прошенія, представленія и убѣжденія. Каждое таковое написаніе наполняемо было примѣрами добродѣтельныхъ древнихъ Императоровъ; безпрерывно повторялось, что покорность предъ родителями и есть первый долгъ человѣка; что ею токмо отличается онъ отъ скота, инако же бываетъ ему равенъ. Израженія употребляютъ дерзскія; содѣянное имъ имянуютъ наигнуснѣйшимъ. Тсин-Ше-Гоанг наскучивъ наконецъ, и приведенный въ ярость, издаетъ указъ, коимъ запрещаетъ подъ смертною казнію заступать, кому бы то ни было, за мать его, на письмѣ и словесно; а чтобъ наипаче устрашить всякаго подступающаго къ нему, не казался уже инако безъ обнаженнаго меча въ рукѣ.

Отобралися двадесять седмь ученыхъ мужей, презирая неизбѣжную смерть, подаютъ ему прошенія и лишаются жизни. Царь не былъ тѣмъ доволенъ: повелѣлъ отрубить имъ руки и ноги, выставить на показъ около Дворца. Но безчеловѣчіе сіе не успѣваетъ: Мао-Тсіао, уроженецъ Тсискій, входитъ предъ него

смѣло, имѣя на лицѣ изображенное смиренномудріе; будто бы не примѣчаетъ меча, предъ глазами его сверкающаго, и по троекратныхъ земныхъ поклонахъ, говоритъ: . . .

„Человѣкъ, живущій какъ бы никогда ему не „умирать; Государь! царствующій областьми своими, „какъ бы никогда не могъ оныхъ лишиться: первому „дана жизнь краткая, которой онъ не знаетъ цѣны; „вторый разстаешся съ областьми своими, которыхъ „не умѣлъ за собою удерживать. . . . Попустиши ли, „Государь! выслушать у меня, что я тебѣ сказать „имѣю?„ Безмѣрнымъ гнѣвомъ наполняется Тсин-Ше-Гоангъ; но отъ хладнокровія, отважности, степеннаго вида Философа сего, противу воли цѣпенѣетъ. Произнесенныя имъ слова, удержаніе и утрата жизни и царства, и прочія, изшедшія изъ его устъ несносныя слуху его истинны, поражаютъ его. Помолчавъ нѣсколько, отвѣчаетъ: . . . „Говори! хощу выслушать тебя доконца. . . . Поведеніе твое, Государь! есть поведеніе человѣка, незнающаго должностей, самыхъ священныхъ; человѣка, забывшаго „о себѣ самомъ. Лютости твои дали мучительную „смерть тому, коего разумѣлъ ты отцемъ своимъ, и „двумъ младенцамъ его, слѣдовательно плодамъ собственной твоей крови, естьли то подлинно, что „послѣдніе долженствуютъ жизнію матери твоей, „Родившую тебя отослалъ въ заточеніе, на мѣсто, „непристойное и нарещи; довольно, естьли скажу „только: въ страну Юнгскую. Положимъ, что преступленіе, затѣваемое на нее, она содѣлала, о чемъ „разсуждать не прилично мнѣ: то сыну ли ея, плоду ли ея чрева подвергать преступницу строгости „законовъ? Ужасными карами велѣлъ ты замучить

му-

„ мужей мудрыхъ, коихъ бы надлежало тебѣ наградить за усердіе къ отечеству, за искреннее приверженіе къ тебѣ собственно и твоимъ пользамъ; „ ибо старалися возвратить тебя самому тебѣ. Вотъ „ на какія безчеловѣчія ты поступаешь! Нечестивые „ Императоры, губители и истребители династіи „ Гіаевой и Шанговой, извергъ сладострастный Кіэ, „ звѣровидный Тшеу, болѣе ли тебя понадѣлали золъ? „ Обмышляя сіе, содрогаюся. Не себя всеконечно, а Имперіи твоей, вообще опасность жизни твоей ужасаетъ меня, естьли не поспѣшишь исправиться. . . „ Вотъ, Государь! что я тебѣ сказать имѣлъ; воспользуйся, и умру съ радостію. „

Изрекши сіе, сбросилъ съ себя одежды, повергся, какъ осужденникъ, ожидающій смертнаго удара.

Тсин-Ше-Гоангъ, смятенный видѣніемъ, простираетъ къ нему руки и вѣщаетъ тако: . . . „ Мао-„ Тсіао! въ особѣ твоей вижу истиннаго Философа: „ такіе-то мужи нужны Самодержцамъ. Прощаю, что „ нарушилъ ты мои велѣнія; прощаю суровости твоихъ словъ; даю тебѣ мѣсто въ Совѣтѣ Государственномъ. Подданные мои отнынѣ будутъ „ мною довольны: премѣню поведеніе. Не въ силѣ „ моей состоитъ возвратить жизнь казненнымъ мною, „ но могу возстановить состояніе матери моей, да „ пользуется всѣми своими правами. Самъ отправлюся „ къ ней и препровожду ее ко Двору моему. Тебя „ беру съ собою, представлю ей, дабы увидѣла избавителя своего, и кому я долженъ возвращеніемъ въ „ сердцѣ моемъ сыновняго долга. „

Все то исполняется въ точности. Видятъ Царя ѣдущаго въ колесницѣ съ Мао-Тсізоемъ. Гіа-Ки возвращена во Дворецъ, находитъ сына почтительнаго и послушнаго.

Имовѣрно, что страхъ утраты областей, а можетъ быть и самой жизни, или по крайней мѣрѣ препятствія къ достиженію цѣли, сирѣчь, дабы соединить ему всѣ тѣ Царства, на которыя раздѣлялся тогда Китай; естьли учинитъ онъ себя предметомъ всеобщія ненависти подданныхъ, заставилъ его притворствовать на нѣсколько времяни. Но притворство таковое обнаружилось при первомъ удобномъ случаѣ. Въ обычаѣ тогда было, что люди отличныхъ достоинствъ путешествовали по разнымъ Царствамъ, составлявшимъ Китай, ища щастія, когда бывали презираемы, или оставлялися въ небреженіи въ отчизнахъ своихъ. При дѣдѣ Тсин-Ше-Гоанга многіе были приняты отъ него милостиво; многіе пожалованы были знатными чинами, а нѣкоторые дожили въ тѣхъ же самыхъ званіяхъ и до времянъ его. Поведеніе ихъ было безпорочно, должности наблюдали тщательно: то и не легко было затѣвать на нихъ преступленія, не оказываяся клеветниками. Вотъ причина, для чего Ше-Гоанг-Ти воздвигъ на нихъ гоненіе! по тому только поводу, что они чужестранцы.

Князи крови, Вельможи, знатнѣйшіе Мандарины, подаютъ ему письменно, что области Тсинскія наполнены чиновниками пришельцами; что при обстоятельствахъ, въ каковыхъ находилося Государство, суть они тягостію для подданныхъ; что многіе изъ нихъ имѣютъ доходныя мѣста къ предосужденію природ-

родныхъ Тсинцевъ; что не безъ причины подозрѣвать ихъ можно подсыльными отъ Владѣльцевъ ихъ паче, нежели разумѣть вѣрными ему Тше-Гоанг-Тію служителями: слѣдовательно и полагаться на нихъ опасно. Представленіе оканчивалось прозьбою, дабы прогнаны были всѣ такіе, каждый въ свою отчизну.

И тако всѣ чужестранные чиновники долженствовали оставить Тсинское Царство. Между знаменитѣйшими мужами былъ нѣкто имянемъ Ли-Сэ, занималъ одно изъ первѣйшихъ Вельможескихъ мѣстъ: онъ-то паче иныхъ способствуетъ паденію учености, созженію древнихъ книгъ. Прежде нежели отправиться ему въ повелѣнный путь, входитъ предъ Царя и подаетъ ему слѣдующее на письмѣ: . . .

„Удаляюся, Государь, по твоему велѣнію въ „Царство Тшуское, отечество мое. Оставляя предѣ„лы Тсинскіе, не о томъ скорблю, что покидаю чинъ „въ службѣ твоей, которымъ было разсуждено за благо „наградить заслуги мои: въ несомнѣнной надеждѣ, „что буду имѣть и тамо по крайней мѣрѣ не низ„шій предъ онымъ; печалюсь не о томъ, что преры„ваются толикіе узы дружества и сродненія, учи„няющія страну чуждую любезнѣе мѣстъ моего рож„денія; разсужденія о непостоянствѣ вещей человѣ„ческихъ вообще довольно къ утѣшенію моему въ не„щастіи, какое бы и во всякое иное время постиг„нуть меня могло: но пронзаюся, Государь! находя, „что ты къ предосужденію собственныя твоея сла„вы, къ нарушенію наиважнѣйшихъ для тебя пользъ, „жертвуеши частному любочестію нѣкоего числа при„дворныхъ твоихъ, не благонамѣренныхъ къ тебѣ и „Государству; нѣкоего числа Князей крови твоея,

„развратно мыслящихъ: мужами, служившими тебѣ
„завсегда вѣрно. Страшуся, что лишивъ ты себя
„самъ таковыхъ опоръ, которые просвѣщали умъ
„твой свѣденіями своими, не возможеши никогда до-
„стигнуть главнаго твоего предмета, сирѣчь, соеди-
„ненія Царствъ Китая подъ единую державу твою. .
„. . . Провидя увяденіе цвѣтущія нынѣ страны,
„трепещу.

„Всеконечно не предусматриваешь ты бѣдствен-
„ныхъ слѣдовъ удаленія чужестранцевъ, кои въ за-
„слугахъ къ тебѣ, есть ли еще не болѣе что либо,
„не уступали природнымъ твоимъ подданнымъ. Поз-
„воль привести тебѣ на память нѣкоторыя мѣста
„изъ лѣтописей: вразумятъ тебя, сколь на многое
„отваживаешися, тако поступая.

„Великій Му-Кунгъ нѣкогда не оставлялъ
„ничего къ привлеченію въ области свои чужестран-
„цевъ, какъ-то между прочими Іэу-Юа, изъ стра-
„ны Си-Юнгской; Пе-Ли-Гія, изъ Уанской, Кіэн-
„Шуа, изъ царства Синскаго; Пи-Паоа и Кунг-
„Сун-Тшея, изъ царства Тшенскаго. Почтилъ ихъ
„первѣйшими Государственными чинами. Помогли они
„ему покорить двадцать малыхъ Царствъ и соста-
„вить преобширное владѣніе Си-Юнгское, надъ ко-
„имъ державствовалъ столь преславно. Мудрый Гіао-
„Кунгъ, пользуяся совѣтами Шанг-Янга, пришельца
„на земли его, обуздалъ Странначальниковъ и Вель-
„можей, забывшихъ должности свои къ нему, воз-
„становилъ повсюдное благоустройство, миръ и тиши-
„ну, продолжающіяся и поднесь.

„Зна-

„Знаменитый Гоэи-Уангъ, раздѣленіемъ шести „Царствъ, союзныхъ противу его, воздолженствовалъ совѣтамъ же и заслугамъ Тшанг-Ія, который „также не родился его подданнымъ: учиняетъ онъ „шесть сказанныхъ Державцевъ зависящими отъ него.

„Послѣ же, какъ Фэн-Кіу удалился къ Тшао-„Уангу, Гоэи-Уангъ содѣловаетъ цвѣтущими обла-„сти свои и окореняетъ благосостояніе оныхъ. Ты, „Государь! безъ прекословія наисильнѣйшій облада-„тель между всѣми Державствующими нынѣ въ Импе-„ріи; ты пріемлешь за нужное поступать въ проти-„вность всѣмъ великимъ таковымъ Государямъ. Не „только не призываеши достойныхъ людей изъ за ру-„бежей твоихъ, но даже и тѣхъ, которые долго-„тою времяни, усердіемъ къ престолу предковъ тво-„ихъ и собственно къ тебѣ, уже суть наравнѣ съ „природными твоими подданными; даже и тѣхъ, „которыхъ твои родители и прародители привлекли „въ страну сію.

„Не мнѣ довлѣетъ пререкать, или хвалить „такое твое поведеніе. Безъ сомнѣнія имѣешь при-„чины, приводящія тебя къ тому. Не стараяся объ-„яснять, или отгадывать оныя, предостается намъ „исполнять волю твою, исполнить должность нашу „безъ ропшанія. Скажу однако же вообще: Самодер-„жецъ, выгоняющій изъ областей своихъ чужестран-„ныхъ, не подавшихъ ему поводовъ къ неудоволь-„ствію, на коихъ нѣтъ никакихъ основательныхъ жа-„лобъ, вредитъ самому себѣ, равно какъ бы снабдѣ-„валъ онъ непріятелей, въ военное съ ними время, „всякими нужными для нихъ запасами, во время же

„мирное влагалъ въ руки оружіе злодѣямъ, готовымъ
„устремиться на него собственно.

„Слыхалъ я, что гора Таи-Шанъ есть изъ са-
„мыхъ великихъ и знаменитыхъ во вселенной по
„тому единому, что не отторгаются отъ ней ни-
„когда и не скатываются къ подошвамъ ея глыбы
„съ ея поверьхности; слыхалъ я, что рѣка Кіангъ
„быстра и глубока отъ пріятія въ нѣдра свои водъ
„чужеземныхъ. Царь, не небрегущій никакимъ человѣ-
„комъ, снискиваетъ способности опознавать и разли-
„чать дарованія, пользоваться оными къ мѣсту и
„кстати. Въ томъ-то поставляли главное достоин-
„ство Царей Фу-Гія, Шен-Нунга, Гоанг-Тія, Яоа
„и Шуна; ибо имѣли оное, и заслужили отъ потом-
„ства имя пяти Тіевъ, или превосходнѣйшихъ Импе-
„раторовъ. Ю-Тшенг-Тангъ, У-Уангъ, основате-
„ли трехъ первыхъ династій, слѣдовали по стопамъ
„пяти Тіевъ, и прозваны потомствомъ тремя Уанга-
„ми, сирѣчь тремя Царями, какъ бы они единые
„добрѣ царствовали послѣ пяти Тіевъ. . . . . Сіе,
„Государь! отважился я тебѣ сказать предъ отбы-
„тіемъ въ отчизну мою. Прошу тебя, удостоевай
„неззбвенія, размышляй иногда о томъ со всевозмож-
„нымъ вниманіемъ. . . . . Я отъѣзжаю.„

Тсин-Ше-Гоангъ не оскорбляется словами *Ли-Сеэя*, а пользуется оными. Указъ о выгонѣ изъ Государства чужестранныхъ отмѣненъ; *Ли-Сеэ* же оставленъ у Двора наиближайшимъ наперстникомъ его, напослѣдокъ же и первымъ его Министромъ. Казалось, что тотъ и другой были рождены другъ для друга; да и покореніе подъ единое властительство всего Китая частію есть дѣло рукъ *Ли-Сеэя*, равно какъ

какъ и самое ужаснѣйшее происшествіе, которое за тѣмъ послѣдовало. Государь и Министръ суть всего онаго единые винотворцы.

Прежде пекутся о накопленіи денегъ на жалованье войскамъ, потребнымъ къ произведенію въ дѣйствіе замысловъ ихъ и къ снисканію предателей. Скоро возъимѣлъ Тсин-Ше-Гоангъ ополченіе, и тако оное размѣстилъ, что учинился въ силахъ и нападать и защищаться. Скоро чрезъ подкупленіе, кого было надобно въ прочихъ шести Царствахъ, еще существовавшихъ, не зависимыхъ отъ Синскаго, стали они, то есть Тсин-Ше-Гоангъ и *Ли Сеэ*, судіями и рѣшителями жребій; душею, такъ сказать, совѣтовъ, пружиною всѣхъ дѣяній оныхъ. Имѣя превосходныя силы, сражаются всегда съ успѣхомъ то сами собою, то яко союзники, или помощники.

Цари, Тшаоскій и Іэнскій, какъ были мощнѣе прочихъ, то и послужили первыми жертвами ихъ славолюбія. Хитрыми происками поссорили ихъ; каждаго порознь обѣщавали снабдить деньгами и ратниками. Но заставивъ ихъ такимъ образомъ воевать между собою, отступилися отъ того и другаго.

Тшаосцы побѣждаютъ Іэисцевъ, овладѣваютъ страною зависящею отъ *Ли-Янга*, предварительно разоривъ всѣ укрѣпленныя мѣста. Тогда-то уже Тсин-Шэ-Гоангъ приложился къ сторонѣ Іэисцевъ, отобралъ у Тшаоцевъ девять городовъ и сопричислилъ къ числу собственныхъ своихъ.

Тшаоскій Царь, престарѣлый и дряхлый, съ печали умеръ. Наслѣдникомъ по немъ остался не тотъ,

которому быть надлежало по законамъ, а побочный сынъ его, рожденный отъ театральной дѣвки. Народъ не любилъ его, да и недоставало ему качествъ потребныхъ Владѣльцу: имѣлъ однако же искусныхъ Полководцевъ и Министровъ, слѣдовательно ничего не боялся. Возхотѣлъ, чтобъ на время сѣтованія по отцѣ прекращены были всякія воинскія движенія. Тсин-Ше-Гоангъ притворное принималъ участіе въ печали сосѣда своего, оставляетъ его въ покоѣ; въ самомъ же дѣлѣ нажидалъ только увидѣть, какой возьмутъ оборотъ дѣла. Полагался столько же на ухищренія, какъ и на войски; надѣялся, что въ странѣ волнующейся неминуемо произойти должно междуусобіе. . . . Въ ожиданіи того обращается инуда.

Цари, Уэискій и Тшускій, со оружіемъ въ рукахъ, спорили о рубежахъ земель своихъ. Первый, бывъ паче военоносенъ, имѣя подъ собою исправнѣйшее ополченіе, владѣя страною, гдѣ люди сложеніемъ отъ природы крѣпче прочихъ Китайцевъ, всеконечно бы одержалъ верьхъ надъ соперникомъ; но Царь Тсинскій преклоняетъ побѣду къ Тшусцамъ, и принуждаются принять законы отъ Царя Уэискаго.

Тсин-Ше-Гоангъ находитъ, что уже время ему стремиться на Тшаосцевъ. Низлагаетъ воинство ихъ, емлетъ плѣнникомъ Полководца Геу Тшея и лишаетъ его жизни. Поступка звѣрская! но и дорого ему становится. Члены Государственнаго Совѣта Тшаоскаго, до того преданные ему, пресѣкаютъ всякое сообщеніе съ Царемъ, который не щадитъ ни возраста, ни достоинства, ни храбрости, ни добродѣтелей. Возбуждаются въ сердцахъ ихъ должныя чув-

ство-

ствованія къ законному Государю. Всѣ силы истощеваютъ къ обузданію буйства Тсинцевъ; подчиняютъ ополченіе свое *Ли-Муу*, мужу преславному и испытанному въ военномъ дѣлѣ. Разсѣянныя войски собраны во едино, пріобщено къ тому немалое число вновь. *Ли-Му* сражается не подалеку отъ И-Нгана, въ нынѣшней Пе-Тше-Лиской области, и получаетъ полную побѣду.

Тсин-Ше Гоангъ, ставъ уничиженъ такимъ образомъ, прибѣгаетъ къ хитростямъ, которыя всегда лучше ему успѣвали. Вперяетъ Тшусцамъ подозрѣніе на *Ли-Муа*, разсѣеваетъ ложные слухи, не малымъ количествомъ денегъ даритъ нѣкоего Ку-Кзія, случайнаго человѣка при Тшаоскомъ Дворѣ, дабы оклеветалъ Царю сказаннаго Полководца. По томъ скрытно повелѣваетъ войскамъ собраться. Идутъ оныя на мѣсто, гдѣ за годъ предъ тѣмъ были низложены, и овладѣваютъ тремя крѣпкими городами: И-Нганомъ, Пинг-Янгомъ, У-Тшенгомъ. Области, *Ланг-Менгская* и *Пу-Уская*, остаются за нимъ. *Ли-Му* тщетно ищетъ заставить Тсинцевъ вступить съ нимъ въ побоище: возбранено имъ то отъ ихъ Государя.

Взятіе трехъ городовъ наполняетъ смятеніемъ Царство Тшаоское, и подаетъ удобность Ку-Кзію погубить *Ли-Муа*. Доноситъ на него, что тайныя имѣетъ пересылки съ непріятелями. Полководецъ сей, который единъ только могъ удержать паденіе отечества, призывается ко Двору, на мѣсто же его опредѣляютъ Тшао-Тсунга, и Іэн-Кіуа, людей безъ навыка, а по тому способныхъ токмо привести дѣла еще въ хуждшее состояніе. Повелѣно имъ было, за-

тѣявъ

тѣявъ какую либо вину на Ли-Муа, умертвить его; что и исполняютъ.

Ганскій Царь между тѣмъ не остается спокойнымъ зрителемъ сосѣдней войны. Предвидитъ, что Тсин-Ше-Гоангъ будетъ скоро и для него страшенъ: бывъ же малодушенъ и изнѣженъ роскошію, умышляетъ уступкою нѣсколькихъ городовъ купить съ нимъ миръ. Предстаютъ отъ него Послы предъ Царя Тсинскаго; свидѣтельствуютъ, что Иган-Уангъ, Государь ихъ, есть его зависимецъ и данникъ; что проситъ о сопричисленіи къ городамъ Тсинскимъ города Нан-Янга съ окрестностьми.

Тсин-Ше-Гоангъ съ неудовольствіемъ отпускаетъ пословъ, не давъ имъ никакого отвѣта: скоро же за ними вступаютъ войски его на земли Иган-Уанга, не срѣтая ниже малѣйшихъ препонъ. Все покаряется, всѣ города отворяютъ предъ ними врата. Напослѣдокъ подобно же взята бываетъ и самая столица, плѣняется Иган-Уангъ, бываетъ препровождаемъ ко Двору Тсинскому.

И тако Ганское Царство сопричислено ко областямъ Тсинскимъ подъ имянемъ области Инг-Тшоан-Тіунъ, плѣненнаго же Царя изъ презрѣнія къ нему не умерщвляетъ; ибо былъ подлъ душею и робокъ, слѣдовательно не опасенъ. Около сего времени узналъ Тсин-Ше-Гоангъ о успѣхѣ происковъ своихъ надъ Ли-Муемъ, и началъ уже себя разумѣть властелиномъ Царства Тшаоскаго, которое находилось тогда въ самыхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ: безъ Полководцевъ, безъ съѣстныхъ запасовъ (ибо годъ тотъ былъ самый неплодоносный), изнурялось вну-

внутренними раздорами; словомъ, наставало уже время паденія его. Войско Тсин-Ше-Гоанга идетъ туда съ поспѣшеніемъ, срѣтаетъ ополченіе Тшаоское, обращаетъ въ бѣгство; не занимаясь же преслѣдованіемъ и утратою дней напрасно, покаряетъ на пути города, и уже Ган-Тангъ, столичный городъ, осажденъ.

Тсинцы, имѣя на сторонѣ своей многихъ жителей Ган-Тангскихъ, скоро получаютъ оный подъ власть свою. Царь со всемъ семействомъ своимъ, знатнѣйшіе Вельможи и Чиновьники, захвачены и препровождены къ Тсин Ше Гоангу, который всѣхъ до единаго казнитъ смертію, дабы, говоритъ, не осталося искры, могущей произвести пожаръ. Но посреди толикаго безчеловѣчія едва не пролилась и собственная его кровь. Чужестранный владѣлецъ, мстя ему, покушается на жизнь его. Имя ему было Танъ, сынъ Царя Іанскаго. Содержался онъ въ залогѣ при Дворѣ Тшаоскомъ вмѣстѣ съ Тсинскимъ Царемъ, когда еще сей слылъ мнимымъ сыномъ И-Іина.

Свели тамо дружество и жили какъ родные братья. По отпускѣ ихъ во свояси, Тсинецъ возшелъ на престолъ, Іанецъ же оставался по прежнему наслѣдникомъ престола.

Пришло время обоимъ симъ царствамъ размѣняться заложными. Царевичь Танъ, наскучивъ жить при отцѣ своемъ, пожелалъ быть отправленъ къ Тсинскому Царю, старинному своему другу, что и бываетъ; не сомнѣвается, что приметъ его Тсин Ше-Гоангъ какъ любезнаго своего стариннаго товарища: но обманулся. Сей уже на престолѣ, не почитаетъ ни-

кого достойнымъ дружества своего. Гордыня, славолюбіе, виды корыстей, наполняли его душу. Презрительный взоръ, кинутый на Тана, поражаетъ его какъ ударъ грома; а ежедневныя по томъ оскорбленія, вмѣсто ожиданныхъ благодѣяній и ласкъ, производятъ въ немъ непримиримую ненависть: бѣгствуетъ и возвращается къ отеческому Двору.

Послѣдуетъ туда же за нимъ одинъ изъ Тсинскихъ Полководцевъ, Фан Ю-Ки, укрываяся отъ гнѣва Государя своего. Таномъ принятъ съ оказаніями искренняго дружества: отводятъ ему великолѣпное жилище, опредѣляютъ доходы избыточные; въ самомъ же дѣлѣ былъ онъ жертвою, которую откармливали на заколеніе. Танъ на сей конецъ призываетъ къ себѣ изъ Царства Уэйскаго нѣкоего имянемъ Кинг-Куа, человѣка отважнаго, имѣющаго причины ненавидѣть Тсин-Ше-Гоанга. Положено между ими, чтобъ отправиться ему въ послѣднему, и искать частыхъ къ нему допусковъ.

Облегчая таковую доступность, посылаетъ съ нимъ голову Фан-Ю-Кія, за которую обѣщавалось тысячу фунтовъ золота и въ потомственное владѣніе городъ, содержащій въ себѣ десять тысячь жителей.

Но какъ Іэнскій Царь не попустилъ сыну своему столь звѣрски нарушить права страннопріимства надъ чужестранцемъ, избравшимъ Дворъ его прибѣжищемъ, то поручаетъ Кинг-Куу преклонить Фан-Ю-Кія, поднять на себя руки. . . . Сей предстаетъ предъ него; толкуетъ ему, что смерть его неизбѣжна; ибо тысяча фунтовъ золота и владѣніе великимъ

кимъ городомъ, ежечасно умножаютъ проискивающихъ лишить его жизни. Далѣе говоритъ: . . „Естьли же „ты умертвишь самъ себя, возьму твою голову, отвезу „къ мучителю, яко усердствующій къ нему, и въ „самое то же мгновеніе мечь мой вонзенъ будетъ въ „его грудь. Чрезъ то ты самъ; тѣ, коимъ долженъ „ты жизнію; твое семейство; словомъ, вся Импе„рія отомстится; Имперія, которую постигаетъ по„зорное порабощеніе: ты одинъ будеши ея избави„телемъ. „

Фэн-Ю-Ки, тяжко вздохнувъ, произнесъ: . . . „Вижу, что не могу остаться живъ: исполняй намѣ„реніе твое. Умираю съ радостію; ибо смерть моя „спасаетъ отечество.„ Кинг Ку обнажаетъ мечь, отдѣляетъ главу отъ тѣла, кладетъ въ ящикъ, спѣшитъ съ нею въ городъ „ Гіэн-Янгъ, гдѣ тогда пребывалъ Царь Тсинскій; даетъ о себѣ знать, кто онъ и съ чемъ онъ: допускается съ почестьми, какъ бы знаменитый чужестранный Посолъ.

Повергается къ ногамъ Тшен-Ше-Гоанга, становится на ноги, открываетъ ящикъ: вынувъ голову Фан-Ю-Кія, ближится къ Царю, другою же рукою, сколько можно скрытнѣе, хватается за кинжалъ. Тсин Ш Гоангъ едва успѣваетъ броситься съ престола своего и уйти отъ удара. Кин Ку гонится за нимъ: саблею бѣгущаго Царя отрубается нога его; бросаетъ въ него кинжалъ, но только пробиваетъ насквозь Царскую одежду.

Ставъ напослѣдокъ схваченъ предстоящими, признается подосланнымъ отъ Тана, который обѣщалъ великія ему награжденія въ случаѣ успѣха. Сего уже

 бы-

было довольно къ объявленію войны Царству Іэнскому, дабы и оное, подобно Тшаоскому, учинить простою токмо областію Имперіи.

Войски двигнулись; самъ Тсин-Ше-Гоангъ препровождаетъ оныя къ Ган-Тану. Съ удовольствіемъ видитъ мѣста, гдѣ И-Іинъ, мнимый отецъ его, жилъ во младости, гдѣ воспитана мать его, гдѣ самъ онъ родился. Мѣста, заслуживающія пощады отъ него, однако же обагряетъ кровію всѣхъ когда либо имъ тамо ненавидимыхъ; всѣхъ тѣхъ, коихъ могъ разумѣть врагами семейства матери своей.

У-нг-Пенъ, отряженный имъ Полководецъ противу ополченія Іэнскаго, срѣтаетъ оное у рѣки И-Шуи. Настаетъ битва отчаянная. Тсинцы побѣждаютъ; ужасное производятъ закланіе и разсѣваютъ спасшихся отъ ихъ меча. По томъ идутъ осаждать городъ Ки, въ коемъ заключился Царь Іэнскій.

Дабы избѣжать ему жребія Царей Ганскаго и Тшанскаго, оставляетъ столицу со всемъ своимъ семействомъ, удаляется въ городъ Леао-Тунгъ, проситъ оттуда письмомъ Тсин-Ше Гоанга забыть прошедшее быть увѣренну, что не имѣетъ онъ ни малѣйшаго участія въ преступленіи Тана, сына своего; что въ доказательство невинности своей казнилъ онъ смертію посрамившаго такимъ образомъ родителя своего; умоляетъ наконецъ вывести войски Тсинскія изъ областей его и даровать ему миръ. Тсин-Ше-Гоангъ, угрожаемый многими иными непріятелями, притворяется довольнымъ: выводитъ войски, овладѣвъ однако же прежде городомъ Кіемъ, который по разграбленіи бываетъ разоренъ до основанія. Полко-

вод-

водцу своему Уанг-Пену велитъ слѣдовать къ столицѣ Царства Уэискаго, облещи, взять, чего бы то ни стоило, и не упустить самаго Царя.

Городъ сей, какого неприступнѣе не было тогда во всемъ Китаѣ, защищается; да и не превозмогли бы надъ нимъ, не употребивъ воинскія хитрости. Теченіе рѣки Коанг-Го обращено было чрезъ внутренность города и въ короткое время всѣ зданія были потоплены. Царь Іуэиской принужденъ здаться. Рѣкѣ дано было прежнее теченіе, городъ же разграбленъ. Царь и семейство его съ знатнѣйшими Вельможами препровождены въ Гіэн-Янгъ, гдѣ находился Тсин-Ше-Гоангъ.

Успѣхи, толико скоротечные одни за другими, напыщаютъ гордынею послѣдняго; не сомнѣвается, что скоро увидятъ его Владыкою всего Китая. Уэиская страна присоединена къ его областямъ. Идетъ въ Царство Тшуское, умертвивъ Уэискаго Владѣльца и всѣхъ привезенныхъ съ нимъ.

Уанг-Пенъ касался уже Тшускимъ рубежамъ, но внезапное произшествіе возвращаетъ его назадъ. Ли-Синъ и Монг-Тіэнъ, Тсинскіе Полководцы, имѣя подъ собою многочисленное воинство, были низложены. Седьмь изъ самыхъ верьховнѣйшихъ, со множествомъ среднихъ степеней военачальниковъ, болѣе сорока тысячь простыхъ ратниковъ, померли съ оружіемъ въ рукахъ: не считая избіенныхъ въ преслѣдованіи, длившемся трои сутки.

Тсин-Ше-Гоангъ однако же не приходитъ въ малодушіе: по совѣту Ли-Сеуя ввѣряетъ войски

одному изъ старинныхъ Полководцевъ, имянемъ Уанг-Тсiэну, который за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ былъ у него подъ гнѣвомъ. Самъ посѣщаетъ сего старика, и говоритъ ему: . . . „Тебя избираю возстановить „честь оружiя моего; шествуй, побѣди и возвратися „со славою, по обычаю твоему; забудь причины къ „неудовольствiю на меня. Такая моя довѣренность „доказуетъ тебѣ мое почтенiе и сколько я полага„юсь на тебя. . . . Не могу лучше употребить ма„лаго остатка дней моихъ, какъ на услуги тебѣ, „Государь! Но естьли хощеши, дабы я соотвѣтство„валъ твоему желанiю, дай мнѣ ратниковъ не ме„нѣе шести сотъ тысячь человѣкъ. Царь только „Тшеуской можетъ мѣшать тебѣ; надобно его истре„бить. Да истощится казна твоя: только безъ ше„сти сотъ тысячь человѣкъ ратниковъ не обѣщаю „тебѣ успѣховъ. Настоитъ случай отважиться на „все, дабы все прiобрѣсти; безъ того же великiя „твои намѣренiя какъ дымъ изчезнутъ, и все содѣян„ное доселѣ тобою останется тщетно, а можетъ „быть погибнешь и самъ.„

Тсин-Ше-Гоангъ даетъ слово исполнить требованiя Уанг-Тсiэна. Шесть сотъ тысячь военныхъ людей набрано, самъ онъ сопутствуетъ Полководцу до города Па-Шанга, близь нынѣшняго же города Син-Ган-Фуа. На пути примѣтивъ задумчивость Уанг-Тсiэна, вопрошаетъ о причинѣ, и слышитъ отъ него: . . . „Скажу тебѣ не обинуяся, мыслю о „съѣстныхъ запасахъ для прокормленiя толикаго мно„жества людей, коихъ жизнь и смерть отъ меня „зависятъ. Дѣло не легкое! . . . Не безпокойся, воз„ражаетъ Царь; все уже приготовлено. Оскудѣетъ „скорѣе собственный мой Дворецъ, нежели станъ

„твой.

„твой. . . . Теперь я обезпечен, будь же и ты та„ковым. Впрочем дам тебѣ вѣрный отчет во „всем.„ Тсин-Ше-Гоанг возвращается в столицу. Уанг-Тсіэн с многочисленным ополченіем вступает на земли непріятельскія, ставит шатры в Панг-Юв, не подалеку от нынѣшняго города Ю-Нинг Фуэ, что в области Гонанской.

Владѣлец Тшуской ожидал уже сего. Приняты уже им были всѣ возможныя мѣры не только от нечаяннаго нападенія, но дабы и одержать ему верьх. Воинство его равнялось Тсинскому; начальствовал оным Гіанг-Іэн, Полководец, коего преславнѣе не было тогда во всем Китаѣ; посылает немалые отряды для прикрытія везомых к нему запасов издалека; посылает же и Уанг Тсіэн, увѣдомленный о том чрез развѣдывателей, и еще большие участки, коим удается разбить непріятелей, обозы, ими прикрываемые, получить в добычу.

В один день услышав о приближеніи к Тшусцам великаго множества повозок, посылает часть ополченія овладѣть оным. Гіанг-Іэну помѣчталось, что противник его идет во всѣх силах сражаться с ним, и приведенный тѣм в смятеніе, раздает предосудительные себѣ приказы. Уанг-Тсіэн то примѣтив, производит самым дѣлом, чего ожидал Гіанг-Іэн: устремляется на него, опрокидывает, обращает в бѣгство почти без пролитія крови. Гіанг Іэн однако же соединяет разсѣявшіяся войски свои, ведет их на окрестности Ки-Нанскія. Послѣдуют туда же за ним и Тсинцы. Там-то начинается побоище самое жаркое. Вождь Тшусцев оказует в сем случаѣ все свое искусство, и всѣ пособія военна-

го

го ремесла. Уже преклонилась на его сторону побѣда, но къ нещастію бываетъ плѣненъ. Ополченіе его, лишася распорядителя своихъ движеній, робѣетъ, разсѣевается, бѣгствуетъ, какъ бы совершенно низложено было.

Уанг-Тсіэнъ запрещаетъ гнаться за бѣгущими. Давъ отдохнуть ратникамъ, подступаетъ къ городу Ки-Нану; осаждаетъ. Устрашенные жители сдаются и испытываютъ человѣколюбіе побѣдителя, который не только предохраняетъ ихъ отъ разграбленія, но оставляетъ при прежнихъ правахъ и преимуществахъ. Столь достохвальную поступку помрачилъ однако же умерщвленіемъ Гіанг-Іэна, соперника своего въ славѣ и храбрости (*). Уанг-Тсіэнъ повелъ по томъ войски къ странѣ Шеу Тшеуской, въ которой Тшускій Царь имѣлъ пребываніе. Не срѣтаетъ сопротивленія. Города отверзаютъ предъ нимъ врата, вездѣ пріемлются отъ него законы. Менѣе мѣсяца времяни послѣ Ки-Нанскаго побоища, Уанг-Тсіэнъ овладѣлъ всею областію Шеу Тшеускою.

Тшускій Владѣлецъ не могъ обезпечить собственную свою жизнь. Чаялъ, что по крайней мѣрѣ города его на пути Уанг Тсіэна задолжатъ нѣсколько оный сопротивленіями и подадутъ ему время собрать воинство. Такимъ образомъ увидѣлъ себя принужденна покориться и подвергнуть прочій остатокъ земель своихъ власти побѣдителя.

Плѣнники препровождены подъ стражею къ Гіэн-Янгскому Двору, откуда повелѣвается побѣж-

лать

(*) Нѣкоторые Китайскіе Писатели утверждаютъ, что Гіанг-Іанъ не былъ лишенъ жизни Уанг-Тсіэномъ, а убіенъ въ сраженіи.

дать всю ту страну, которая тогда слыла Пе-Юэ. Инако Полководецъ Уанг-Пенъ начинаетъ вновь войну противу Іэнцевъ и овладѣваетъ Царствомъ сего имяни: самаго же Владѣльца поимавъ бѣгствующа, отсылаетъ къ Тсин-Ше-Гоангу, который какъ его, такъ и всѣхъ его сродниковъ, даже до единаго, казнитъ смертію, будто бы въ отмщеніе за вѣроломство Тана. Уже царства, Ганское, Тшаоское, Уэиское, Тшуское, Іэнское, и вся страна Кіанг-Нанская, составлявшая удѣлъ Тшускаго поколѣнія Императоровъ, подвергнулись Тсинскому Царю. Оставалось ему завоевать подобно же царства Таиское и Тсиское, дабы стать Самодержцемъ всего Китая.

Полководецъ его Уанг-Пенъ со всевозможною поспѣшностію идетъ туда. Сказанные Державцы, провождая мирное время со всѣми своими сосѣдьми, не ожидали нападенія ни откуда. Но внезапу Уанг-Пенъ устремляется прежде на Таисцевъ, и безъ дальняго труда подвергаетъ сію страну Тсин-Ше-Гоангу.

Царь Тсиский, не оскорбившій никогда и ничемъ Царя Тсинскаго, какъ ни убѣждаемъ былъ къ тому отъ сосѣднихъ себѣ Владѣльцевъ, слишкомъ надѣется на благорасположеніе его къ нему, что и обратилось ему въ пагубу. Даже не хотѣлъ слышать усерднѣйшихъ къ себѣ членовъ своего Совѣта, дабы по крайней мѣрѣ былъ въ состояніи оборонительномъ противу общаго непріятеля всѣхъ Китайскихъ Царей; даже рубежи его не имѣли охранныхъ войскъ, что необходимо нужно бываетъ и во время мирное. Позналъ, но поздно, что чрезмѣрная благонадѣжность противна правиламъ добраго правительства.

Самымъ наиторжественнѣйшимъ образомъ подвергается онъ со всѣми своими областьми Уанг-Пену. Надѣвъ на себя одежды и клейноды своего сана, предстаетъ къ нему послѣдуемый знатнѣйшими Вельможами и Судьями столицы: сказанные знаки сана снимаетъ, кладетъ къ ногамъ Тсинскаго Полководца, признаваетъ себя данникомъ и вѣрнымъ подданнымъ Тсинскаго Царя. Оказуются ему почтенія и отличности, приличествующія самодержавному Государю; однако же слышитъ, что необходимо препровожденъ будетъ къ послѣднему, предъ коимъ по повтореніи того же самаго засвидѣтельствованія отпустится съ прежнею властію во своя. . . Должно было повиноваться.

Уанг-Пенъ наполнивъ, побѣжденные города достаточными охранными войсками, отсылаетъ новаго данника къ Тсин-Ше-Геангу, не сомнѣваясь, что поступится съ нимъ по его обѣщанію. Но послѣдуетъ противное: отводятъ ему жилище, какъ рядовому военоплѣнному ратнику. Опредѣляютъ весьма малое число невольниковъ на услуги, подъ присмотромъ особыхъ чиновниковъ, которымъ велѣно держать его подъ стражею и отвѣтствовать за него. Тсинскій Царь боялся, чтобъ не согнали его со свѣта ядомъ, или самою позорною казнію, притворяется довольнымъ. Удалося ему обмануть приставниковъ: надѣвъ на себя рубищи, спасается бѣгствомъ.

Не имѣя никого съ собою, не зная куда итти, странствуетъ мѣстами рѣдко проходными, питается плодами земными, кои находитъ случайно. Наконецъ изнуряются его силы. Снѣдаемый горестію,

са-

садится при корнѣ кипариснаго дерева и испускаетъ духъ.

Такъ-то бѣдственно окончалъ жизнь послѣдній изъ седьми Царей, владѣвшихъ каждый особою частію Китая. Побочный сынъ торговаго человѣка истребилъ ихъ одного за другимъ, и обагривъ достоянія ихъ кровію, спокойно возшелъ на престолъ Императорскій, въ двадесять шестое лѣто царствованія своего надъ предѣлами Тсинскими, тритцати девяти лѣтъ отъ рожденія, за двѣсти дватцать одинъ годъ до Христа. Въ Лѣтописяхъ Китайскихъ стоитъ: . . . . „Тсины осталися владыками всего Китая, не по то„му, что превозходили прочихъ Царей доблестьми, „храбростію лучшимъ образомъ правительства. Не„слыханныя злодѣянія, наигнуснѣйшія вѣроломства, „грабежи и убійства, почти безъ всякихъ правилъ „политики, возвели ихъ на сію степень. Три тыся„чи фунтовъ злата, раздаренные Дѣловцамъ и знат„нѣйшимъ Чиновникамъ побѣжденныхъ Государей, до„ставили ихъ успѣхами. Но не надолго: бездна, въ „которую долженствовали низринуться, не далеко „уже отстояла отъ нихъ.„

Тсин-Ше-Гоангъ созываетъ въ собраніи Вельможей отвсюду; вѣщаетъ имъ тако:

„Доблести, могущество мое, безъ прекословія „уравниваютъ меня съ тремя Гоангами. Храбростію, „личными достоинствами, преславными дѣяніями и „успѣхами моими, преизяществую я предъ пятію „Тіями. Титла, Гоангъ и Ти (первое значитъ Само„держца надъ Самодержцами, второе же наиверьховнѣй„шаго Государя) законнѣ принадлежатъ мнѣ, неже-

„ли онымъ: слѣдовательно пріемлю оныя оба. Но
„дабы вѣдало потомство, что мною началося поко-
„лѣніе таковыхъ Владыкъ Китая, то къ сказаннымъ
„титламъ Гоанг-Ти, пріобщаю Ше (то есть про-
„изхожденіе, начало). И тако отнынѣ да будетъ
„имя мое Ше-Гоанг-Ти, сирѣчь первый Государь
„Государей, или первоначальная глава наипервоверхо-
„внѣйшихъ Императоровъ.

„Отмѣняю навсегда обычай, дабы отнынѣ не
„налагалися новыя какія либо назвища Обладателямъ
„Китайскимъ по кончинѣ ихъ. Въ Лѣтописяхъ и
„всякихъ общенародныхъ письмахъ да зовутъ меня
„просто: . . Первоначальная глава наиверьховнѣйшихъ
„Императоровъ. Перваго по мнѣ преемника вто-
„рымъ, втораго, третіимъ третіяго четвертымъ та-
„ковымъ же и такъ далѣе. Обычай налагать пышныя
„имяна Императорамъ по смерти, введенъ лестію и
„благодарностію. Почтительные сыны возхотѣли
„онымъ украсить память родителей своихъ, и учи-
„нить ихъ славными вѣчно. Безразсудно, достойно
„посмѣшища разумѣть, что производителемъ того
„было безпристрастіе: и тако да не будетъ сего ни-
„когда.„

Такимъ-то образомъ Ше-Гоанг-Ти превоз-
носитъ себя безстыдно надъ всѣми Китайскими Го-
сударями, владычествовавшими до него. Нѣкоторый
Писатель изражается: . . . „Ослѣпленный гордынею,
„не видитъ, что древніе Государи наши издали поле-
„зные законы; вмѣсто похвалъ данію себѣ; вмѣсто
„любви и привержентя безпредѣльнаго, коихъ тѣ бы-
„ли достойны отъ современниковъ и потомства,
„глу-

„глупымъ своимъ высокомѣріемъ учинился предме-„томъ презрѣнія и проклятія всеобщаго.

„Основатели трехъ первыхъ династій, прежде „же ихъ Фу-Ги, Шен-Нунгъ, Гоан-Ти, Яо и Щунъ „по тому любимы и чтимы были повсемѣстно (какъ „свидѣтельствуетъ Монг-Тсев), что всѣ ихъ дѣла „душею своею, такъ сказать, имѣли человѣколю-„біе, на которомъ утвердили они законы и прави-„тельство.

„Что же полезное произведено Ше-Гоанг-Тіемъ „и всемъ поколѣніемъ Тсинскимъ, по чему бы можно „было уравнивать ихъ съ великими мужами древно-„сти, коихъ будто бы превозходили? Опустошеніе ли „областей, искорененіе ли Царствъ, разореніе ли го-„родовъ, поруганіе ли гробницъ праотеческихъ, согна-„ніе ли съ свѣта семействъ, оказавшихъ толикіе при-„мѣры любви къ человѣчеству? Начиная битвою Ше-„Менскою до истребленія Тшеуевъ (*), число умерщ-„вленныхъ Ше-Гоанг-Тіемъ простирается болѣе, „нежели до миліона четырехъ сотъ тысячь, не со-„причисляя къ тому лишившихся жизни на войнахъ.

„Исчисленіе таковое [illegible]что мною изъ Записокъ „Историческихъ, наидостовѣрнѣйшихъ. Сколько же

(*) Ше-Менское побоище произходило въ пятидесятое лѣто царствованія Гіен-Уанга, предпослѣдняго Императора Тшеуенія династіи, что будетъ противу три ста шесть сотъ четвертаго года до рождества Христова.

Истребленіе Тшеуевъ случилось на пятидесяти девятомъ году владѣнія Нан-Уанга, то есть противу сто пятьдесятъ шестаго года до Христа. По Ше-Менской битвѣ Тсинами обезглавлено было пятьдесятъ тысячь человѣкъ, по свидѣтельству Лѣтописей.

„ въ протеченіи времяни между Нан-Уангомъ и Ше-
„ Гоанг-Тіемъ, по подверженіи послѣднихъ подъ
„ власть послѣдняго всего Китая, замучено было Тси-
„ нами нещастныхъ жертвъ безчеловѣчія ихъ: со всѣ-
„ ми моими стараніями не могу показать точно.
„ Однако же не трудно изобразить, какое уязвленіе
„ получилъ отъ рукъ ихъ родъ человѣческій толики-
„ ми неправедными ихъ войнами. Толико городовъ
„ преобращено ими въ развалины; жители оныхъ, спа-
„ савшіеся отъ огня и меча, большею частію уморе-
„ ны голодомъ, нищетою и отчаяніемъ; словомъ, не-
„ смѣтное количество селеній, пашенныхъ земель,
„ преобращены ими въ дикія пустыни!

„ Такими ли стезями три Гоанга, пять Ті-
„ евъ, прославилися и превознеслися? такими ли дѣя-
„ ніями заслужили помѣщеніе надъ всѣми прочими
„ человѣками, явилися достойны ими правительство-
„ вать? Раскроемъ Исторію: увидимъ, что владѣли
„ они сердцами, что Вельможи и чернь единогласно
„ избрали ихъ Государями себѣ, или сказать точнѣе,
„ отцами каждаго и всѣхъ; что всѣ дни вѣка ихъ
„ были не что иное, какъ сцѣпленіе добродѣтелей,
„ благотворенія и человѣколюбія. Какъ же дерзаетъ Ше-
„ Гоанг-Ти (когда уже такъ называть его должно) упо-
„ добляться имъ? Не наполняетъ ли чрезъ сіе самое
„ всякую душу человѣческую омерзеніемъ къ себѣ? Пре-
„ возносить себя надъ ними есть сумазбродство, до-
„ стойное наиглубочайшаго презрѣнія. По безпредѣльной
„ гордыни, по безпредѣльной глупости возмечталъ, что
„ до скончанія міра потомки его будутъ слыть Го-
„ ангами и Тіями. Въ первомъ уже родѣ по современ-
„ никахъ его не увидѣли на свѣтѣ ниже одного по-
„ томка Тсиновъ, не дано ни единому изъ нихъ оск-
„ вер-

„вернять бытствованіемъ своимъ земную поверьхность;
„ осталося токмо напоминаніе звѣрскихъ ихъ мучи-
„ тельствъ, глубокіе слѣды ихъ кровожадничества.„

Совсѣмъ подобно Монг-Тсею изражаются по-
вѣствовавшіе что либо о Ше Гоанг-Тіѣ. За симъ
увидимъ, какъ описуютъ они его по случаю учинен-
ной имъ премѣны въ Китаѣ. . . . „Всякія узаконе-
„ нія, изданныя до него отъ самыя древности, пере-
„ портилъ прибавленіями и отмѣненіями наисуще-
„ ственнѣйшихъ частей, думая, что и памяти са-
„ михъ Законодавцевъ предадутся чрезъ то вѣчному
„ забвенію, хотя онъ былъ только развратный заим-
„ ствователь трудовъ ихъ.

„ Провозгласилъ самъ себя, по вышесказанному,
„ Ше Гоанг-Тіемъ; возхотѣлъ подобно же отличить
„ и время владычества своего. Издаетъ указъ содер-
„ жанія такого. . . .

„ Тшеуи приняли таинственнымъ для себя зна-
„ комъ огнь. Огнь превращаетъ въ ничто, до чего
„ бы ни коснулся: подобно оружіе Тшеуэвъ истреби-
„ ло поколѣніе Шангское. Я избираю таковымъ же
„ знакомъ воду; ибо заливаетъ огнь, жидитъ и раз-
„ водитъ всякое недовольно окрѣпчавшее тѣло. Пога-
„ силъ я огнь Тшеуевъ; расторгнулъ составъ разныхъ
„ Царствъ, которыя образовалися было послѣ нихъ.
„ Слѣдовательно, вода приличествуетъ быть таин-
„ ственнымъ знакомъ моимъ, и да пребудетъ тако-
„ вымъ отнынѣ.„

Число шесть особенно присвояютъ Астрологи
планетѣ Меркурію; и что вліянія сей планеты дѣй-
ству-

ствуютЪ надЪ водою; прорицатели же по числамЪ зовутЪ шестичисліе Коаями Фу-Гіевыми, что значитЪ воду, и чрезЪ шестичисліе также выводятЪ свои пророчества.

Сего ради повелѣваетЪ Ше-Гоанг-Ти сочинить особый родЪ шестичисленныя Ариѳметики, дабы вЪ Астрономіи ею были дѣлаемы вычеты періодическихЪ коловращеній, небесныхЪ свѣтилЪ и годовыхЪ времянЪ; вЪ Географіи, чтобЪ сЪ тѣмЪ же самымЪ соображалися разстоянія и положенія мѣстЪ; вЪ Геометріи измѣреніе участкомЪ земли; вЪ Аритмомансіи, прорицанія; вЪ Музыкѣ при торжествахЪ служили бы главными тонами не восемь, а шесть токмо; относительно кЪ торговлѣ и ремесламЪ, чтобЪ шестичисленныя были вѣсы и мѣры; шесть большихЪ ручныхЪ пальцовЪ, чтобЪ составляли мѣру ноги человѣческой, или такЪ называемый футЪ; шести футовЪ, шагЪ Геометрическій; чтобЪ повозки, собственно для него употребляемыя, имѣли шестифутовую длину, запрягалися бы вЪ нихЪ по шести коней; да и прочее все, надлежащее до того, было бы шестичисленное же. ЧтобЪ шапка, которую будетЪ надѣвать сидя на престолѣ, была вЪ шесть большихЪ ручныхЪ пальцевЪ высотою; одежды же вЪ шесть футовЪ. Области Государственныя раздѣлилЪ на шесть разЪ шесть, или на тритцать шесть: положилЪ осматривать самолично по шести изЪ оныхЪ на годЪ.

Китайскіе Императоры вообще имѣли вЪ обычаѣ одѣвать придворныхЪ своихЪ и всякихЪ Государственных Чиновниковъ по торжественнымЪ днямЪ, избирая каждый для себя нѣкоторый особый

цвѣтЪ

цвѣтъ (*). Ше-Гоанг Ти снизшелъ въ семъ случаѣ до подражанія имъ и выбралъ цвѣтъ черный. Одежды придворныхъ, всякаго рода чиновниковъ, Судей и иныхъ Мандариновъ, знамена, всякія орудія при жертвоприношеніяхъ, все принадлежащее собственно ему Ше-Гоанг Тію, всякой подступающій къ нему воздолженствовалъ имѣть облаченіе черное.

Астрономія представилася ему стоющею того, чтобъ ознаменовался и оною: исправилъ Календарь; велѣлъ, чтобъ годы начинались двумя лунными коловращеніями прежде, противу времянъ царствованія Тшеускихъ Государей. И тако десятая луна настоявшаго тогда года была первою слѣдовавшаго за онымъ. Солнце и луна находилися тогда подъ Зодіаческимъ знакомъ Стрѣльца.

До него всѣ Китайскіе Государи по смиренномудрію, говоря о себѣ, употребляли слово Ю. Онъ пременилъ оное на слово же Тшенъ, и узаконилъ, чтобы преемники по немъ тако же изражались. Отъ самыхъ начатковъ Монархіи до сего Ше-Гоанг-Тія, наиславнѣйшіе Государи тако о себѣ говаривали: . . . Ю-Іинъ, сирѣчь, я человѣкъ посредственнаго ума. Отъ Ше-Гоанг-Тія до нашихъ дней, Императоры говорятъ о себѣ: Тшенъ, сирѣчь я, который превыше всѣхъ (**).

(*) Въ книгахъ, подъ руками у меня, не нашелъ лучшаго объясненія шестичислію.

(**) Не должно сливать слово Тшенъ, когда разумѣютъ Императоры самихъ себя, со словомъ Тшенъ, которое употребляютъ Вельможи и прочіе Государственные чины, говоря съ Императорами. Первое значитъ человѣка превыше всѣхъ, неимѣющаго подобнаго себѣ; второе же инако пишемое, зависимца, подданнаго и прочая.

Для указовъ Императорскихъ до того не было особыхъ названій извлючительныхъ, а только говорилось и писалось: указъ подтвердительный, указъ отмѣнительный. Но Ше-Гоанг-Тіемъ вымышлены особыя также слова Тше и Тшао, что значило подтвержденіе и отмѣненіе, оба же вмѣстѣ: наставленіе, надлежащее до узаконеннаго уже. Ибо отзывался Ше-Гоанг-Ти: „Воля и словеса Самодержца дол„женствуютъ разумѣемы быть за едино съ дѣй„ствіемъ, котораго оные суть предметомъ; слѣдо„вательно все происходящее отъ Самодержца, дол„женствуетъ имѣть силу указовъ.„

Такія и тому подобныя установленія обнародованы были по всѣмъ частямъ Китая. Въ знакъ довѣренности своей къ народу и что не сомнѣвается о вѣрности онаго къ себѣ, повелѣваетъ переломать всякіе воинскіе доспѣхи; ибо (говорилъ онъ) не осталося уже, съ кѣмъ бы ему воевать. Всякаго рода оружіе, повторяю, предписалъ присылать въ столицу, въ которой назначилъ особыя жилищи для отличившихся ратнымъ дѣломъ. Городъ Гіэн-Янгъ наполнился оружіемъ и оруженосцами. Жителей онаго число умножилось стами тысячь семействъ, или, какъ полагаютъ Китайцы, увидѣли въ немъ около седми сотъ двацати тысячь душъ, каждое семейство считая по малой мѣрѣ въ шести душахъ.

Столь многолюдный городъ заслуживалъ отличеніе отъ прочихъ Имперій на всѣ грядущіе вѣки. Ше-Гоанг-Ти восхотѣлъ украсить оный соотвѣтственно безпредѣльной гордынѣ своей. Сказываетъ, что видѣлъ во снѣ двѣнатцать мужей исполиноподобнаго роста, которые, подступя къ нему, рекли: . . .

„Есть-

„Естьли будеши вести благо жизнь твою, Имперія „твоя продолжится; естьли же худо, то иностран-„цы въ одеждахъ, какія видиши на насъ, похи-„тятъ оную у тебя скоро. Сохраняй въ памяти сіи „наши слова.„ Отъ пятъ до темя будто бы имѣли они пятьдесятъ футовъ, одѣяніе же было на нихъ Татаръ Тіискихъ.

Сонное такое видѣніе. Праведное, или затѣянное токмо, было причиною, что Ше-Гоанг Ти повелѣваетъ свозить въ Гіэн-Янгъ всѣ колокола и всякія иныя Музыкійскія орудія, устроенныя изъ металловъ. Изъ Дворцевъ и Храмовъ завоеванныхъ имъ Царствъ, отобравъ тѣ, которые лучше были работою, достальное переплавилъ въ подобія мечтавшихся ему во снѣ исполиновъ: для каждаго употребилось двѣнатцать тысячь фунтовъ метала: поставлены были въ великой пріемной палатѣ Дворца его по шести на сторонѣ.

Не подалеку отъ города Гіэн-Янга протекала рѣка Уэи-Шуи. Къ Полудню отъ нее находилось множество Храмовъ, множество увеселительныхъ домовъ, украшавшихъ берега ея: вообще же представляли прекрасное зрѣлище. Тамъ-то совершалъ Ше-Гоанг-Ти торжественные обряды богослуженія; тамъ-то происходили забавы его.

Къ Сѣверу отъ сей рѣки нѣсколько садовъ, а на срединѣ холмъ, обнаженный отъ всякаго растенія, да и вся окрестность имѣла непріятный видъ. Ше-Гоанг-Ти рѣшится претворить страну сію въ мѣста восхитительныя. Были у него сняты чертежи и рисунки всѣхъ Дворцевъ побѣжденныхъ имъ Госу-

дарей, наилучшія украшенія оныхъ и домовъ знатнѣйшихъ Вельможей. Привезено все то было въ Гіэн-Янгъ; привезены также были отмѣнныхъ дарованій жены и невольницы сказанныхъ Государей.

Изъ всѣхъ такихъ рисунковъ и чертежей отмѣтивъ онъ рукою своею болѣе иныхъ кидающіяся въ глаза части, повелѣваетъ строить зданія, которыя бы имѣли въ себѣ все оное и были бы украшены свезенными же рѣдкостьми; помѣщаетъ въ нихъ женщинъ и скопцевъ чужестранныхъ.

Зданіями таковыми занялося необычайно великое пространство по Сѣверному берегу рѣки Уэн-Шуія. Изъ одного въ другое устроены были переходы между великолѣпныхъ столповъ, подъ сводами и кровлями. Между тѣмъ, какъ производимы были работы сіи, предпріемлетъ торжественный осмотръ всѣхъ округъ Имперіи. Прежде созываетъ Государственный Совѣтъ, убѣждаетъ каждаго члена, чтобъ не боися его прогнѣвать, сказывалъ смѣло, что находитъ нужное къ установленію для всеобщаго благоустройства, для размноженія день отъ дня славы и величія Имперіи, для утвержденія подданныхъ въ вѣрности къ нему.

Уанг-Коангъ, единъ изъ первѣйшихъ его Дѣлоцевъ, разверзаетъ уста: . .

„Государь! наинадежнѣйшее средство удерживать народы въ должности, есть неослабное наблюденіе премудрыхъ твоихъ законовъ; поспѣшествованіе того, чтобъ Имперія твоя непрестанно еще „въ лучшее приходила состояніе: благоденствіе

„тво-

„ твоихъ подданныхъ получило прочность свою. Надобно, естьли сіе возможно, чтобъ былъ ты повсемѣстенъ, особенно же имѣлъ подъ глазами твоими области, не давно бывшія царствами, Іэнскую, Тсискую и Тшускую. Ихъ мѣстоположенія, удаленность отсюда, свойство и качество жителей, требуютъ присутствія Самодержца, который бы имѣлъ ихъ завсегдашнимъ предметомъ своихъ попеченій. . . . Не окореняя ни въ которой изъ оныхъ пребыванія твоего, можеши быти въ нѣкоемъ смыслѣ таковъ, не покидая столицы твоей. Раздай ихъ въ удѣлы Князьямъ крови твоей. Они, дыша единымъ духомъ, дѣйствуя соотвѣтственно единымъ и тѣмъ же правиламъ, повинуяся безотвѣтно велѣніямъ твоимъ, будутъ управлять не яко орудія твои, но какъ бы ты самъ: будутъ твоими очами, твоими ушами, твоими устами. Твое могущество, твое правосудіе, заставитъ всѣхъ и каждаго послушествовать имъ, награждатися, наказыватися ими. Сіи живые твои образы учинятъ тебя повсемѣстнымъ. Вотъ како, Государь, по разсужденію моему утвердится престолъ твой на вѣчность! престолъ, который принадлежать долженствуетъ единому токмо священному колѣну Тсинскому.„

Другій такій же Государственный Дѣловецъ, имянемъ *Ли-Сеэ*, послѣ замолчавшаго Уанг-Коанга говоритъ: . . .

„Совсѣмъ инако мыслю я. Въ душѣ моей увѣренъ, что предлагаемое средство Уанг-Коангомъ произвести можетъ противное чаянію его. Имперія нечувствительно изнурится, а наконецъ и па-

„детъ навсегда. Не углубляяся во времяна древнія,
„имѣетъ предъ глазами примѣръ Царей Тшеускихъ. У-
„Уангъ, ихъ знаменитый родоначальникъ, отнялъ
„Имперію у поколѣнія Тшангскаго, учинившагося не-
„достойнымъ обладать ею; по томъ раздѣлилъ онъ
„ее на многія Царства въ пользу своихъ родствен-
„никовъ, военачальниковъ и друзей, въ награду за
„вѣрность и заслуги. Доколѣ живъ былъ У-Уангъ,
„правда, повиновалися ему безотвѣтно и не нару-
„шали долга къ нему. Казалися составляющими одну
„семью, коея домоначальникомъ былъ У-Уангъ. По-
„слѣдняго не стало. Частные виды корыстей про-
„извели раздоры, непримиримыя ненависти. Подлая
„зависть заступила мѣста искренняго дружества. Воз-
„никли междуусобія и заглушили гласъ общаго надъ
„ними Владыки; не возхотѣли имѣть онаго надъ со-
„бою. Каждый началъ стараться, какъ бы ему съ
„истребленіемъ соперниковъ учиниться Царемъ Явныя
„насильства, обманы, предательства, всякое нечестіе,
„употреблено къ достиженію намѣренія таковаго. Тѣ
„и другіе изнуривъ силы, не нашлися напослѣдокъ
„въ состояніи противустоять первому, кто отва-
„жился распустить знамя мятежа надъ развалинами
„расторженныхъ, вышесказаннымъ образомъ, частей
„Китая. Начали образоваться новыя области семей-
„ства до того могущественныя; повлекли мрачную
„жизнь на множество столѣтій впредь; напослѣ-
„докъ же испровержены, и не могли уже никогда по
„томъ оправиться.

„Ты, Государь! наслѣдникъ древняго вели-
„чія Имперіи, ты единъ обладатель всѣхъ сихъ
„раздробленныхъ частей Китая. Подъ самыми наи-
„щастливѣйшими предзнаменованіями самодержавству-
ешь

„ еши толико обширными странами, которыя получили отъ руки твоей первобытную славу свою. Что говорю и? Даровалъ ты имъ премудрыми твоими узаконеніями опредѣленіе и силу, каковыхъ не имѣли никогда. Благоразумно ли низринуть тебѣ одною рукою возвышенное другою? Ты искоренилъ Царей: возхощеши ли созидать новыхъ, которые не умедлятъ стать страшными и для самаго тебя?

„ Довлѣютъ почести и богатства единокровнымъ твоимъ, довлѣютъ награды служившимъ тебѣ отлично, достойно и праведно. Ничто толико не соотвѣтствуетъ здравому разуму; ничто столько не прославляетъ великаго Государя. Но не льзя ли обогащать и возвышать ихъ, не учреждая вновь Царствъ, или Княжествъ для нихъ? Не льзя ли избыточно удовольствовать вторыхъ, не возводя ихъ на степени превыше ихъ порожденія? Раздѣлилъ ты, Государь! Имперію на тритцать шесть областей: нареки столько же страноначальниковъ, удерживать будутъ жителей въ повиновеніи тебѣ, въ наблюденіи законовъ. Тритцать шесть страноначальниковъ, да имѣютъ подъ собою потребное количество помощниковъ и подчиненныхъ, а притомъ и надзирателей надъ собственными ихъ поведеніями, извѣщателей тебѣ о всемъ. Се предстоятъ предъ тобою твои сродники, твои други, ознаменовавшіеся заслугами военачальники!

„ Людямъ среднихъ достоинствъ, имѣющимъ право на благодѣянія твои, предостаются чины почтенные и прибыточные. Развѣ не льзя тебѣ ихъ оными пожаловать? Вѣдомство надъ обще-

на-

„ народными зданіями, пріемъ годовыхъ твоихъ до-
„ ходовъ, должности гражданскія, и военныя и еще
„ тысячи иныхъ мѣстъ въ Государствѣ, коими еже-
„ дневно взыскуешь ты по твоему благоразсмотрѣнію:
„ сіи мѣста, чины и препорученія нынѣ и впредъ
„ удовлетворять могутъ праведно заслужившихъ, или
„ когда либо заслуживающихъ оныя.

„ Имперія твоя днесь распростирается даже
„ до морей. Все дышущее въ ней признаетъ тебя
„ Владыкою. Да не посягнеши на то, чтобъ раздро-
„ бить твое достояніе и подвергнуть власти част-
„ ныхъ Царей непосредственныхъ Державцевъ. Ина-
„ ко же мало по малу иго ихъ народу несравненно
„ тягостнѣе будетъ настоящаго удобоносимаго.

„ Выговорю еще слово, и замолчу. . . . . Тшеуи
„ нажаловали Царей, нажаловали Князей, подъ разны-
„ ми титлами: однихъ мощнѣе предъ другими, одна-
„ ко же всѣхъ съ преимуществомъ Самодержавія. Та-
„ ковые Цари, таковые Князи, забываютъ со время-
„ немъ, чемъ должны крови, отъ которой произо-
„ шли, дружеству и благодарности. Виды корыстей
„ раздѣляютъ ихъ; отъ подобнаго же раздѣленія воз-
„ никаетъ ненависть, отъ ненависти кровопитныя
„ междуусобія. Одинъ другаго не подкрѣпляя, въ ко-
„ роткое время падаютъ: подданные ихъ мятутся,
„ свергаютъ ихъ съ престоловъ, коихъ явилися не-
„ достойны; сами на оные возходятъ, да и удержа-
„ ли бы за потомствомъ своимъ навсегда, естьли бы
„ не родился въ свѣтъ Ше-Гоанг-Ти, естьли бы си-
„ лою оружія своего, а паче еще внушеніями самой
„ премудрости, не низринулъ хищниковъ таковыхъ
„ въ прежнее ихъ ничтожество. „

Ше-

Ше-Гоанг-Ти, условяся можетъ быть съ Ли-Сеэемъ, что ему говорить, одобряетъ разсужденія его. Слышатъ отъ него слѣдующее:

„Доброе царствованіе не терпитъ множества „Владыкъ. Естьли бы учинилъ я нѣкоторыя изъ об„ластей моихъ особыми Царствами и Княжествами, „роздалъ въ удѣлы моимъ сродникамъ, друзьямъ, за„служившимъ отъ меня награды и отличія: произ„вело бы сіе неизбѣжное паденіе моего семейства и „всѣхъ взысканныхъ такимъ образомъ мною. Войны, „опустошавшія Имперію, толь многія столѣтія до„казуютъ, что виновторцами оныхъ завсегда бывали „Князи данники.

Нынѣ, по благословенію самаго Неба и щастію „предковъ моихъ, совокупилъ я всѣ сіи малыя вла„дѣнія подъ единаго Самодержца, единаго Владыку. „Какъ же могу поступить на разрушеніе дѣла рукъ „моихъ, на обращеніе въ ничто толикихъ моихъ „трудовъ, окончавшихся столь благоуспѣшно? Раз„ломавъ оружіе, доведу ли себя до жестокія необхо„димости, чтобъ запасаться онымъ сызнова на обу„зданіе своевольствъ, на удержаніе въ должности „всѣхъ и каждаго?

„Распустилъ я войски, да наслаждаются въ „нѣдрахъ семействъ плодами мира, доставленнаго „мною имъ; да благоденствуютъ въ безмятежіи! Не „нарушу спокойствія ихъ, не премѣнятъ образа жи„зни на таковый, который хощу, дабы вѣчно за„были. Намѣреніе мое есть и будетъ, не ослабно „пещися о благѣ вѣрныхъ моихъ подданныхъ: то и

„не долженъ никогда выпускать изъ мыслей пред-
„отвращенія случаевъ къ раздорамъ между ими.

„Меня одного имѣютъ они Владыкою: слѣдо-
„вательно отъ единаго же меня должны прини-
„мать законы. Одного меня довольно имъ добрѣ цар-
„ствовать. Отдаленности мѣстъ заставляютъ, чтобъ
„каждой области давалъ я отъ руки моей чиновни-
„ковъ, блюстителей и исполнителей власти моея;
„дабы дѣйствовали, по мѣрѣ довѣренности отъ ме-
„ня каждому, моими законами: мое уже будетъ дѣ-
„ло не ошибаться въ выборахъ таковыхъ.„

Ше Гоанг-Ти, изрекши сіе, всталъ съ мѣста своего, и распустилъ собраніе.

Симъ окончался первый годъ царствованія его въ санѣ Императора, дватцать шестый же по возшествіи его на престолъ Тсинскій.

Слѣдовавшаго за онымъ началъ осмотры областей Китая Шен-Сискою.

Гора Ки-Теу-Шанъ, или пѣтушья голова, такъ наимянованная по виду своему, назначена была первымъ мѣстомъ прибытія его. Расположилъ путь чрезъ области Лунг-Сискую и Пе-Тискую, а по сему возъимѣлъ случай обозрѣть мѣста, трудныя сами по себѣ къ завоеванію. Обозрѣвалъ ихъ, какъ доклѣетъ дальновидному Государю. Не прокрадывается отъ него, каковъ тамошній кряжъ, роды растеній, мѣстоположеніе, воды, горы, рѣки, качество воздуха; навѣдывается въ подробности о нравахъ и обычаяхъ та-

тамошнихъ уроженцевъ, не остается ли еще между ими образа жизни предковъ ихъ; о древнихъ преданіяхъ, и каковы были они до послѣдняго государственнаго смятенія и своевольствъ ратныхъ людей. Словомъ, вникаетъ во все, дабы совершенно ему узнать нужное для перемѣны правительства, замышляемаго имъ: какія принять ему мѣры къ обезпеченію Государственныхъ рубежей, и чтобъ процвѣтало всегда земледѣліе.

Отъ горы сей въ страну прибылъ Гун-Тшунгскую, которая нынѣ составляетъ часть области Сеэ-Тшуэнской. Оттуда къ рѣкѣ Кин-Тсіуэнъ, дабы извѣдать самому, не баснію ли разсказывалися о преимуществѣ ея водъ.

Пилъ оныя многіе дни сряду, и обрѣлъ опытностію, что не напрасно были славимы. Вознамѣрился препровождать тамъ нѣкоторое извѣстное время каждаго года, привлекать туда сколько можно болѣе чужестранцевъ и путешественниковъ. На сей конецъ велѣлъ построить великолѣпное зданіе: назвалъ Син-Кунгъ; послѣ же пространную гостинницу.

Чиновными людьми на пути своемъ срѣтаемъ былъ со всѣми пріуготовленіями, какія потребны были для Царя надъ Царями. Вездѣ зрѣлися разставленныя рѣдкости каждаго края, дабы единымъ ударомъ очей могъ онъ обозрѣвать все достойное примѣчанія на мѣстахъ, минуемыхъ имъ.

Дороги гладкія и широкія, по обѣимъ сторонамъ вновь насажденныя превеликія древеса во всей

ихЪ естественной красотѣ. Относительно кЪ послѣднимЪ сказалЪ онЪ: . . . „Сіи дороги для меня тако устроены. . . . Крайнѣ доволенЪ я тѣмЪ; приносятЪ пользу обществу, какой только желать можно. . . . Но не справедливо бы было, чтобЪ я одинЪ пользовался ими. Подданные мои болѣе имѣютЪ вЪ нихЪ нужды. Певелѣваю по всему пространству областей моихЪ устроить таковыя же отЪ города кЪ другому, и были бы во всемЪ подобны находимой мною здѣсь„ . . . . СЪ того самаго года велѣніе таковое исполнять начали самымЪ дѣломЪ. ВЪ слѣдующее лѣто, двадесять осьмое его царствованія, двѣсти девятнатцать до рождества Христова, совершивЪ онЪ торжество наступленія новаго года, паки путешествуетЪ вЪ Восточную страну Имперіи. ДостигаетЪ города Кіун-Гіэна, вЪ Царствѣ ЛускомЪ, славившагося множествомЪ ученыхЪ людей, которые или вЪ немЪ родились, или просвѣтили себя Науками. СЪ притворнымЪ удовольствіемЪ осматривалЪ тамошніе памятники учености. ЗаставилЪ написать сочиненіе о доблестяхЪ, дарованіяхЪ, воинскихЪ подвигахЪ, и всѣхЪ ихЪ великихЪ качествахЪ своихЪ, кЪ учиненію памяти своего имяни безсмертною. Избранные трудиться вЪ томЪ во зло употребили данное имЪ отЪ него позволеніе, просить всего поспѣшествующаго славѣ отечества и благоденствію общенародному. Ни о чемЪ иномЪ столько не твердятЪ, какЪ о времянахЪ древнихЪ, древнихЪ обычаяхЪ, древнихЪ ИмператорахЪ; а сіе-то точно и было противно Ше-Гоанг-Тію. ПреодолѣвЪ онЪ самЪ себя, отвѣтствуетЪ снизходительно, что еще не приспѣли удобности случаевЪ кЪ тому, ниже возможно еще оное по обстоятельствамЪ. Но ученые мужи не бываютЪ удержаны, а безпрестанно про-

просятъ или о возстановленіи какого либо старинняго закона, или какого либо обряда вышедшаго изъ употребленія. Напослѣдокъ предъ самымъ его отъѣздомъ говорятъ ему: . . . „Государь! содѣлаемое тобою есть безпредѣльныя важности, да и достойно „всекрайняго твоего обмышленія. Когда премудрые „наши Государи добродѣтельныя древности отправлялися приносить жертвы на знаменитыхъ горахъ „областей своихъ, завремянно пріуготовлялися они къ „тому со всевозможнымъ тщаніемъ. Имѣя глубочайшее почтеніе къ мѣстамъ, на коихъ совершаться „оныя долженствовали, разумѣли тяжкимъ преступленіемъ не оказывать онаго внѣшними знаками. „Являлися смиренномудры, внимательны, углубляющіеся въ размышленія; все окружавшее ихъ зрѣлося „тому сообразно. Колесницы ихъ были безъ всякаго „украшенія, колеса обвернутыя тростникомъ, или „иною нѣкою на водахъ растущею травою, дабы „не попирать земныя поверьхности со звукомъ, не придавлять камней и растенія на мѣстахъ священныхъ „предъ ихъ очами.

„Ближась къ нимъ, стряхивали пыль съ одеждъ „своихъ, подметывали начисто; ничего не рѣзали, „ничего не вырывали съ корнемъ, и такъ далѣе. После сооружался жертвенникъ изъ нѣсколькихъ камней, или изъ глыбъ земли, кои сами они клали на „подушку, покрытую быліемъ, травою, зелеными „листьями. Со благоговѣніемъ начинали жертвоприношенія. . . . Не видимъ мы, Государь! ничего подобнаго въ твоихъ поступкахъ, а напротивъ. . .

Ше-Гоанг-Ти не попустилъ ихъ продолжать, а еще воздерживаяся на нѣкоторое время, отвѣчаетъ имъ: . . . „Предлагаемое мнѣ вами не можетъ быть „нынѣ исполнено. Я поступаю несравненно простѣе „древнихъ вашихъ Государей, коихъ смиренномудріе „превозносите вы. Нужно мнѣ путешествовать къ „горѣ Тсеу-И-Шану; далъ уже я велѣніе проложить „дорогу отсюда даже до вершины сей горы, по кото„рой бы спокойно я со всемъ моимъ сопутствіемъ „слѣдовать могъ: а для того должно валить лѣса, „жечь кустарники, исторгать былія, относить въ „сторону камни. . . . Олтарь, жертвы на заколеніе, „все сіе будетъ готово въ прибытіе мое туда. Ис„полню все то, въ чемъ состоитъ предметъ моего „путешествія. . . . . Столь простое расположеніе „не пристойнѣе ли всѣхъ славимыхъ вами распоряже„ній древнихъ? Впрочемъ, какъ не чего уже вамъ „дѣлать при мнѣ, то можете меня оставить, и „по прежнему приняться за упражненія и должности „ваши, естьли послѣднія имѣете. Когда будете мнѣ „нужны, дамъ вамъ знать.„

Великія надежды ученыхъ изчезли, ставъ столь уничижительно отосланы; а Ше-Гоанг-Ти не вѣрилъ самъ себѣ, что возмогъ обуздать гнѣвъ свой и не покарать ихъ. Станется, что укрощали его слышанныя отъ нихъ похвалы себѣ, и не хотѣлъ мстить за опроверженіе оныхъ послѣдними ихъ словами. Но какія бы ни были намѣренія его, то несомнѣнно, что неизрѣченно раздражился противу ученыхъ людей вообще, прекателей его поведенія.

Окон-

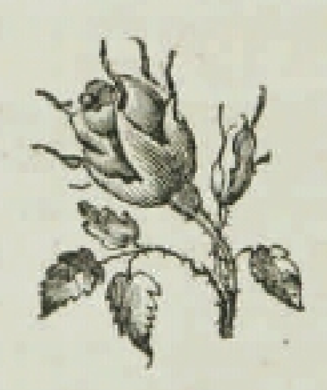
Окончены уже всѣ пріуготовленія, не осталось, о чемъ бы ему предписывать въ разсужденіи шествія своего на гору. Во многочисленномъ препровожденіи идетъ на самую вершину оныя, обращенную къ Полудню; приноситъ жертву; ставитъ памятникъ, выработанный предъ его глазами въ послѣднемъ городѣ. То былъ камень высокій, широкій, продолговато-четвероугольный. Закраины уподоблялися ракамъ, на коихъ видны были таинственныя изображенія: силы мужества, храбрости, премудрости, могущества, величія и всѣхъ прочихъ значеній безпредѣльныя власти. Похвала ему, сочиненная искуснѣйшими витіями, занимала междомѣстіе посреди ракъ сихъ. А дабы не касалось памятнику таковому никакія воздушныя суровости, любопытные могли бы разсматривать оный спокойно и былъ защищенъ отъ солнца, дождей и вѣтровъ, обнесли особымъ зданіемъ круглымъ, коего внутренность украшена рѣзьбою.

Съ горы сошелъ Ше Гоанг-Ти Сѣверною ея стороною, и продолжалъ путь чрезъ область Шанг-Тонгскую, осматривая знатнѣйшие города. За симъ достигъ горъ Шан-Шанской, Леангъ Фуской и Лонг-Іэской, которыхъ тогда славнѣе не было въ Имперіи: совершалъ на нихъ жертвоприношенія, воздвигалъ памятники, точно такіе же, какой оставилъ на горѣ Тсеу-И Шанъ. . . . Состояли оные, повѣствуетъ нѣкій Китайскій Писатель, въ свидѣтельствахъ почестей восьми родамъ духовъ, особенно начальствующихъ надъ горами и рѣками. Мня онъ удовлетворить ихъ такимъ образомъ, не страшился продолжить шествіе свое даже до береговъ Восточнаго моря, дабы и оному принести жертву, яко долгъ необходимый.

Благо-

Благоугождатели и льстецы, увидѣвъ его близь рубежей Имперіи, въ странѣ, въ которой возходитъ солнце, представляютъ предъ него человѣка имянемъ Син-Ше, и еще нѣсколько подобныхъ ему, которые слыли имѣющими сообщеніе съ духами. Принялъ ихъ съ отмѣннымъ снизхожденіемъ. Вопрошалъ о естествѣ безплотныхъ сихъ, о дѣйствіяхъ и власти ихъ, удостовѣряя, что наполненъ къ нимъ наиглубочайшимъ почтеніемъ.

Конецъ V Тома.

Примѣч. Продолженіе житія Тсин-Ше Гоанг-Тія въ слѣдующемъ VI Томѣ Китайскихъ Записокъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ V ТОМА.

Х XVI.

XXXIX.

ИЗВѢСТІЕ,

При которыхъ страницахъ должны быть положены Рисунки въ V Части Записокъ Китайскихъ.

